

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

2020 Том 11 № 4

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

**Научный журнал
Издается с 2010 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

В.Н. Денисенко, доктор
филологических наук, профессор,
РУДН, Российская Федерация
E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Н.В. Новопасская, кандидат
филологических наук, доцент,
РУДН, Российская Федерация
E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

Ответственный секретарь

О.В. Лазарева, кандидат
филологических наук,
РУДН, Российская Федерация
E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Беднартова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов (Прешов, Словакия)

Болдырев Николай Николаевич, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (Тамбов, Российская Федерация)

Владиминова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент, Республика Узбекистан)

Карасик Владимир Ильич, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Российская Федерация)

Красина Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

Маслова Валентина Аврамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова (Витебск, Беларусь)

Монфорте Дюпре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков (Витория-Гастейс, Испания)

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

Петров Александр Владимирович, доктор философских наук, профессор, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация)

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

Талавера-Ибарра Педро Леонардо, доктор философии, профессор, Южный университет Штата Миссури (Джоплин, Миссури, США)

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт (Павлодар, Республика Казахстан)

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library CyberLeninKa, EBSCOhost, DOAJ.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика (Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика)* издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в список журналов ВАК РФ. Журнал является международным и по составу редакционной коллегии, и по тематике и авторам публикаций.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей и частной теории языка; теорию речевой деятельности и речи; семиотические характеристики знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотику и поэтику художественных текстов; функциональную семантику лексических и грамматических единиц; предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование типологии категорий и единиц языка.

Журнал публикует статьи, доклады, рецензии и научную хронику исследований ведущих ученых различных областей гуманитарной сферы, а также материалы молодых ученых — докторантов, аспирантов и магистров. Материалы публикуются на русском и английском языках.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>.

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

Электронный адрес: semioticj@rudn.ru

**Литературный редактор: К.В. Зенкин
Компьютерная верстка: Ю.Н. Ефремова**

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: semioticj@rudn.ru

Подписано в печать 03.11.2020. Выход в свет 18.11.2020. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 15.6. Тираж 500 экз. Заказ № 1058. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2020

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2020 VOLUME 11 No. 4

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir Denisenko
RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

DEPUTY-EDITOR-IN-CHIEF

Natalia Novospasskaya
RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya Lazareva
RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Kludlia Bednárová-Gibová, University of Prešov (Prešov, Slovakia)

Nikolay N. Boldyrev, Tambov State University named after G.R. Derzhavin (Tambov, Russian Federation)

Tatyana Vladimirova, MSU n.a. M.V. Lomonosov (Moscow, Russian Federation)

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Languages University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Vladimir I. Karasik, Volgograd State Social Pedagogical University (Volgograd, Russian Federation)

Elena Krassina, RUDN University (Moscow, Russian Federation)

Valentina Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov (Vitebsk, Belarus)

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country (Vitoria-Gasteiz, Spain)

Marina Novikova, RUDN University (Moscow, Russian Federation)

Alexandr Petrov, Taurian Academy Crimean Federal University n.a. V.I. Vernadsky (Simferopol, Russian Federation)

Vladimir Sinyachkin, RUDN University (Moscow, Russian Federation)

Pedro L. Talavera-Ibarra, Missouri Southern State University (Joplin, Missouri, USA)

Zifa Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University (Pavlodar, Kazakhstan)

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMIOTICS AND SEMANTICS**
**Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(the RUDN University), Moscow, Russian Federation**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, EBSCOhost, DOAJ, Russian Index of Science Citation

Aims and Scope

"RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics" elaborates and deepens the topics of general and special theory of language, speech activity and speech; semiotic features of sign systems and those of language units, belonging to different levels and texts; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units; pays attention to complex and comparative typological research of language categories and units.

General goals and objectives of the journal, besides the development and propaganda of humanities, include the integral characteristics of paradigms of philological and humanitarian knowledge — symbolic and social paradigms, in particular. As to the application, methodology and complex, integral methods of theoretical research of language and society are being elaborated as well as the research in systemic linguistics and language modeling.

Academic Journal **"RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics"** was founded in 2010 (4 issues a year) and is a peer-reviewed journal on the list of the RF State Commission for Academic Degrees and Titles. It's an international journal regarding both the editorial board and contributing authors as well as research and topics of publications. Its authors are leading researchers possessing PhD and PhDr degrees, and PhD and MA students from Russia and abroad. The journal also introduces such sections as "Reviews", "Scientific Reviews", "Scientific Chronicles".

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>.

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Access to full-text files of issues and articles on the journal website is open to all users. Print issues are subscribed.

E-mail: semiotij@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*
Computer design *Yu.N. Efremova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semiotij@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

The Peoples' Friendship University of Russia (the RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА.
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА**

- Mamontov A.S., Stolyarova A.G. (Moscow, Russian Federation) (Мамонтов А.С., Столярова А.Г. (Москва, Российская Федерация)).** Functional and Semantic Attribution of the Future Tense Grammatical Markers in the Korean Language (К вопросу о функционально-семантической отнесенности грамматических показателей будущего времени в корейском языке) 611
- Trufanova I.V. (Moscow, Russian Federation) (Труфанова И.В. (Москва, Российская Федерация)).** Negative Russian Pronoun *Что* (Отрицательное местоимение *что*) 625
- Иванов Е.Е. (Могилёв, Республика Беларусь).** Афоризм как объект лингвистики: основные признаки 659
- Зарытовская В.Н. (Москва, Российская Федерация).** Та-марбута как грамматический и семантический показатель: харф или аффикс? 707
- Логвина С.А. (Симферополь, Российская Федерация).** Особенности просодической организации некоторых понятийных элементов эвфемизма 716
- Видинеева Н.Ю. (Пенза, Российская Федерация).** Средства имплицитности в жанре русскоязычных политических блогов 733

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Волков В.В. (Тверь, Российская Федерация).** Искусственный «интеллект» и человеческий ум: футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты) 745
- Semenova S.N., Aksyutenkova L.G. (Krasnodar, Russian Federation) (Семенова С.Н., Аксютенкова Л.Г. (Краснодар, Российская Федерация)).** Cognitive-Pragmatic Interpretation of Linguistic Personality (on the example of market-economic terminology) (Когнитивно-прагматическая интерпретация языковой личности (на примере рыночно-экономической терминологии)) 760
- Валентинова О.И., Ван Лэлэ (Москва, Российская Федерация).** Проявление категории образа автора в характеристике правления Петра Великого (на материале сочинения В.О. Ключевского «Русская история») 775
- Чулкина Н.Л., Денисенко В.Н. (Москва, Российская Федерация).** Юрий Николаевич Караулов. К 85-летию юбилею 790

CONTENTS

MODERN PHRASEOLOGY

- Mamontov A.S., Stolyarova A.G. (Moscow, Russian Federation).** Functional and Semantic Attribution of the Future Tense Grammatical Markers in the Korean Language 611
- Trufanova I.V. (Moscow, Russian Federation).** Negative Russian Pronoun *Чмо* 625
- Ivanov E.E. (Mogilev, Republic of Belarus).** Aphorism as an Object of Linguistics: the Main Properties..... 659
- Zarytovskaya V.N. (Moscow, Russian Federation).** Ta-Marbuta as Grammatical and Semantic Indicator: Harf or Affix? 707
- Logvina S.A. (Simferopol, Russian Federation).** Euphemism: Prosodic Organization of Conceptual Components 716
- Vidineeva N.Yu. (Penza, Russian Federation).** Means of Implicitness in Russian Political Weblogs 733

COGNITIVE RESEARCH

- Volkov V.V. (Tver, Russian Federation).** Artificial “Intelligence” and the Human Mind: Futuristic Synecdoche and Reality (Linguistic and Linguamental Aspects) 745
- Semenova S.N., Aksyutenkova L.G. (Krasnodar, Russian Federation).** Cognitive-Pragmatic Interpretation of Linguistic Personality (on the Example of Market-economic Terminology) 760
- Valentinova O.I., Wang Lele (Moscow, Russian Federation).** Manifestation of the Author’s Image Category in the Characteristics of the Reign of Peter the Great (based on the material of V.O. Klyuchevsky “Russian History”) 775
- Chulkina N.L., Denisenko V.N. (Moscow, Russian Federation).** Yuri Nikolaevich Karaulov. To the 85th Anniversary of Prof. Yu.N. Karaulov 790

Функциональная грамматика. Функциональная семантика

Functional grammar. Functional Semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-611-624

UDK: 811.531'36/37

Research article / Научная статья

Functional and Semantic Attribution of the Future Tense Grammatical Markers in The Korean Language

Alexander S. Mamontov¹, Alexandra G. Stolyarova²

^{1,2}Pushkin State Russian Language Institute

6, Akademika Volgina st., Moscow, Russian Federation, 117485

¹as-mamontov2@yandex.ru; ²aleks-stolyarova@yandex.ru

Abstract. The article discusses functional and semantic status of Future Tense grammatical markers of the Korean language. Despite the fact that discussions on this issue have been going on for more than a dozen years, still among researchers, there is no consensus on how many grammemes make up the category of Tense in Korean, whether it contains an independent Future Tense grammeme, and if so, which markers should be relevant to it. Due to the relevance of the problem, the authors aim to give a brief overview of the opinions on the issue, dividing them into two groups — asserting the presence of the Future Tense grammeme in Korean or denying it, as well as to justify personal position on the status of grammatical markers with prospective semantics. As research material, various Korean grammar researches and Korean grammar (connective and finite endings and constructions with -(으)ㄴ Korean Future Tense participle marker) are used. The result of the study shows that Korean Tense category has no specific Future Tense forms as opposed to the Present and Past Tense forms. All markers with prospective semantics are modal, which means that the Futurum category in Korean implements itself in the functional and semantic field of modality rather than temporality. Authors argue statement that -(으)ㄴ 것이다 Korean construction has the ability to act as neutral non-modal Future Tense marker. According to the point of view of a systemically oriented approach to the grammatical units analysis, presented in the article, the conclusion about Korean -(으)ㄴ 것이다 s' modal status is made.

Keywords: Korean language, functional and semantic field, modality, temporality, Future Tense grammeme, -겠- suffix, -(으)ㄴ 것이다 construction

Article history:

Received: 20.04.2020

Accepted: 15.07.2020

© Мамонтов А.С., Столярова А.Г., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

For citation:

Mamontov, A.S. & Stolyarova, A.G. (2020). Functional and Semantic Attribution of the Future Tense Grammatical Markers in the Korean Language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (4), 611—624. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-611-624

УДК: 811.531'36/37

К вопросу о функционально-семантической отнесенности грамматических показателей будущего времени в корейском языке

А.С. Мамонтов¹, А.Г. Столярова²

^{1,2}Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
ул. Академика Волгина, 6, Москва, Российская Федерация, 117485
¹as-mamontov2@yandex.ru; ²aleks-stolyarova@yandex.ru

Настоящая статья посвящена рассмотрению проблемы функционально-семантического статуса грамматических показателей будущего времени в корейском языке. Несмотря на то, что дискуссии по данному вопросу ведутся уже не один десяток лет, среди исследователей до сих пор нет единства во мнении о том, из какого количества граммем состоит категория времени в корейском языке, есть ли в нем самостоятельная граммема будущего времени, и если да, то какие именно показатели следует к ней относить. В связи с актуальностью проблемы авторы статьи ставят перед собой цель дать краткий обзор точек зрения по вопросу, разделив их на две группы: утверждающие наличие в корейском языке граммемы будущего времени и отрицающие его, — а также обосновать собственную позицию относительно статуса грамматических показателей с проспективной семантикой. Материалом исследования послужили как исследования по грамматике корейского языка разных лет, так и сама корейская грамматика (соединительные и финитные окончания и конструкции с показателем -(으)ㄹ причастия будущего времени). Результатом исследования стал вывод, что в категории времени в корейском языке нет самостоятельных форм будущего времени, противоположенных формам настоящего и прошедшего. Все показатели с проспективной семантикой являются модальными маркерами, что свидетельствует о том, что категория футурума в корейском языке реализует себя в функционально-семантическом поле модальности, а не темпоральности. С точки зрения представленного в работе системно ориентированного подхода к анализу грамматических единиц делается вывод о модальном статусе конструкции -(으)ㄹ 것이다, которой в современном корееведении часто приписывается способность выступать в качестве модально нейтрального показателя будущего времени.

Ключевые слова: корейский язык, функционально-семантическое поле, модальность, темпоральность, граммема будущего времени, суффикс -겠-, конструкция -(으)ㄹ 것이다

История статьи:

Дата поступления: 20.04.2020

Дата приема в печать: 15.07.2020

Для цитирования:

Мамонтов А.С., Столярова А.Г. К вопросу о функционально-семантической отнесенности грамматических показателей будущего времени в корейском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 4. С. 611—624. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-611-624

Introduction

As is well-known, in Russian the Tense category is closely connected with the Aspect category of the Verb which is why to make up any verbal Tense forms the expression of the aspect features of an action is obviously a must. The Future Tense grammeme is included in the sets of Tense forms and opposed to the Past and Present Tense forms and thus as a consequence, it's connected with the verbal Aspect category and belongs to the semantic field of temporality within the Indicative Mood. Although by nature the Future Tense modus is unreal, principally hypothetical and often “in natural languages reflected by means of various modal forms” [1. C. 267], in Russian it's interpreted as the real one being connected with such modal categories as intention, wish, possibility, etc.¹

If in Russian, the issues of the Future Tense grammeme status, its correlation with the Past and Present Tenses grammemes, the verbal category of Aspect and Mood are solved quite easily, in Korean they were and still are under discussion to reveal the polar opinions and multiplicity of approaches to describe the verbal category of Tense as a whole, and the Future Tense, in particular. Thus the issue of the verbal Aspect markers (as in various studies their constituents can vary both in quality and in number), though many scholars have to recognize this category to be optional² and state that the Korean language possesses the Tense but not the Tense-Aspect system” [3; 4; 5].

Even more complicated lies the issue of the existence in Korean an independent grammeme of the Future Tense as opposed to the Past and Present Tense forms. Various researches solve it both positive [6; 7; 8; 9; 10; 11] and negative [5; 12; 13; 14; 15], while quite often it's determined by the point of view on the existing Korean Tense system revealing 2 (Past, Nonpast; Actual, Remote I, Remote II) [5; 12]; 13 (in 3 moods) [9] and even 18 Tenses [8]. Besides, the researchers can't reach the unified opinion on the grammar prospective markers being temporal or modal-temporal, and which mood markers of modal-prospective meaning belong to³.

The main target of this study is a short review of the opinions as well as elaborating and stating the authors' point of view on the issue.

1. Analysis of studies stating the existence of the Future Tense grammeme in the Korean Language

One of the earlier studies of Korean — G.J. Ramstedt “A Korean Grammar” [6] one can see the manifold Tense system of the Indicative Mood

¹ We'd like to make a remark that further on while using the term “modality” we'd always confine to subjective modality (the relation of *a speaker* to the piece of information), which might be non-obligatory or optional component of the sentence predicative nucleus. As opposed to it, the objective modality (the relation of *a piece of information* to the real), is vice versa, an obligatory sentence component [2].

² “[The Aspect meaning] is determined by the general context and may stay undefined” [3. P. 26].

³ Controversial questions on the mood in the Korean language are discussed in [16].

consisting of 3 groups of forms: declarative, regressive and indecisive ones. Each group consists of 6 tenses: Present, Past, Future, Pluperfect, Past-Future and Future-in-the Past which in general reminds the Tense system in Romanic-Germanic languages with the dominance of the so-called 'Absolute' Tense relevant to the moment of speech. In our opinion, the inconsistency appears due to the fact that Korean similar to Russian, is characterized by the dominance of relative tense forms referring to the moment of action [4]. According to G.J. Ramstedt, the Future Tense grammar marker is suffix -겠- (ket) which in combination with suffixes of the Past Tense makes up the Past-Future and Future-in-the Past forms. It's worth noting that despite belonging to the Indicative Mood the forms with -겠- suffix in translation made by G.J. Ramstedt himself, "acquire" modal senses: 보겠다 *he will see*; 보았겠다 *he must have seen*; 보겠었다 *he had to see*; 보겠지 *I assume, he will see*; 보겠었지 *he might have seen*, etc. [6. P. 99—100]. Thus, casting no doubt about the existence of the Future Tense grammeme in Korean, nevertheless, G.J. Ramstedt accepts the associate modality (although not in every form).

Korean researcher H.B. Lee in his book on Korean Grammar [8] also suggests extremely complex system of 18 tenses. Its first division demonstrates 2 tense groups: Direct Tenses and Retrospective Tenses with evidential marker — 더. Each group is divided into Simple Tenses having temporal meanings within a single word form, and Compound, or Progressive Tenses having temporal meaning complicated by aspect meaning of process expressed by means of analytical construction -고 있-. Future Tense is formed by using -겠- suffix and has got two meanings of Intentive Future used in the sentences with the 1st person singular Subject and Presumptive Present or Future used in the sentences with the 2nd and 3rd person Subjects. Besides, similar to the G.J. Ramstedt's classification, -겠- suffix in combination with the Past Tense suffixes and evidentiality, as well as the construction of -고 있-, is used to form quite a number of tenses: Future Progressive (-고 있겠-), Past of Probability (-왔/였겠-), Past Perfect of Probability (-왔/였었겠-), Past Progressive of Probability (-고 있었겠-), Future Retrospective (-겠더-), Past Retrospective of Probability (-왔/였겠더-), Future Progressive Retrospective (-고 있겠더-), Past Progressive Retrospective of Probability (-고 있었겠더-). As is seen, all the tense forms exposed -겠- suffix reflects not temporal, but modal meaning — intention or probability, which involves into classification one more argument — modality.

Besides, quite a great number of tenses indicates that the system also tends to denote an absolute rather than relative tense. Thus the system itself proves to be an artificial construction, firstly definitely striving to apply to the Korean language the Romanic-Germanic tense system, and secondly, violates the principle of background singularity as apart from self-temporal markers uses separate elements of evidentiality, aspectuality and modality categories.

Soviet and Russian Orientalist Yu.N. Mazur [10] while treating the Future Tense category attributes to it only one -겠- suffix. He makes up his classification of the Future Tense meanings proceeding from its reference to the Present Tense plane or the Preterit (Past) Tense plane, specifying 4 syntagmatic meanings: 1) Present Hypothetical Future; 2) Present Appellate (Rhetoric) Future; 3) Preterit Hypothetical Future; 4) Preterit Appellate (Rhetoric) Future. This classification ignores and lacks the meaning of Future proper, but contains the indication to its hypothetical character as an essential one. The action of Present Future coincides with the moment of speech and is embedded in the context of the Present Tense. The hypothetical Future means a presupposition of the third person; the Appellate Future denotes “action (situation, feature) in Present which is stated by a speaker as a rhetoric question” [10. C. 158]. The Preterit Future possesses the same meanings but on the Past plane. In our opinion though, such approach to describe the Future grammeme also tends to drift towards absolute tense, and its undoubted advantage belongs to admitting inequitable positioning of grammatical Future in relation to the Past and Present, which makes it possible to pose the question on the -겠- suffix status and the grammeme of the Future.

Korean researcher Paek Pong Ja speaks about three grammar tenses — the Past, Present and Future. She also agrees the -겠- suffix to be the marker of the Future Tense. According to her point of view, it is used when the communicants speak about unconfirmed fact existing as a mental image in the speaker’s mind [11. P. 5]. She remarks as well that the meaning of this suffix vary depending on the subject grammar person in the sentence. If the subject has got the form of the 1st person singular, it expresses intention, will of the speaker and could be used to describe the situation both in Present and Future. [11. C. 9]. Examples: 그만 먹겠습니다. *I’m not eating/will eat anymore.* 앞으로는 이런 잘못을 하지 않도록 하겠어요. *From now on, I’ll never make such a mistake.*

In case the subject has got the form of the 2nd or 3rd person, -겠- suffix expresses the supposition or guess of a speaker. The supposition could concern both — the Present and Future planes, while at that the supposition of the Future should have immediate link with the Present and be supported by personal observation [11. C. 9, 91]. Examples: 10 시니까 그이가 지금은 사무실에 있겠어요. *[Now] it’s 10 o’clock, so he should have been in the office now.* 내일은 날씨가 흐리겠다. *Tomorrow it might be overcast.*

Thus despite the embedding of -겠- suffix in the temporal system to describe the grammatical Future Tense, Paek Pong Ja, the orientation towards modality dominates. The action referring to the Future plane stays inseparable with the Present, and is characterized through the speaker’s reference to it. As soon as the relation to one’s proper action and to the action carried out by some other person a priori couldn’t be one and the same, in various contexts one and the same marker of the Future Tense reveals different meanings.

2. Analysis of the studies denying the existence of the Future Tense grammeme in the Korean Language

Modern Korean studies more and more often observe the point of view on the Korean language deficiency of the independent Future Tense category because speaking about the future a Korean speaker means not real, but possible, probable future using the suffix to express intention, readiness or promise, depending on the context, to make the action mentioned, but not the future itself [2; 5; 12; 13; 17; 18]. Thus, A.G. Vasilyev says, "Whether the examples given above [sentences with -겠- suffix] are the evidence of the -겠- suffix -*kem-* to denote the Future Tense, as is believed some researchers of the Korean language? As a matter of fact, logically speculating, one has to admit that all the sentences mentioned above denote actions, if they are actually going to take place, will happen just after the moment of speech. But this fact is due to the implication of such concepts as wish, intention, promise and readiness to make any action, but not the meaning of the future expressed by the suffix itself. To assign the temporal meaning to the suffix itself is practically the same if to allege that the Russian sentence "Я хочу навестить друга" (lit.: 'I'd like to see my friend') expresses the Future Tense by the infinitive. (...) -겠- suffix itself tells nothing about the time of the event which in predicative forms with -겠- suffix could take place in the future, at present and in the past" [17. P. 9, 15].

Modern Russian orientalist carrying out Korean studies O.A. Trofimenko define the -겠- suffix as a marker to refer the sentence to the plane of the Future, but speaks on the point within the topic of moods in Korean. According to her point of view, this suffix is the marker of the prognostic mood denoting "the situation which hasn't yet been realized, but is close to the realization, that is being potential. This mood often makes up the principle means to define the events referring to the future" [14. P. 72]. The Potential Mood an action is being *anticipated* and treated as possible, presupposed or bound, which is why the -겠- suffix bearing meanings of intention and presupposition is the marker of "the grammar category of potential mood" [14. P. 72], and bearing modal but not temporal meaning inherently thus it can combine with the suffixes of the Past and Present Tenses.

Another Korean scholar Seo Jeong Su [13] also shares the opinion to deny the Korean Future Tense grammeme existence. He assumes only two tenses — the Past and the Nonpast, and remarks that neutral modal form of the Nonpast Tense could express the meaning of the future as in Korean, there's no independent Future Tense form. The -겠- suffix and the participle construction of the Future Tense -(으)르 것이다 are considered as strictly modal ones without any reference to any moment of speech.

Lee Keedong [12] argues in the similar vein. According to him, the Korean language discriminates two tenses — actual (Actual, with -ㄴ/는- marker) and

remote, having two forms (Remote I, -왔/왔-; Remote II, -왔/왔었-). The -겠- suffix and -(으)ㄹ 것- construction he treats within the category of modality, similar to Seo Jeong Su.

Attractive view on the issue of the number of Korean tenses and the grammar markers is developed in the study by S. Sonh Sung-Ock [5], who proves the Korean tense system to involve two grammemes — the Past with the -왔/왔- marker being the sole marker of the aspect category and Nonpast with its zero morpheme marker (-Ø). According to the scholar, the -겠- and -(으)ㄹ/리-, as a rule, treated in the traditional grammar as the markers of temporality or aspectuality, in fact have nothing in common either with tense or aspect because they make the modality category elements with meanings of will and wish, verification, circumstantial guess/presupposition (-겠-) and prognosis (-(으)ㄹ/리-). They are treated as the markers of the Future due to the zero suffix (-Ø), which is unobvious to mark the forms of Nonpast (Present/Future) Tense [5. P. 46].

Summing up the review of the issue on the existing or not of the independent Korean grammeme of the Future Tense, it would be useful to turn to the dissertation by E.N. Kondratyeva [19], devoted to the diachronic study of predicativity of The Early/New Korean literary text dating back to the XVIII century. The linguist states that “the Middle Ages Korean didn’t have the special morpheme to render the meaning of the future” [19. C. 59], while in modern Korean studies, the participle marker -(으/으)ㄹ, having a high rank of objectivity (in comparison with the -겠- suffix) is the marker of probability modality, that is, implicit mood, or unreality. Nevertheless, according to E.N. Kondratyeva, the -(으)ㄹ 것이다 modern Korean construction after all reveals the meaning of modally neutral Future Tense in case if the predicate function belongs to stative verbs, the ㄹ- copula or the verbs of existence/non-existence 있-/없-, and their “zero form⁴ couldn’t be used to express the Future Tense” [19. P. 58]. Although such approach to understanding the semantics of -(으)ㄹ 것이다 construction could be accepted, the researcher herself stresses the fact that in Korean, it doesn’t speak in favour of grammatical symmetry between the Future, on the one hand, and the Present/Past, on the other hand.

One has to remark that modern Korean studies share two points of view on the -(으)ㄹ 것이다 construction nature. According to the first one, it contains in itself “the highest degree of subjective certainty in the future event” [19. P. 59], which naturally includes it in the modality category. According to the second one, this construction adds to the sentence more objective character, in comparison with the -겠- suffix, and presents the future impartially. “Thus ability to objectivize (...) attributes a specific status to the construction within the epistemic

⁴ E.g., the form of the Present meaning the Future.

modality, thus discriminating it from pure modal constructions (...), and also providing for its evolution towards the marker of the Future Tense” [19. P. 60].

We’d rather disagree to the second approach as, in our opinion, it contains a contradiction. On the one hand, despite the fact that the -(으)ㄴ 것이다 construction does reveals the greater degree of sentence objectivity than the -겠- suffix, one can’t deny the modal senses it involves. According to the grammatical dictionary, it expresses the intention (ambition, willingness) or presupposition of a speaker [11. С. 91]⁵.

Examples: 나는 내일 집에 없을 겁니다. (Russian: *Меня завтра не будет дома*; English lit.: *I won’t stay at home tomorrow*); 공과대학은 올해 경쟁이 심할 것입니다. (Russian: *В университете Конгва в этом году будет жесткая конкуренция*. English lit.: *There’s going to be a strong concurrence at the Kongva University*).

Though the intention and presupposition have an objective character, they still stay intention and presupposition, that is, modal categories. Besides, The possibility itself to evaluate the degree of objectivity/subjectivity of the -(으)ㄴ 것이다 construction by means of semantic comparison with the -겠- suffix, doesn’t allow consider it to be a temporal marker. These assumptions makes us accept that “the objectivity” of the construction is nothing else but the highest degree of subjective belief.

Among other issues, discrimination the -(으)ㄴ 것이다 construction from “pure” modal constructions, we thus confirm the ambivalent objective and subjective character of its semantics, which depending on the lexical environment, should fulfil opposite functions: to objectivize the contexts, or vice versa to add modality to it. The existence of such functional contradiction within the only one grammar marker causes much doubt.

3. Analysis of modal endings and constructions of final and non-final predicates with the -(으)ㄴ ending of the Future Tense participle

To demonstrate modal possibilities of the -(으)ㄴ ending of the Future Tense participle we’d get down to describe a number of linking and finite constructions.

-(으)ㄴ 게- used to express speaker’s intention, oath or promise against a fact to take place in the future.

Examples: 극장표는 내가 살게. (Russian: *[Тогда] я куплю билеты в театр*. English lit.: *[Then] I will buy tickets to the theater*). 새해부터는 술과 담배를 끊을게. (Russian: *С нового года брошу пить и курить*. English lit.: *After the New Year I will quit drinking and smoking*).

⁵ See also: on the modality of the -(으)ㄴ participle ending of the Future Tense in [19; 20].

-(으)르까? — has a number of meanings;

1) a sentence with the subject of the 1st person singular makes a question to a communicator about his opinion on the action which the subject is going to fulfil, or it could be an Imperative phrase in the form of a question, e.g., 창문을 닫을까요? (Russian: *[Мне] закрыть окно?* English lit.: *Shall I close the window?*). 이사장님의 비서를 부를까요? (Russian: *He позвать ли [вам] секретаря директора Лу?* English lit.: *Shall you call director's secretary?*);

2) a sentence with the subject of the 1st person plural makes up an invitation for a common action, e.g., 주말에 우리 둘이 여행이나 떠날까? (Russian: *Съездим куда-нибудь на выходных?* English lit.: *Shall we go out during the weekend?*);

3) a sentence with the subject of the 3rd person is a presupposition of a speaker against the action or condition of a subject, e.g., 누가 이길까요? 한국 선수가 이길까요? (Russian: *Как думаешь, кто выиграет? Корейский спортсмен?* English lit.: *What do you think, who is going to win? Korean sportsman?*);

4) a sentence makes up a question to a communicant on the possibility to fulfil an action of somebody/something, e.g., 길이 미끄러운데 버스가 여기까지 올까요? (Russian: *На дорогах скользко. Думаешь, автобус сможет сюда доехать?* English lit.: *The roads are slippery. Is it possible the bus could come here?*);

5) a sentence could make a rhetoric question (a confirmation in a question form), and in this case, it stresses disagreement of a speaker with the content, e.g., 그렇게 큰 회사에서 월급을 제 날짜에 안 줄까요? (Russian: *[Неужели] в такой большой фирме не выплачивают зарплату вовремя?* English lit.: *Do you say they are not paying the salary on time in such a big firm?*).

-(으)르라 — is a warning of a communicator about some unpleasant or unwelcome situation could take place in the future (Admonitive), e.g., 쓸데없는 말은 하지 말아. 오해할라. (Russian: *He говори без надобности. [Тебя] могут неправильно понять.* English lit.: *Don't speak if not necessary. You might be misunderstood*).

-(으)르라고? — expresses a negative attitude or doubt of a speaker about the truth of any fact, e.g., 박 선생이 나에 대해서 그런 나쁜 생각을 할라고? (Russian: *[Разве] господин Пак может думать обо мне так плохо?* English lit.: *If Mr. Pak could think of me so bad?*).

-(으)르래야 — expresses incapability (inner or outer) to fulfil an action despite the effort applied, e.g., 너무 빨라서 쫓아갈래야 쫓아갈 수가 없었다. (Russian: *[Он шел] слишком быстро, и как бы [я] ни бежал за ним, [я] не смог его догнать.* English lit.: *[He was] walking too fast, and the more [I] tried to run after him, [I] couldn't have catch him*).

-(으)르래 — it renders the intention of the sentence subject to fulfil an action, e.g., 방학에는 해외 여행이나 떠날래요. (Russian: *На каникулах хочу/собираюсь съездить в путешествие за границу*. English lit.: *On holidays I'm going to travel abroad*).

-르세 — the main meaning of the ending is the softening of the sentence tonality.

The characteristic feature of the Korean culture is to evade the directness of the speech, so Korean abound in constructions which are softening expressions by a speaker by means of presuppositions and uncertainty. It's simple to guess that, firstly, all the constructions are modal, and secondly, they are often formed with the Future Tense participles with the ending -르/을. Another similar means is the speech softening using -겠- modal suffix.⁶ Consequently, in Korean more polite sentence tonality by means of expressing a nuance of uncertainty, takes place through appealing to the Future plane which means to a speaker not the fact but just a possibility evaluated as a probability of its realization. Literal word-by-word (and often adequate) translation of such nuances into Russian doesn't seem possible.

-(으)르까 봐(서) — renders troubling, worrying of the realization of any action or the possibility of any situation to come (apprehensive), e.g., 결혼식날 비가 올까 봐 걱정했어요. (Russian: *[Я] боялась, что в день свадьбы может пойти дождь/пойдет дождь*. English lit.: *[I] was afraid it was going to rain on a wedding day*).

-[(으)르] 뻔하다 — is a construction which used to be translated into Russian by such words like «почти» (almost) and «чуть не» (hardly) with verbs in the Past Indefinite. However, the translation doesn't render all the senses hidden in the construction. Firstly, in complex sentences it is used in the principle part which attaches the subordinate of condition. Secondly, the auxiliary verb 뻔하다 is used in the Past Tense while the main verb acquires the ending -르 and forms the Future Tense participle thus expressing the meaning of intention (or “aiming of an action”), which fortunately wasn't fulfilled, e.g., 조심하지 않았으면 넘어질 뻔했습니다. Russian: *Я был близок к тому, чтобы упасть, и если бы не был осторожен, упал бы*. English lit.: *I was close to falling, and if I hadn't been careful I would have fallen*.

The translation proposed here is the closest one to the original sentence, however, to preserve all modal senses we had to make it longer so that to divide these senses into 2 predicative centers, which in Korean are rendered by a unified construction (넘어질 뻔했습니다): (*I was close to falling and would fall*). A word-by-word translation of such a sentence (even if it sounds naturally) is impossible as the Russian language has no means to combine two semantic cores in one word form or a compound predicate:

⁶ Compare: 알았어요 — 알겠어요. Both words are translated into Russian as “understood / OK”, but in the first case, the form was made by means of the Past Tense suffix, while in the second one — by means of the Future Tense suffix. The second variation is considered as more polite one.

1. The indication of the obligatory consequence following the hypothetical reason (lays in the -ㄹ ending of the Future Tense participle) mentioned in the first part of the sentence (a hypothetic condition);

2. The indication of this consequence having been not realized (the *뻔하다* auxiliary verb in the Past Tense), but there was a little effort to its realization as well as the realization of the reason itself.

As is seen, the Future Tense participle form within the given construction loses its temporal meaning in general⁷ and preserving just the modal meaning.

-(으)ㄹ 걸 그랬다 — expresses the speaker's regret about the unaccomplished action. The principle verb acquires the Future Tense participle form and denotes the action to be fulfilled willingly or necessarily. The *그랬다* auxiliary verb joins the Past Tense suffix and demonstrates that in fact the situation refers to the plane of the Past Tense and the action wasn't fulfilled, e.g., *우산을 가져올 걸 그랬어요. I should have taken an umbrella. 아까 그 구두가 꼭 맞던데 살 걸 그랬어요. Those shoes were just right, I should have bought them.*

The carried out analysis lets confirm that in Korean the system of the means to express prospective semantics the center of which is formed with the -겠- suffix and the -(으)ㄹ ending of the Future Tense participle belongs to the functional field of modality - the zone of unreal. The evidence follows:

1. It possesses the clearly expressed modal meanings of intention, probability, possibility/impossibility, wish, necessity, etc.

2. It can combine with the Past Tense suffix.

3. Due to the hypothetical meaning it is used as the means to soften speech tonality.

Coming back to the discussion of the -(으)ㄹ 것이다 construction, we'd like to remark that in our opinion it doesn't seem logical to specify just one element of the wholesome system of linguistic means of the modality functional field and invest it with a special status just on the basis that one of its meanings could express a greater degree of objectivity that all the other markers of the prospect thus merging in the functional field of temporality and becoming the sole irregular element of the system. It's much more natural to acknowledge that assuming the general, universal systemic orientation of the markers with prospective semantics to render modal senses, the -(으)ㄹ 것이다 construction points out not the objectivity as it's used to be understood, but the objectivity within the category of modality, that is, "the subjective objectivity" or the highest degree of certainty.

⁷ This statement could have been argued by mentioning that the Future Tense form here expresses the continuity of events and consequently, has got the relative temporal meaning. However, such argument could have become a mistake: the Future relative meaning could be used in the Indicative mood only, while using the construction -[(으)ㄹ] 뻔하다, we are dealing with a hypothetic condition and thus with the Subjunctive mood, and the Future Tense forms (if they conserve the temporal meaning) should have either be changed into the Future Subjunctive forms or the Past Tense forms. The fact they stay unchanged let us state that they have absolutely lost the temporal seme.

Conclusion

Finally, “the principle difference in expressing temporality in Russian and Korean lays in the different structure of the grammar category of tense. In Russian, the category of tense consists of three grammemes — The Past, Present and Future, at that, the Future Tense has a special grammatical expression and is included in the Indicative mood system. In Korean, the Tense category consists of two grammemes: the Past and Nonpast Tenses” [2. P. 22]. The Nonpast Tense form with the marker (according to various sources) of the -ㄴ 는 ending or zero morpheme -Ø, due to the logic of its naming, depending on the context, could render both the meaning of the Present and the Past Tenses. However, the markers of the prospective semantics itself are those of modal markers of certainty, intention, wish, promise, etc. (-겠-, -을 거-, -을게 and others), so it would be correct to say that one of the special features of the Korean language is the way to make explicit the Future Tense meaning not in the forms of an independent grammatical category belonging to the functional and semantic temporal field, but by means of modal markers and contexts.

References

1. Plungjan, V.A. (2011). *Introduction to the Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems of World Languages*. Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russ.).
2. Lee, Chuhong. (2015). Aspectual and Modal Characteristics of Future Actions in Russian through the prism of Korean language. *Vestnik CMO MGU (Vestnik centra mezhdunarodnogo obrazovanija MGU. Filologija. Kul'turologija. Pedagogika. Metodika)*, 3, 22—27. (In Russ.).
3. Russian Grammar. Vol. 1—2. (1980). N.Yu. Shvedova (Ed.). Moscow: Nauka. (In Russ.).
4. Lee, Chungmin. (1987). Temporal expressions in Korean In *The Pragmat. Perspective: Selected Papers from 1987 Int'l Conference on Pragmatics*. John Benjamins. Verschueren & Bertuccelli-Papi (eds). pp. 435—453.
5. Sonh, Sung-Ock. S. (1995). *Tense and aspect in Korean*. Honolulu: Center for Korean Studies, University of Hawai'i, 1995.
6. Ramstedt, G.J. (1951). *A Korean Grammar*. Moscow: Izdatelstvo inostranoj literatury. (In Russ.).
7. Martin, S.O. (1992). *A Reference Grammar of Korean: a Complete Guide to the Grammar and History of the Korean Language*. Tokyo: Tuttle.
8. Lee, H.B. (1989). *Korean Grammar*. N.Y.: Oxford University Press.
9. Mazur, Yu.N. (1997). Korean Language. In *Yazyki mira: Mongol'skie yazyki. Tungusoman'chzhurskie yazyki. Yaponskii yazyk. Koreiskii yazyk*. Moscow: Indrik publ. pp. 361—398. (In Russ.).
10. Mazur, Yu.N. (2001). *Korean Grammar (Morphology. Word Formation). Theoretical course*. Moscow: MSU International Center for Korean Studies — “Muravej-Gaid” publ. (In Russ.).
11. Paek, Pong Cha. (2015). *Grammatical Dictionary of Korean as Foreign Language*. Seoul: Hau publ. (In Korean).
12. Lee, Keedong. (1993). *A Korean Grammar on Semantic-Pragmatic Principles*. Seoul: Hankuk Moonhwasu publ. (In Korean).
13. Seo, Cheong Soo. (1996). *Korean Grammar*. Seoul: Hanyang University publ. (In Korean).
14. Trofimenko, O.A. (2006). Extraction of the Mood Markers in Korean. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2(3), 71—74. (In Russ.).

15. Yoo, Mok Sang. (2007). *Korean Grammatical Structure*. Seoul: Hankuk Moonhwa publ. (In Korean).
16. Trofimenko, O.A. (2016). Formation and Development of the Mood Markers in Korean. In *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*, 10(15), 90—98. (In Russ.).
17. Vasil'ev, A.G. (1999). Potential Mood in Korean. *Vestnik Tsentra koreiskogo yazyka i kul'tury*, 3—4, 7—15. (In Russ.).
18. Rudnickaja, E.L. (2010). *Disputable Issues in Korean Grammar: Theoretical Issues and Ways of Their Solving*. Moscow: Vostochnaja literatura (In Russ.).
19. Kondrat'eva, E.N. (2005). *Grammar of Predicative in Early-New Korean: from Middle Korean to New Korean*. PhD dissertation research. Moscow. (In Russ.).
20. Munkueva, N.S. (2010). Temporal and Aspectual Meanings of Korean Participial Forms. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 8, 101—104. (In Russ.).

Библиографический список

1. *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
2. *Ли Чжухонг.* Аспектуальные и модальные характеристики будущих действий в русском языке сквозь призму корейского языка // Вестник центра международного образования МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2015. no 3. С. 22—27.
3. *Русская грамматика: в 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой.* М.: Наука, 1980.
4. *Lee Chungmin.* Temporal expressions in Korean // *The Pragmat. Perspective: Selected Papers from 1987 Int'l Conference on Pragmatics*. John Benjamins. Verschueren and Bertuccelli-Papi (eds), 1987. P. 435—453.
5. *Sonh Sung-Ock.* S. Tense and aspect in Korean. Honolulu: Center for Korean Studies, University of Hawai'i, 1995.
6. *Рамстедт Г.Й.* Грамматика корейского языка. М.: Изд-во иностр. литературы, 1951.
7. *Martin S.O.* A Reference Grammar of Korean: a Complete Guide to the Grammar and History of the Korean Language. Tokyo: Tuttle, 1992.
8. *Lee H.B.* Korean Grammar. N.Y.: Oxford University Press, 1989.
9. *Мазур Ю.Н.* Корейский язык // *Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык.* М.: Издательство «Индрик», 1997. С. 361—398.
10. *Мазур Ю.Н.* Грамматика корейского языка (Морфология. Словообразование). Теоретический курс. М.: Международный центр корееведения МГУ — Издательский Дом «Муравей-Гайд», 2001.
11. *백봉자.* 외국어로서의 한국어 문법 사전. 서울: (주)도서출판 하우, 2015. (*Пэк Пон Чжа.* Грамматический словарь корейского языка как иностранного. Сеул: изд-во Хау, 2015).
12. *Lee Keedong.* A Korean Grammar on Semantic-Pragmatic Principles. 서울: 한국문화사, 1993.
13. *서정수.* 국어 문법. 서울: 한양대학교 출판원, 1996. (*Со Чжон Су.* Грамматика корейского языка. Сеул: Изд-во университета Ханянь, 1996).
14. *Трофименко О.А.* Выделение показателей категории наклонения в корейском языке // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.* 2006. no 20. Т. 3. С. 71—74.
15. *유복상.* 한국어의 문법구조. 서울: 한국문화사, 2007. (*Ю Мок Сань.* Грамматическая структура корейского языка. Сеул: Изд-во «Хангук мунхваса», 2007).
16. *Трофименко О.А.* Становление и развитие показателей категории наклонения в корейском языке // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология.* 2016. no 10. Т. 15. С. 90—98.
17. *Васильев А.Г.* Потенциальное наклонение в корейском языке // *Вестник Центра корейского языка и культуры.* 1999. Вып. 3—4. С. 7—15.

18. Рудницкая Е.Л. Спорные вопросы корейской грамматики: теоретические проблемы и методы их решения. М.: Вост. лит., 2010.
19. Кондратьева Е.Н. Грамматика предикатива в ранненовокорейском языке: от среднекорейского к новокорейскому: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
20. Мункуева Н.С. Временное и видовое значения причастных форм корейского языка // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. no 8. С. 101—104.

Information about the authors:

Alexander S. Mamontov, PhD (Advanced Doctorate), Professor, Department of Language Arts and Intercultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute. ORCID: 0000-0002-6703-637X. *Research interests:* Cultural linguistics, Ethnosociopsycholinguistics, Intercultural communication, RFL teaching, Cultural studies; *e-mail:* as-mamontov2@yandex.ru.

Alexandra G. Stolyarova, PhD student, Department of Language Arts and Intercultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute. ORCID: 0000-0001-8620-5143. *Research interests:* Cultural linguistics, Linguistic theory, Linguistic philosophy; *e-mail:* aleks-stolyarova@yandex.ru.

Сведения об авторах:

Мамонтов Александр Степанович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина; ORCID: 0000-0002-6703-637X; *научные интересы:* лингвокультурология, этнопсихолингвистика, межкультурная коммуникация, методика преподавания РКИ, культурология; *e-mail:* as-mamontov2@yandex.ru.

Столярова Александра Георгиевна, соискатель степени кандидата филологических наук кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина; ORCID: 0000-0001-8620-5143; *научные интересы:* лингвокультурология, теория языка, философия языка; *e-mail:* aleks-stolyarova@yandex.ru.

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-625-658

UDK: 81'367.626

Research article / Научная статья

Negative Russian Pronoun *Что*

Irina V. Trufanova

State Budgetary Educational Institution of the Moscow city “School No. 224”,
30, Leningradskoye Shosse, Moscow, 125212, Russian Federation
illokucia1@rambler.ru

Abstract. For the first time in linguistics, the article distinguishes negative pronouns of a pronoun-noun and pronoun-adjective. Their lexical meanings, grammatical features and syntactic functions are determined. A negative pronoun is a noun that means ‘nothing’ (in Russian both — *ничто* and *ничего*), a negative Russian pronoun *что* meaning ‘whatever, none’. Both pronouns function as the principle sentence component, mainly in negative genitive sentences or as a predicate in a two-member Subject-Predicate sentence. Subject of a pronoun-noun, which is expressed by the noun of any lexico-grammatical category or infinitive, with a negative pronoun-adjective, which is an infinitive. Both negative pronouns function in rhetorical questions expressing negation in the affirmative form. Subject combined with a pronoun-noun could be expressed by a noun of any lexico-grammatical category or infinitive, with a negative pronoun-adjective *что*, which could also be formed by an infinitive. Both negative pronouns function in rhetorical questions expressing negation in the affirmative form. The meanings of both negative pronouns are syntactically limited (by the function of the predicate or the principle component of the negative genitive sentence) and structurally determined (be found in the construction with the dative of the authorizer). The meaning of a negative pronoun-adjective is also phraseologically confined, a negative pronoun is an adjective that is always used with the Russian words like *проку, толку, выгоды, пользы, прибыли, добра*. Three meanings stand out for a negative pronoun *ничто*: 1) ontological vacuum, nonexistence, absence of an object; 2) something insignificant, insignificant, not worthy of attention; 3) denial of the significance of a person, insignificance. A negative pronoun *что* is a noun that means ‘something insignificant, insignificant, not worthy of attention’ (or ‘(as it were) the absence of something/someone (for the authorizer)’), or ‘absence (of benefit)’. A negative pronoun *что* is an adjective that has one of the meanings of a negative pronoun-adjective *никакой* meaning ‘none of the available or possible’. Despite the indeclinability, a negative pronoun *что* expresses the noun-meanings of the nominative and genitive cases, while being a negative pronoun-adjective to denote the genitive case, either masculine or feminine. The data collected is retrieved from the National Corpus of the Russian Language (NCRL). As the main methodological technique, the substitution method was applied. The theoretical basis of the article was the work on homocomplexes, functional homonyms, poly-functional words, the differentiation of homonymy and polysemy. The theoretical significance of the study lies in the fact that the results allow us expand the linguistic understanding of the semantic and grammatical nature of the pronoun as well as the issue of pronoun syncretism in

© Труфанова И.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

general, the differentiation of homonymy and polysemy of the classes of pronouns, as well as the varieties of genitive sentences. The data collected can be useful for lexicographic practice: compiling dictionaries of homonyms, grammatical homonyms, explanatory dictionaries, as well as to clarify the typology of one-member sentences. The relevance of the topic is determined by the necessity to establish the full list of pronouns in the Russian language, as well as the importance of studying the phenomena of functional homonymy, transition and syncretism and the importance of solving the problem of distinguishing homonymy and polysemy.

Keywords: pronoun *что*, negative pronouns, interrogative pronouns, genitive sentences, modal meanings, homocomplex, syncretism, functional homonyms

Article history:

Received: 25.08.2020

Accepted: 15.09.2020

For citation:

Trufanova I.V. (2020). Negative Russian Pronoun *Что*. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (4), 625—658. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-625-658

УДК: 81'367.626

Отрицательное местоимение *что*

И.В. Труфанова

Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение города Москвы
«Школа № 224»,
125212, Российская Федерация, Москва, Ленинградское шоссе, 30
illokucia1@rambler.ru

В статье впервые в лингвистике выделяются отрицательные местоимения *что*, местоимение-существительное и местоимение-прилагательное. Установлены их лексические значения, грамматические признаки и синтаксические функции. Отрицательное местоимение-существительное *что* имеет значение «ничто» («ничего»), отрицательное местоимение-прилагательное *что* — «никакого(ой)». Оба местоимения выполняют функцию главного члена предложения в отрицательных генитивных предложениях или функцию сказуемого в двусоставном предложении. Подлежащее при местоимении-существительном *что* выражается существительным любого лексико-грамматического разряда или инфинитивом, при отрицательном местоимении-прилагательном *что* — инфинитивом. Оба отрицательных местоимения функционируют в риторических вопросах, выражающих отрицание в утвердительной форме. Значения обоих отрицательных местоимений *что* синтаксически ограниченные (функцией сказуемого или главного члена отрицательного генитивного предложения) и конструктивно обусловленные (обнаруживаются в конструкции с дательным авторизатора). Значение отрицательного местоимения-прилагательного *что* еще и фразеологически связанное, отрицательное местоимение-прилагательное *что* всегда употребляется со словами *проку, толку, выгоды, пользы, прибыли, добра*. У отрицательного местоимения *ничто* выделяют три значения 1) онтологический вакуум, небытие, отсутствие предмета, 2) нечто незначительное, несущественное, не заслуживающее внимания, 3) отрицание значимости какого-либо лица, ничтожество. Отрицательное местоимение-существительное *что* имеет значение «нечто незначительное, несущественное, не заслуживающее внимания» (или «(как бы) отсутствие чего-/кого-либо (для авторизатора)»), или «отсутствие (пользы)». Отрицательное местоимение-прилагательное *что* имеет одно из

значений отрицательного местоимения *никакой*: «ни один из имеющихся или возможных». Несмотря на несклоняемость, отрицательное местоимение-существительное *что* выражает значения именительного и родительного падежей, отрицательное местоимение-прилагательное *что* — значение родительного падежа, мужского или женского рода. Материал собран на базе Национального корпуса русского языка. В качестве основного методического приема использовался метод подстановки. Теоретической базой статьи стали работы по омокомплексам, функциональным омонимам, полифункциональным словам, разграничению омонимии и полисемии. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты позволяют расширить лингвистические представления о семантико-грамматической природе местоимения *что* и о проблеме местоименного синкретизма в целом, о разграничении омонимии и полисемии в классе местоимений, а также о разновидностях генитивных предложений. Собранный материал может быть полезным для лексикографической практики: составления словарей омонимов, грамматических омонимов, толковых словарей, а также для уточнения типологии односоставных предложений. Актуальность темы определяется необходимостью установления полного состава (списка) местоимений в русском языке, а также значимостью исследования явлений функциональной омонимии, переходности и синкретизма и важностью решения вопроса о разграничении омонимии и полисемии.

Ключевые слова: местоимение *что*, отрицательные местоимения, вопросительные местоимения, генитивные предложения, модусные значения падежей, омокомплекс, синкретизм, функциональные омонимы

История статьи:

Дата поступления: 25.08.2020

Дата приема в печать: 15.09.2020

Для цитирования:

Труфанова И.В. Отрицательное местоимение *что* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. по 4. С. 625—658. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-625-658

Introduction

The main target of the article is to prove the existence of both the negative pronoun-noun *что* bearing the meaning of ‘ничто/ничего’ — English: ‘nothing/none’ and the negative pronoun-adjective *что* signifying ‘никого/никакой’ — English ‘none/neither/not any...’ in the Russian language. The tasks are the following: to describe lexical meaning, grammatical features and syntactical functions of *что* as Russian interrogative pronouns and determine whether they make up the set of meanings of the polysemic interrogative pronoun *что* or they are its homonyms, or both.

The relevance of the research is determined by the necessity to make up and prove the complete set (list) of Russian pronouns as well as to elaborate the criteria to discriminate homonymy and polysemy of the pronoun class, to prove the importance of functional homonymy, transitivity and syncretism.

There exist much greater number of Russian pronouns rather than stated in school and university manuals, and linguistic studies. In our opinion, it’s principally urgent to start from the the postulate stated by M.I. Otkupschikova,

“The main means to form pronouns is to create homonymous meanings (...). One of the typical means to enlarge the pronoun classes is homonymy having the global character denoting the homonymy typical not for some pronouns, but for the classes, e.g., such as interrogative and relative pronouns, and K-quantifier pronouns” [1. P. 81].

The question is whether in Russian interrogative and negative *что* are different words or different meanings of a polysemic word? At present, the criteria to distinguish homonyms and meanings of polysemic words coincide at large, and the issue to discriminate homonymy and polysemy still needs a solution [2. P. 112—113; 3. P. 42; 4; 5]. There are some common criteria: 1) discrimination of the category meaning of a class of pronouns — by form or by their correlations with other parts of speech; 2) discrimination of morphological categories and the formal volume of their paradigms; 3) discrimination of their morphemic sets; 4) the existence of word-building nests; 5) variety of combinability with the units of other word classes *(morphological, lexical, syntactic), various volumes of lexical distribution, various sets of syntactical valence; discrimination of synonyms and antonyms; 6) various translations into foreign languages; 7) different stylistic qualification; 8) combinations with intonation of different kinds; 9) different structural and semantic sentence types as the environment of a word used. The only one criterion doesn't repeat: in polysemy, the word meanings are immediately or non-immediately interconnected within derivational relations, i.e., the relations of typical semantic derivations of this or that language [3. P. 79]. Generic character, frequency, not unique link between two meanings supports polysemy, and vis versa, singleness, onliness and uniqueness indicates homonymy [6. P. 209]. Principally, polysemy is quite regular, while homonyms reveal semantically independent meanings [6. P. 193]. It's quite a realistic target to demonstrate differences between the Russian interrogative pronoun-noun *что* and the negative pronoun-noun *что*.

At first glance, it seems easier to discriminate a negative pronoun-adjective as these are the words of various classes but in form and correlations with the other parts of speech. Linguistic sources used to treat this issue in connection with developing the notions of “homocomplex”, “functional homonyms”, “polyfunctional words”, and synchronic processes of transition of the parts of speech system [see a short survey of synchronic transitivity theory developments: 6]. On the other hand, in explanatory dictionaries, homocomplexes (the term was introduced by O.S. Akhmanova [2. P. 160—161], and widely spread in linguistics thanks to the studies of V.V. Babaytseva and her followers [8—20]) are understood as polysemic words. One of the consequences of continuous transitional processes within the Russian grammatical structure is considered to be the appearance of functional homonyms — that is, “etymologically cognate words coinciding in sound form, but belonging to different parts of speech” [21. P. 194] — and syncretic entities combining the properties of different parts of speech. The total of functional homonyms and syncretic entities combining the properties of different parts of speech are forming the term “homocomplex” [21. P. 195]. Intermediate units to appear at this are names “hybrid words” (the

term of V.V. Vinogradov), or “contaminants” (the term of E.N. Sodorenko [22; 23]). Syncretism is understood as a universal feature of language revealing the ability of a linguistic unit to express the complex of contrasting lexical and/or grammatical meanings [11. P. 8]. Syncretism is also understood as a usual, natural, universal feature of separate units of the linguistic system as a whole [7. P. 28]. But as it appears, it's not so easy to denote the status of the Russian pronoun-adjective *что*. According to M.A. Sternina, “The acquisition of a new part of speech sense through a new separate word meaning couldn't automatically lead to the disruption of the word identity and the formation of homonyms. On the content plane, the main feature of homonyms/ in our opinion, stays the absence of derivational meanings (...). The existence of semantic connection among the meanings we have the evidence of a polysemic word, but the absence of such connections reveals homonymy” [24. P. 7]. We share another point of view as the majority of linguists does, considering functional homonyms to be different words on the basis of their belonging to different parts of speech [9; 10. P. 7; 12. P. 7; 25. P. 25; 26. P. 6].

In dictionaries, adverbs *что*, pronouns *что* (interrogative, attributive, relative, indefinite, on the one hand, pronoun-noun, and on the other hand, pronoun-numeral, pronoun-adjective) are represented as the meanings of one and the same dictionary entry. It means that the word of different meanings could belong to different parts of speech, e.g., *Что принёс?* — a pronoun; *Что так поздно пришёл?* — an adverb of reasoning; *Что вы приезжали?* — an adverb of targeting [27; 28. P. 27—29; 29. P. 817; 30. P. 380; 31. P. 78—81] or different lexico-grammatical classes (*Что лежит на окне?* — an interrogative pronoun-noun; *Узнай, что он ответил.* — a relative pronoun-noun; *Спой песню, что певала мама.* — a relative pronoun-adjective with some features of a pronoun-noun [32. P. 60]. *Узнаешь что, сообщай незамедлительно.* — an indefinite pronoun-noun; *Что просишь за эти бусы?* — an interrogative pronoun-numeral; *Что есть духу, давай стрекача.* — a relative pronoun-numeral. D.N. Ushakov discusses the disjunctive pronoun *что* meaning ‘one — another’: «*Что забыл, а чего и не знал никогда. Очень уж он неаккуратен: что перепутает, что потеряет, о чем забудет*» [33]. It would be more reasonable to qualify it as an attributive pronoun-noun [see.: T.F. Yefremova [34] due to the meaning ‘many/much’: *Что здесь народу! Что в этом году воды!*!)).

Interrogative pronouns are the derivational base for relative, negative and indefinite pronouns. Negative and indefinite pronouns are formed from those not only by means of prefixes and postfixes but as a result of interrogative pronoun decomposition into homonyms. From the chronological point of view, the mentioned above derivational means of negative and indefinite pronoun formation is the oldest one which is proved with the existence of such homonyms in dialects and substandard language to compare with the literary language reflecting the most archaic linguistic forms [35]. The secondary evidence is the fact that in other languages both interrogative and indefinite pronouns also develop from interrogative ones [36]. Those three classes are united by their common sense ‘ignorance/innocence’.

The validity of the negative pronoun ancient origin dealing with interrogative ones is confirmed by etymological dictionaries data, e.g., “Of Common Slavonic ***ѣь** — ‘quid’ in connection with **то**, neutral grammatical gender of ***тъ** (see Russian: ‘тот’). Archetypic **ѣь** is presented in Old Russian **чь** — ‘quid’, Ukrainian **нич** — ‘ничего’ (***ni-ѣь**), Old Slavonic **ничъже** — ‘ничто’, **оуничъжити** — ‘уничтожить’, Serbo-Croatian **чак, ча** (***ѣь**) — ‘что’, Old Slovenian **nič**, Old Czech **наѣ** — ‘на что, к чему’, **проѣ** — ‘почему’, Slovak **nič** — ‘ничего’, Polish **zacz** — ‘за что’ (...)» [37].

In Russian the interrogative pronoun *что* is formed as a combination of interrogative *чь* and demonstrative *то* pronouns [38].

As for now, the homonymy of interrogative, relative, indefinite pronouns has been already described [32; 35; 39. P. 158—231; 40. P. 157; 41. P. 18—26; 42; 43; 44]. At a lesser degree, the homonymy of interrogative and attributive pronouns is still under the study [45]. The issue of interrogative and negative pronouns has been firstly put forward.

The S.I. Ozhegov and N.Yu. Shvedova dictionary deals with indeclinable pronouns *что*, and the meaning of one of those is that: “6. Indeclinable. About what has no importance, doesn’t play any role: **Что слова? Звук пустой. Что ему наставления родителей? Неприятности что, справимся. Что толку спорить? Что пользы ждать**” [46]. Here we can obviously see two words: in expressions of the type *Что слова?* — we qualify *что* as a negative pronoun; in expressions like *Что толку спорить?* We refer the indeclinable *что* to negative pronouns-adjective, and the latter two are the subject of our study.

V.I. Dahl distinguishes the interrogative pronoun *что* with the meaning ‘какой’ and illustrates it with the following examples: “**Что пользы врать? Что нужды! Пусть**” [47]. It’s rather *что* is meaning ‘никакой’ (lit.: ‘not any’) referring to necessity or use. We determine it as a negative pronoun-adjective.

D.N. Ushakov qualifies *что* of our studies as a relative pronoun thus uniting heterogeneous phenomena under one term: “5. *relative pronoun*. With the Genitive of nouns is used in the meaning ‘how many/how much’ (colloq.). *Комар, что было сил, сонливца укусил* (Krylov). The same refers to rhetoric questions and exclamations, and the meaning is ‘many/much’ (colloq.) **Что денег истрачено (как много)! The same refers to rhetoric expressions: что толку, что пользы, что нужды** (Old Russian, regional dialects) and others, often meaning ‘no’? e.g., *Что толку (‘no reason’) жить*. Lermontov. *Что ж прибыли, что ты высоко так заполз?* (Krylov). — *Ах, няня, няня, до того ли? Что нужды мне в твоём уме* (Pushkin) [33]. Pronoun *что* of the first group of examples (*Комар, что было сил, сонливца укусил*) we qualify as a pronoun-numeral In rhetoric expressions of the type *Что толку жить* or *Что нужды мне в твоём уме* we correlate *что* to the group of negative pronouns-adjectives.

In the dictionary of S.A. Kuznetsov, neither parts-of-speech attribution of the following pronoun *что* nor its lexico-grammatical class are defined, but the word itself has got the interpretation: “5. Nominative case only: *что* (colloq.) “*Ничто, ничего не значит. Что нам снег? Что ему слава? Что ему просьба*

родителей? Неприятности **что**, справимся. **Что** толку спорить? **Что** пользы грустить?” [48]. This *что* we consider both as a negative pronoun-noun as of examples: **Что** нам снег? and also as a negative pronoun-adjective as of example: **Что** пользы грустить.

The Concise academic dictionary also omits the parts-of-speech code of the word *что*, but fixes that it has got two meanings in different use, which are interpreted through the words ‘ничто’ и ‘какой’: “7. In (Russian — *I.T.*) rhetoric questions and exclamatory sentences it denotes: ‘ничто, ничего, ничего не значит’. **Что** враги? пусть клеветают язвительней, Я пощады у них не прошу. (N. Nekrasov); Рыцарь на час. — Нет, тут дело не в лампах! **Лампы что!**.. Тут штука вот такая: вентиляции настоящей не было. (V. Veresayev). || In combination with an abstract noun in Genitive case it is used to mean ‘какой’: “**Что** нужды мне в твоём уме? Желанья!.. *что* пользы напрасно и вечно желать? (M. Lermontov)” [49].

Что with a “concrete” noun (**Что** лампы) we treat as a negative pronoun-noun. *Что* combined with “abstract” nouns in sentences of the like: **Что** нужды мне в твоём уме? (*что* in combination with the words *проку, нужды, прибыли, пользы, толку, добра, выгоды*) reveals the meaning ‘никакой’ (lit.: ‘none’, ‘not any’). *Что* with a “concrete” nouns as they are coded in the dictionary, doesn’t form a word combination, but makes a predicative word collocation to fulfill the predicative function. Later on we’re going to demonstrate that to denote the subject by the negative pronoun-noun *что* “abstract” nouns could be used. *Что* combined with the words *проку, нужды, прибыли, пользы, толку, добра, выгоды* forms one-piece word collocation to fulfill the predicative function.

The dictionary by V.V. Morkovkin and al. [30. P. 380] states the existence in Russian of the substantive negative pronoun *что* meaning ‘нет такого явления, предмета’ (lit.: ‘nothing of the kind of phenomenon or thing’), functioning in rhetoric questions like **Что** может быть вкуснее? This pronoun differs from the one we’re studying in the article: in used to be substituted by two words ‘ничего не’ (lit.: ‘nothing similar’) instead of the one ‘ничто’ (‘ничего’) under the analysis. The meaning of the pronoun under the analysis is different: ‘nonsignificant from somebody’s point of view’ (‘as if it doesn’t exist (for the authorizer)’).

To sum up, the Russian dictionaries by V.I. Dahl, D.N. Ushakov, S.I. Ozhegov, S.A. Kyusnetsov, A.P. Yevgenyeva specify the examples of the negative pronoun-noun *что*, though the given facts are qualified in a different way.

According to Frequency dictionary, the word *что* occupies the seventh place as to its use, after the words *в (во), и, не, на, я, быть* [30. P. 807]. According to Zipf law, there’s direct dependence between the frequency to use a word and the number of its meanings: in speech, the higher the frequency — the greater polysemy degree it obtains [51. P. 79]. On the other hand, M.A. Sorokina comments on the prerequisites of the word transitivity into another part of speech, or homonym referring to its polysemy and abstractness [19. P. 4]. The monography by B.P. Ardentov and dissertation by O.Yu. Stepanova study the pronoun *что*. B.P. Ardentov gives examples with *что* meaning ‘неважно, не имеет значения’

(lit.: ‘not important, of no importance’) *Что умереть?*; *что* meaning ‘напрасно, зря’ (lit.: ‘in vain’) *Что так стоять?*; meaning ‘безачем’ (lit.: ‘useless’) *Что мне бояться?*; meaning ‘мало’ (lit.: ‘a little’) *Что хорошего?*; *Что толку?* [27. P. 28—30] without denoting the basis to discriminate the use of “*что* in impersonal sentences” and without considering the meanings under discussion.

According to O.Yu. Stepanova, the *что* homocomplex includes the interrogative pronoun *что*, *что* of the uncertainty semantics, *что* of the improper questions. Among the latter (*что* of the improper questions) there are rhetoric questions and the functioning of *что*, is commented, “The interrogative *что* pronoun as a member of rhetoric question correlates with the class of negative pronouns: *Что* (‘ничего’) *может быть выше мира в семье и работы?* (В. Pasternak); *Что* (‘ничто’) *страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий недуг // Исчезнет при слове рассудка...* (М. Lermontov)” [31. P. 6; 8].

“Russian Grammar” qualifies *что* as an interrogative word in the sentences of phraseological structure, e.g., *Что мне страхи на старости лет?*, *Что толку?*, *Что пользы спорить?*, *Что мне до них?* [52]. *Что мне страхи на старости лет?* и *Что мне до них?*, but belonging to various groups. From the point of view of the form, one can agree: the preposition adds its meaning in the second sentence. But *что* is the same. *Что толку?* appears to belongs to the same group together with *Что нового?*, but in the first sentence, *что* could be substituted by *никакого* (*not any*), while in the second one, *ничего* (*nothing*) appears which is why making up one and the same group is improper for the pronoun *что* is different in the two sentences.

S.M. Kolesnikova qualifies *что* as a gradual particle in the following examples: *Что деньги! Дело наживное.*, *Что твоё жалованье! Не надо его совсем.*, *Нам награда что!*, *Я что.*, *Да ведь что ж этот бал! Только, чай, слава, что бал.*, *Ну что там агроном! Что он понимает по коровьим делам!*, *Да только что же выговор? Я и сам себя распекал не жалеючи.* *Служба что. Сам себя веди аккуратно, только и всего.*, *«Анна Каренина» что! Там ничего нет определённого.* Still, she writes that “in such use, *что* conserves its connection with pronouns, because it reveals the element of the predicative meaning” [49]. As it seems, the gradual semantics is not a reason to associate with particles those words that fulfil predicative function. The negation possesses graduality [53. P. 232—292].

The conclusion follows: negative pronoun *что* hasn’t been properly studied by linguists.

Negative pronoun-noun *что*

Negative pronoun-noun *что* functioning as a predicate of the two-member sentences

Negative pronoun-noun *что* fulfils the syntactic function in the two-member sentences. The subject at the negative pronoun-noun *что* more often is a noun, or pronoun-noun (e.g., *это*), or infinitive. Subject of the predicate expressed by the

negative pronoun-noun *что* could be a noun of any lexico-grammatical class, proper or nominal, animated and non-animated, concrete and corporeal, collective, concrete objective and abstract, e.g.: *Гекуба, Помпея, Везувий, арфы, бой, буря, скала, забег, беды, былое, века, вертеп, вечность, вихрь, воспоминания, вселенная, глумленье, горе, горы, дар, деньги, дом, дорога, заводы, зной, капризы, клавесины, клич, книги, месяц, мир, народ, нежность, песок, порыв, почёт, престиж, приговор, прошедшее, пятна, рынок, свобода, сила, сиянье, скорбь, скрипач, слеза, слёзы, слово, слова, сроки, суд, толки, траур, треск громов, толпы, труд, тряпки, угол родной, универсамы, фразы, хула, итиль* and many others. See:

Что ему природы горе, Если грез душа полна! (Vs.A. Rozhdestvensky). *Что ему морок устроить, предстать коридором, чревоущительной щелью, подставленной ловко, стать очевидным, опутать тебя договором, словно стоустой, услужливой татуировкой?* (Zhdanov). *Всё пошло на убыль: Стал Серёжка пить. И казённый рубль, Что ему пропить* (Kropivnitsky).

With the *что* predicate there could be used a link *было* in various gender and number forms: *Что ему были вражьи своры? Весь он был воплощенная месть!* (Slutsky).

Two-member sentence with the negative pronoun-noun *что* could be incomplete it could lack the subject. The omitted subject could be restored from the context, e.g.:

Сам мучитель, знаком уицраора Отраженный в шифре этих строк, Не облек бы столь всеобщим трауром Русский север, запад и восток. Что ему? Верховнейшая цель Его жажды и могучих дел — Расширять державу-цитадель За черту, за грани, за предел (D.L. Andreyev). *Что ему русский траур? Играет странный гармонист, Закинув голову высоко. И деньги падают, звеня, За пляску, полную азарта. Со взвизгиванием коня, С журчаньем рваного штандарта. Но гармонисту... / Что ему? Он видит саблю и уздечки... И снова зарево атак... Но лишь уходят с поля танки, Разучивает краковяк На взвизгивающей тальянке* (Kornilov). *Что ему деньги? Только песни будто бы светлее, только песни все обман, Ночью выйдет ясный месяц, — что ему... Серебро кругом развесит — ни к чему* (Druakhlov). *Что ему месяц? Пусть в полях распустились цветы Над шатрами бездонно-лазурными, Что тебе, раз такими ж, как ты, Полны темные, душные тюрьмы? (Kedrov). Что тебе весна?*

The predicate presented in the form of the negative pronoun-noun *что* at the greatest large stays in a preposition to a subject, although another word order of those is possible: *Так было в Лондоне, в Берлине и в Париже! Но это что ему?* (Sluchevsky).

It's useful to distinguish active and passive combinability [12. P. 9], and for negative pronouns *что* the active combinability is more typical: the question goes from them to the dependent word.

In sentences with the negative pronoun-noun *что* the subject of evaluation is denoted by the Dative case noun form or personal pronoun of any person and number. G.A. Zolotova defines the meaning of the syntaxeme as “Dative of authorizer, with whose point of view phenomena and notions are being correlated” [55. P. 126]. It’s a modes case meaning which different from dictum modus [the division of case meanings into modus and dictum see: 56], haven’t yet got linguistic attribution and description, e.g.:

«**Что нам** книги без картинок?» — *И старье забросят в печь* (Vega).
Что вам любовь или ненависть каких-то Горленко или Лизогубов?
(Verbitskaya). **Что им** универсамы и заводы (Lipkin).

The emphasis of the subject could be omitted, if it’s known from the previous sentence:

*Вот чудак, ужели трудно Уяснить простой закон: Так ли, сяк ли — беспробудный Ты уже вкушаешь сон. **Что тебе** привычки тела? **Что там** койка и постель?..* (Tvardovsky). **Что мне** сила моя, **что** моя бесполезная нежность, — *Мне она не нужна, потому что тебе не нужна* (Alexeyeva).

The negative pronoun *что* is replaced by the negative pronoun *ничто* (lit.: ‘nothing’). The negative pronoun-noun *что* is used in the rhetoric question.

Rhetoric question is defined as an affirmation in the negative form or a negation in the affirmative form. “Specifics of rhetoric questions means that the sentences having no negative particle ‘не’ in their structure, are perceived as negative, and vice versa, the sentences having a negative particle ‘не’ in their structure, are understood as affirmative” [57. P. 267]. This very feature of rhetoric questions let clearly state that negative pronoun *что* in the sentences analyzed in the article, is replaces by the negative pronoun *ничто* (lit.: ‘nothing’).

The sentences with the interrogative pronoun-noun *что* render the negation in the affirmative.

Negative pronoun-noun *что* functioning as the main member of the negative genitive sentences

There are some sentences that denote the evaluative entity of negative pronoun-nouns containing the denotation by a noun in oblique case forms. They often replace *что* with *ничего* (lit.: ‘nothing’).

Negative genitive sentences with negative pronoun *что* functioning as the main sentence member the object evaluated could be rendered by a noun in Genitive case with prepositions *до* (‘till, up to’) or *с* (‘with’) and a noun in Prepositional case with the preposition *в* (‘in’). Sentences with the object of evaluation rendered by a noun with preposition *с* (‘with’) (according to G.A. Zolotiova, the meaning of such syntaxeme is causative-2 [55. P. 99] and belongs to animated nouns only, but our catalogue registers only non-animated nouns): do evaluate as a whole only the object involved from outside as an object of evaluation formed with preposition *до*: according to “Russian Grammar”, it’s understood as “the reference negation” [52. P. 392—393]), while sentences with

the object rendered by a *n* noun with the preposition *в* ('in'), do evaluate the object from inside aggregating its qualities and features (in the dictionary by G.A. Zolotova, the meaning of this syntaxeme is 'the subject bearing a feature' [55. P. 305]), see below:

Гром живет своим накатом — Что ему до наших бед? (Мандельштам). *А я говорила — что мне с вашего парашюта?* (Gerasimov). *Не в самолюбии тут дело, да что мне с моего самолюбия?* (Correspondence in: icq agd-ardin и Герда (2008.02.19)). *Не дай Бог было при ней убить паука или мушку, или равнодушно наступить на какого-нибудь жучка.* — Ну и *что тебе с того?* — *сердито* вопрошала она *убийцу.* — *Всех, ведь, не перебьёшь!* (Zhelikhovskaya). *И что ему, бродяге полумира, В твоём родном, единственном угле?* (Tvardovsky).

So, despite the indeclinability, the negative pronoun-noun *что* reflects the meaning of two cases: Nominative and Genitive. In negative genitive sentences unnecessary, unimportance and insignificance of the object of evaluation is greater than in two-member sentences with the negative pronoun-noun *что* due to its degradation into the subordinate sentence member.

The negative pronoun *ничто* reveals three meanings: 1) ontological vacuum, the absence of an object; 2) something insignificant, unimportant, deserving no attention; 3) the negation of a person, the nonentity. The negative pronoun-noun *что* reflects the meaning of 'something insignificant, non-essential, deserving no attention' which range up to '(as if) non-existence, absence (for an authorizer)'. In sentences with the preposition *с* the meaning of *что* is 'the absence of usefulness, or uselessness'.

Differences of Russian negative and interrogative pronoun-nouns *что*

The negative pronoun-noun *что* belongs to the same formal class as the interrogative pronoun-noun *что*, but their inflectional paradigm differs: while the interrogative pronoun is declined, varying in case forms, the negative one doesn't. The negative pronoun-noun *что* has no relevance to the category of animacy/non-animacy thus being different from the interrogative one, as well.

The interrogative pronoun *что* is divided into the radical and inflection *-то*, while the negative one has got just the stem but no The interrogative pronoun *что* inflection neither zero one nor the materially explicated. The interrogative *что* forms a large family of words: indefinite and negative pronouns are formed there; but the negative *что* has no derivatives.

Both negative and interrogative pronouns *что* have different synonyms: 'что такое?' of the interrogative, and 'ничто' ('ничего') of the negative; and antonyms: 'всё' of the negative, and no antonyms of the interrogative. Both *что* are similarly translated into foreign languages. The interrogative pronoun *что* is not limited in its combinability as it has an independent lexical meaning. The negative pronoun *что* the meaning is syntactically limited to the function of a

predicate or the principle member in the negative genitive sentence and is structurally governed as it's used in the construction with the name of the evaluative subject (authorizer) in the Dative case form.

The meaning of the Dative case of the addressee or dependent object by the interrogative *что* is a dictum one; and at the negative pronoun *что* the Dative of modus is used to signify the meaning of the authorizer (when it's omitted, it is still implicated: the pronoun *всем* or the concrete context noun replaces the subject of evaluation).

The interrogative *что* could represent any sentence member while the negative one is strictly a predicate or the principle member in the negative genitive sentence.

The negative *что* demands a specific emotional evaluative intonation and is used in colloquial constructions. The interrogative *что* could be used on stylistically neutral sentences, in bookish style texts, an in colloquial speech.

The negative *что* is also used in sentences of phraseological structure, while the interrogative *что* is spread in sentences of any structure, both one- and two-member ones, complete and incomplete ones, simple and complex ones.

A number of lexicologists are inclined to use to discriminate homonymy and polysemy the semantic criterion proper: they mean polysemy when there's a semantic connection of meaning; when there're none of the kind, they define homonymy. The interrogative and negative *что* pronouns are not related either in metaphor or metonymy, or hypero-hyponimic and associative meanings.

The etymological correlation of interrogative and negative pronouns *что* is evident. Any interrogative pronoun could be used in rhetoric questions rendering the meaning of the negative pronoun *что* (an example was given above). So, the question goes whether there's any typically polysemantic regularity? The answer is "no" as such negative pronouns refer to the Russian constructions with cumulative double negation, e.g., *Что он скажет в оправдание? — Ничего не скажет.* Russian pronoun *ничто* (*ничего*) replaces *что*.

So, the interrogative and negative pronouns *что* are homonyms.

Negative pronoun-adjective *что*

Negative pronoun-adjective *что* as a member of a word-combination functioning as the principle member in the negative genitive sentence

The negative pronoun-adjective *что* is used to denote the meaning of the Genitive case of the following Russian nouns: *пользы, проку, добра, выгоды, толку, прибыли, добра*; it's replaced by the Russian negative pronoun *никакого(ой)*. The negative pronoun-adjective *что* forms the integral word-combination and fulfils the function of the principle member in the negative genitive sentence [58—62; comp.: 63—68]. See:

*Пусть я уйду в иголку, но **что мне** в этом толку?* (Zdanov). *А **что мне проку**, когда ты не проворнее, чем свет, когда не поспеваешь к сроку?*

(Птров). *Ничто не вечно под луной, да и что пользы человеку от трудов его, которыми трудится он под солнцем?* (Dezhnev). *Он имеет сестру и брата, Ну, а что ему в том добра-то?* (Simonov).

The indication of the evaluative subject could be omitted, and the subject is replaced by *всем* or *никому* (lit.: ‘to all or no one’), or the sentence is incomplete: the subject is reconstructed from the preceding context:

Что пользы в том, что явных казней нет? (Pen’kov). *Только что проку от его красноречия, если после сказанного слова реальная жизнь идет совсем другим курсом?* (Voschanov). *Чем же славен? Что добра в твоих волнах? Что так шумен, своенравен Расплескался в берегах?* (Shevurev).

The object which is evaluated as of no use, usefulness, advantage, profit or benefit, is rendered by a noun in Genitive with the preposition *от* (‘from’) or a noun in Prepositional with the preposition *в* (‘in’). The object of evaluation with the preposition *от* (‘from’) denotes the evaluation of a reason (in the dictionary by G.A. Zolotova “in expressive modification of evaluative model, the component meaning a subject or causer of potential action, its pragmatic or emotional consequences are evaluated in the sentence” [55. P. 81]); the object of evaluation with the preposition *в* (‘in’) indicates the object evaluation from inside combining its qualities and features.

Negative pronoun-adjective **что** in the whole word-combination functioning as a predicate of the two-member sentence

The negative pronoun-adjective *что* in the whole word-combination with Russian nouns of *пользы, проку, толку, добра, выгоды, прибыли* is used as a predicate of the two-member sentence with the subject denoted by the infinitive:

И что проку археологу поспешать в Египет? (Golyandin). *Что тебе пользы, Хирург беспощадный, терзать мою душу?* (Maikov). *Но что толку выяснять отношения с официантами* (Rubina).

In the 18th century and the first three decades of the 19th century, the negative pronoun-adjective *что* was still used in the word-combination with the Russian noun *прибыли* in two-member and negative genitive sentences, but nowadays such use doesn’t occur, see:

Вот, жена, — говорил мужской голос, — как добиваются в чины, а что мне прибыли, что я служу беспорочно, не подамся вперед ни на палец (Rasdishev). *В самом деле, что тебе прибыли меня обманывать?* (Zagoskin). *Батюшка, не погуби ты меня, что тебе прибыли?* (Fonvizin). *Что вам прибыли губить меня?* (Zagoskin).

There’re just single examples with the Russian noun *добра*.

Why do we insist that the negative pronoun-adjective *что* is substituted by *никакого*? Our catalogue contains a lot of samples with expressions *с никакого толку, никакого проку, никакой пользы, никакой выгоды*, but only a few — 6! with *с ничего толку*: *С самого Покрова учусь, учусь и... ничего толку...* (Chekhov). Examples with *с ничего проку, ничего ничего выгоды, ничего*

пользы, ничего добра are not found in the national Corpus of the Russian language. The negative pronoun-adjective *что* in the whole word-combinations *что толку, проку, пользы, выгоды, добра*, different from *от никакого толку, проку, выгоды, пользы, ничего толку*, are never used with the connector of the Future or Past Tense, or in Present Tense with *нет*. The negative pronoun *никакого* doesn't form the whole word-combinations with the words *проку, толку, пользы, выгоды*, different from the negative pronoun-adjective *что*.

The negative pronoun-adjective *что* means 'ни один из имеющихся или возможных' (lit.: 'not a single one at present or potential future'), while the negative pronoun *никакой* reveals only one of those meanings.

И что проку археологу поспешать в Египет? (Golyandin). *Что тебе пользы, Хирург беспощадный, терзать мою душу?* (Maikov). *Но что толку выяснять отношения с официантами* (Rubina).

In the 18th century and the first three decades of the 19th century, the negative pronoun-adjective *что* was still used in the word-combination with the Russian noun *прибыли* in two-member and negative genitive sentences, but nowadays such use doesn't occur, see:

There're just single examples with the Russian noun *добра*.

Why do we insist that the negative pronoun-adjective *что* is substituted by *никакого*? Our catalogue contains a lot of samples with expressions *с никакого толку, никакого проку, никакой пользы, никакой выгоды*, but only a few — 6! with *с ничего толку*: *С самого Покрова учусь, учусь и... ничего толку...* (Chekhov). Examples with *с ничего проку, ничего ничего выгоды, ничего пользы, ничего добра* are not found in the national Corpus of the Russian language. The negative pronoun-adjective *что* in the whole word-combinations *что толку, проку, пользы, выгоды, добра*, different from *от никакого толку, проку, выгоды, пользы, ничего толку*, are never used with the connector of the Future or Past Tense, or in Present Tense with *нет*. The negative pronoun *никакого* doesn't form the whole word-combinations with the words *проку, толку, пользы, выгоды*, different from the negative pronoun-adjective *что*.

The negative pronoun-adjective *что* means 'ни один из имеющихся или возможных' (lit.: 'not a single one at present or potential future'), while the negative pronoun *никакой* reveals only one of those meanings.

Conclusion

In summary, the Russian language possesses two negative pronouns *что*, the pronoun-adjective meaning 'никакого(ой)' (lit.: 'none', 'not any') and the pronoun-noun meaning 'ничто' / 'ничего' (lit.: 'nothing'). As we consider interrogative and negative pronouns be the members of different classes as well as recon they are different words, negative and interrogative pronouns-nouns *что* should be assumed to be different words. As far as we discriminate two different pronouns-nouns and Russian pronouns-adjectives *всё, это, то*, we have to admit that the negative pronoun *что* as a pronoun-noun, and the negative pronoun *что* as

a pronoun-adjective are also two different words. Despite the indeclinability, the negative pronoun-noun *что* reveals the meaning of two cases: Nominative and Genitive; the negative pronoun-adjective *что* always presents the meaning of the Genitive case, either of masculine or feminine gender. Both the negative pronoun-noun *что* and the negative pronoun-adjective *что* fulfil the function of the principle member of the negative genitive sentences. The specification of such genitive sentences concerns the negation being expressed in the affirmative, because negative pronouns *что* function in rhetoric questions in the negative meaning without negative affixes. Meanings of both negative pronouns *что* are limited by the function of a predicate or principle sentence member of genitive sentences) and structurally dependent (as it is seen in the construction with the subject of evaluation — authorizer — in the Dative case form). The meaning of the negative pronoun adjective *что* is also phraseologically confined, as in this meaning, the pronoun *что* is used with one of the following Russian words: *проку, толку, пользы, выгоды, прибыли, добра*. Among the three mentioned above meanings of the negative pronoun *ничто*, the negative pronoun-noun means ‘нечто неважное, несущественное, незначительное’ (lit.: ‘something insignificant’), or (‘as if non-existing for the authorizer’), or ‘uselessness’, ‘the lack of use’. Among the meanings of the negative pronoun *никакой*, the negative pronoun-adjective *что* reflect the one of ‘ни один из имеющихся или возможных’ (lit.: ‘none of the existing or potential’).

Введение

Целью нашей статьи является доказательство наличия в русском языке отрицательного местоимения-существительного *что* в значении «ничто» («ничего») и отрицательного местоимения-прилагательного *что* в значении «никакого(ой)». Отсюда вытекают задачи: описать лексическое значение, грамматические признаки и синтаксические функции вопросительных местоимений *что*, установить, являются ли значениями многозначного вопросительного *что* или омонимами его и друг друга.

Актуальность темы определяется необходимостью установления полного состава (списка) местоимений в русском языке, а также важностью разработки критериев разграничения омонимии и полисемии в классе местоимений, значимостью исследования явлений функциональной омонимии, переходности и синкретизма.

Местоимений в русском языке гораздо больше, чем их перечислено в школьных и вузовских учебниках, трудах лингвистов. Принципиально важным для нас является утверждение М.И. Откупщиковой: «Основной способ производства местоимений — создание омонимичных значений (...) Одним из характерных способов пополнения классов местоимений является омонимия, имеющая глобальный характер в том смысле, что омонимичными оказываются не только отдельные местоимения, но и целые

разряды, как, например, разряды вопросительных, относительных и кванторных К-местоимений» [1. С. 81].

Встает вопрос: вопросительное и отрицательное *что* — это разные слова, или разные значения многозначного слова? На сегодняшний день критерии разграничения омонимов и значений многозначного слова во многом совпадают, и вопрос о разграничении омонимии и полисемии остается открытым [2. С. 111—112; 3. С. 42; 4; 5] — общими являются следующие критерии: 1) различие категориального значения, для местоимений разряда по форме, или по соотношению с другими частями речи; 2) различие морфологических категорий, полноты формообразовательных парадигм; 3) различие морфемного состава; 4) наличие различных словообразовательных гнезд; 5) разная сочетаемость с единицами других классов (морфологическая, лексическая, синтаксическая), разный объём лексической дистрибуции, разный круг синтаксических валентностей; различие синонимов и антонимов; 6) различный перевод на иностранные языки; 7) разная стилистическая характеристика; 8) сочетание с разной интонацией; 9) отличный структурно-семантический тип предложения, в котором используется слово. Только один критерий не повторяется: при полисемии значения слова связаны между собой непосредственно или опосредованно деривационными отношениями, т.е. отношениями типичной для данного языка семантической производности [3. С. 79]. Типичность, повторяемость, неуникальность связи между двумя значениями говорит о полисемии, и наоборот, единичность, исключительность, уникальность связи указывает на омонимию [6. С. 209]. Многозначность в принципе регулярна; омонимы имеют семантически не связанные значения [6. С. 193].

Продемонстрировать различия вопросительного местоимения-существительного *что* и отрицательного местоимения-существительного *что* — разрешимая задача.

Отграничить от них отрицательное местоимение-прилагательное *что* на первый взгляд проще, поскольку это слова разных разрядов по форме, или по соотношению с другими частями речи. В лингвистических работах данный вопрос поднимается в связи с разработкой понятий «омокомплекс», «функциональные омонимы», «полифункциональные слова», синхронические процессы переходности в системе частей речи (см. краткую историю становления и развития теории синхронной переходности: [7]). С другой стороны, в толковых словарях омокомплексы (термин введён О.С. Ахмановой [2. С. 160]; широкое распространение получил благодаря работам В.В. Бабайцевой и её последователей [8—20]) подаются как многозначные слова. Считается, что одним из следствий непрерывных процессов переходности в грамматическом строе русского языка является возникновение функциональных омонимов — «этимологически родственных слов, совпадающих по звучанию, но относящихся к разным частям речи» [21. С. 194] — и синкретичных образований, совмещающих в различной мере свойства оппозиционно противопоставленных частей речи. Совокупность функцио-

нальных омонимов и синкретичных образований, совмещающих признаки разных частей речи, обозначают термином омокомплекс [21. С. 195]. Возникающие при этом промежуточные единицы называются гибридными словами (термин В.В. Виноградова), или контаминантами (термин Е.Н. Сидоренко [22; 23]). Синкретизм определяют как универсальное свойство языка, проявляющееся в способности языковой единицы выразить комплекс противопоставленных лексических и/или грамматических значений [7. С. 8]. Синкретизм — явление узуальное, естественное, универсальное, свойственное отдельным единицам и системе языка в целом [7. С. 28]. Но оказывается, что определить статус местоимения прилагательного *что* тоже не так просто. М.А. Стернина утверждает: «Приобретение отдельным значением слова новой частеречной семы не может автоматически вести к разрыву тождества слова и образованию омонимов. Основным признаком омонимии в плане содержания следует, на наш взгляд, считать отсутствие семантической производности значений (...) При наличии семантической связи между значениями мы имеем дело с полисемантическим словом, при отсутствии подобных связей — с омонимами» [24. С. 7]. Мы придерживаемся другой точки зрения, разделяемой большинством лингвистов, считающих функциональные омонимы разными словами на основании их принадлежности к разным частям речи [9; 10. С. 7; 12. С. 7; 25. С. 25; 26. С. 6].

В словарях наречия *что*, местоимения *что* (вопросительное, определительное, относительное, неопределённое, с одной стороны, местоимение-существительное, местоимение-числительное, местоимение-прилагательное, с другой) подаются как значения одного слова. Получается, что слово в разных значениях может принадлежать к разным частям речи (*Что принёс?* — местоимение. *Что так поздно пришёл?* — наречие причины. *Что вы приезжали?* — наречие цели [27; 28. С. 27—29; 29. С. 817; 30. С. 380; 31. С. 78—81]) или к разным лексико-грамматическим разрядам (*Что лежит на окне?* — вопросительное местоимение-существительное. *Узнай, что он ответил.* — относительное местоимение-существительное. *Спой песню, что певала мама.* — относительное местоимение-прилагательное с признаками местоимения-существительного [32. С. 60]. *Узнаешь что, сообщай незамедлительно.* — неопределённое местоимение-существительное. *Что просишь за эти бусы?* — вопросительное местоимение-числительное. *Что есть духу, давай стрекача.* — относительное местоимение-числительное. У Д.Н. Ушакова приводится разделительное местоимение *что* в значении «одно — другое»: «*Что* забыл, а *чего* и не знал никогда. Очень уж он неаккуратен: *что* перепутает, *что* потеряет, о *чем* забудет» [33]. Логичнее было бы квалифицировать его как определительное местоимение-существительное [Ср.: Т.Ф. Ефремова [34] как определительное квалифицирует *что* в значении «много»: *Что* здесь народу! *Что* в этом году воды!]).

Вопросительные местоимения являются производящей базой для относительных, отрицательных, неопределённых местоимений. Отрицательные и

неопределённые местоимения образуются от вопросительных не только с помощью приставок или постфиксов, но и путём распада вопросительного местоимения на омонимы. С хронологической точки зрения последний способ образования отрицательных и неопределённых местоимений является самым древним, что доказывается бытованием омонимов в диалектах и просторечии, по сравнению с литературным языком отражающих наиболее архаичные состояния языка [35]. Косвенным доказательством является тот факт, что и в других языках неопределённые и отрицательные местоимения тоже развиваются из вопросительных [36]. Три данных разряда объединяет общая сема «незнание».

В истинности утверждения о древности происхождения отрицательных местоимений от вопросительных убеждаемся, обратившись к этимологическому словарю: «Из праславянского *сь — “quid” в соединении с *to*, среднего рода от *ть (см.: тот). Первоначальное *сь* представлено в древнерусском *чь* — “quid”, украинском *нич* — “ничего” (**ni-сь*), старославянском *ничь* же — “ничто”, оуничьжити — “уничтожить”, сербохорватском *чак, ча* (**чь*) — “что”, древнесловенском *pičže* — “ничто”, словенском *pič*, древнечешском *pič*, чешском *pač* — “на что, к чему”, *proč* — “почему”, словацком *pič* — “ничего”, польском *zacz* — “за что” (...)» [37].

В русском языке вопросительное местоимение *что* образовано сложением вопросительного *чь* и указательного местоимения *то* [38].

Омонимия вопросительных, относительных, неопределённых местоимений на сегодняшний день описана [32; 35; 39. С. 158—231; 40. С. 157; 41. С. 18—26; 42; 43; 44]. В меньшей мере освещена омонимия вопросительных и определительных местоимений [45]. Об омонимии вопросительных и отрицательных местоимений вопрос поднимается впервые.

Существование омонимии вопросительных и отрицательных местоимений было обнаружено лишь некоторыми лексикографами и получило отражение в нескольких толковых словарях, хотя квалифицированы данные языковые факты были иначе и по-разному у разных авторов.

В словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой описаны четыре несклоняемых местоимения *что*; об одном из них сказано: «б. несклоняемое. О том, что не имеет значения, не играет никакой роли. Что слова? Звук пустой. Что ему наставления родителей? Неприятности что, справимся. Что толку спорить? Что пользы ждать» [46]. Мы видим здесь два слова: в выражениях типа *Что слова?* квалифицируем *что* как отрицательное местоимение-существительное; в выражениях *Что толку спорить?* относим несклоняемое *что* к отрицательным местоимениям-прилагательным, именно два последних местоимения являются предметом нашего изучения и описания.

В.И. Даль выделял вопросительное местоимение *что* в значении «какой» и иллюстрировал его среди прочего примерами: «Что пользы врать? Что нужды! Пусть» [47]. Скорее, значение такого *что* «никакой» (пользы, нужды). Мы относим его к отрицательным местоимениям-прилагательным.

Д.Н. Ушаков отнёс интересующее нас *что* к относительным, объединив одним термином разнородные явления: «5. *относительное*. При род. п. сущ. употр. в знач. сколько (разг.). *Комар, что было сил, сонливца укусил*. Крылов. (...) || То же в риторическом вопросе, в восклицании употр. в знач. много (разг.). *Что денег истрачено* (как много)! (...) || То же в риторических выражениях: что толку, что пользы, что нужды (устар., обл.) и др. употр. в знач. нет. *Что толку* (нет толку) *жить*. Лермонтов. *Что ж прибыли, что ты высоко так заполз?* Крылов. — *Ах, няня, няня, до того ли?* *Что нужды мне в твоём уме*. Пушкин» [33]. *Что* в первой группе примеров (*Комар, что было сил, сонливца укусил*) мы квалифицируем как местоимение-числительное. *Что* в риторических выражениях типа *Что толку жить* или *Что нужды мне в твоём уме* относим к отрицательным местоимениям-прилагательным.

В словаре С.А. Кузнецова ни частеречная принадлежность следующего *что*, ни его лексико-грамматический разряд не указаны, но слово получает толкование: «5. только именительный падеж: что. Разг. (в риторическом вопросе и восклицании). Ничто, ничего не значит. *Что нам снег? Что ему слава? Что ему просьба родителей? Неприятности что, справимся. Что толку спорить? Что пользы грустить?*» [48]. Такое *что* мы считаем отрицательным местоимением-существительным в примерах типа *Что нам снег?* и отрицательным местоимением-прилагательным в примерах типа *Что пользы грустить*.

В малом академическом словаре тоже не указана частеречная принадлежность слова *что*, но зафиксировано, что у него два значения в разных употреблениях, которые толкуются словами «ничто» и «какой»: «7. В риторических вопросах и восклицательных предложениях обозначает: ничто, ничего, ничего не значит. *Что враги?* пусть клеветают язвительней, Я пощады у них не прошу. Н. Некрасов, Рыцарь на час. — Нет, тут дело не в лампах! *Лампы чтоó!*.. Тут штука вот такая: вентиляции настоящей не было. Вересаев, На мертвой дороге. || В сочетании с отвлеченным существительным в род. п. употребляется в значении: какой. *Что нужды мне в твоём уме?* (...) *Желанья!*.. *что пользы* напрасно и вечно желать? Лермонтов, И скучно, и грустно» [49].

Что с «конкретными» существительными (*Что лампы*) мы относим к отрицательным местоимениям-существительным. *Что* с «отвлечёнными» существительными в предложениях типа *Что нужды мне в твоём уме?* (*что* в сочетании со словами *проку, нужды, прибыли, пользы, толку, добра, выгоды*) имеет значение «никакой». *Что* с «конкретными» существительными, как они квалифицированы в словаре, не образует словосочетания, а составляет предикативное сочетание слов, в котором *что* выполняет функцию сказуемого. Ниже мы покажем, что подлежащим при отрицательном местоимении-существительном *что* может быть и абстрактное существительное. *Что* в сочетании со словами *проку, нужды, прибыли, пользы, тол-*

ку, добра, выгоды образует цельное словосочетание, выполняющее функцию сказуемого.

В словаре В.В. Морковина и др. [30. С. 380] отмечается наличие в русском языке субстантивного отрицательного местоимения *что* в значении «нет такого явления, предмета», функционирующего в риторических вопросах типа *Что может быть вкуснее?* Это местоимение отличается от того, которому посвящена наша статья: на его место подставляются два слова «ничего не», на место анализируемого нами одно: «ничто» («ничего»). Значение «нашего» местоимения другое: «несущественно с чьей-либо точки зрения» («(как бы) не существует (для авторизатора)»).

Итак, в толковых словарях русского языка В.И. Даля, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, С.А. Кузнецова, А.П. Евгеньевой приведены примеры отрицательного местоимения-существительного *что* и отрицательного местоимения-прилагательного *что*, хотя квалифицированы данные языковые факты иначе.

По данным «Частотного словаря», слово *что* занимает седьмое место по степени использования его в речи после слов *в (во), и, не, на, я, быть* [30. С. 807]. Согласно закону Дж. Ципфа, существует прямая зависимость между частотностью употребления слова и количеством его значений: чем выше частотность употребления слова в речи, тем большей степенью полисемии оно обладает [51. С. 79]. С другой стороны, М.А. Сорокина в качестве предпосылок переходности слова в другую часть речь, в омоним указала его посемантизм и абстрактность [33. С. 4].

Местоимению *что* посвящены монография Б.П. Ардентова и диссертация О.Ю. Степановой. Б.П. Ардентов приводит примеры с *что* в значении «неважно, не имеет значения» *Что умереть?*; *что* в значении «напрасно, зря» *Что так стоять?*; в значении «незачем» *Что мне бояться?*; в значении «мало» *Что хорошего?*; *Что толку?* [27. С. 28—30], не указывая оснований деления употреблений «"что" в безличных предложениях» на перечисленные группы.

Омокомплекс местоимения *что*, по О.Ю. Степановой, включает вопросительное местоимение *что, что* с семантикой неопределённости, *что* в несобственно вопросительных предложениях. Среди последних (*что* в несобственно вопросительных предложениях) в числе прочего выделены риторические вопросы, о функционировании в которых местоимения *что* говорится: «Вопросительное местоимение *что* в составе риторического вопроса коррелирует с разрядом отрицательных местоимений: *Что (ничего) может быть выше мира в семье и работы? (Б. Пастернак) Что (ничто) страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий недуг // Исчезнет при слове рассудка... (М. Лермонтов)*» [31. С. 6; 8]. В примерах два разных местоимения *что*, нас интересует второе, заменяемое словом *ничто*; на место первого подставляются два слова «ничто не».

«Русская грамматика» квалифицирует *что* как вопросительное слово в предложениях фразеологизированной структуры типа *Что мне страхи на*

старости лет?, Что толку?, Что пользы спорить?, Что мне до них? [52]. *Что мне страхи на старости лет?* и *Что мне до них?* оказываются в разных группах. С точки зрения формы это можно принять: предлог вносит своё значение во второе предложение. Но *что* в них одинаковое. *Что толку?* оказывается в одной группе с *Что нового?*, но здесь на место *что* в первом случае подставляется *никакого*, а во втором *ничего*, поэтому объединение предложений в одну группу представляется неправомерным: в них разное *что*.

С.М. Колесникова *что* в предложениях типа *Что деньги! Дело наживное., Что твоё жалованье! Не надо его совсем., Нам награда что!, Я что., Да ведь что ж этот бал! Только, чай, слава, что бал., Ну что там агроном! Что он понимает по коровьим делам!, Да только что же выговор? Я и сам себя распекал не жалеючи.. Служба что. Сам себя веди аккуратно, только и всего., «Анна Каренина» что! Там ничего нет определённого.* — квалифицирует как градуальную частицу, хотя пишет, что «*что* в подобном употреблении сохраняет связи с местоимением, именно в *что* обнаруживается элемент предикативного значения» [49]. Представляется, что градуальная семантика не повод отнесения к частицам слова, выполняющего функцию сказуемого. Отрицание обладает градуальностью [53. С. 232—292].

Итак, и в работах лингвистов отрицательное местоимение *что* не получило описания.

Отрицательное местоимение-существительное *что*

Отрицательное местоимение-существительное *что* в функции сказуемого в двусоставных предложениях

Отрицательное местоимение-существительное *что* выполняет синтаксическую функцию сказуемого в двусоставном предложении. Подлежащее при отрицательном местоимении-существительном *что* чаще выражено существительным, или местоимением-существительным (например, *это*), или инфинитивом. Подлежащим при сказуемом, выраженным отрицательным местоимением-существительным *что*, может быть имя существительное любого лексико-грамматического разряда, собственное и нарицательное, одушевлённое и неодушевлённое, конкретное, в том числе вещественное, собирательное, конкретное предметное, и абстрактное, например: *Гекуба, Помпея, Везувий, арфы, бой, буря, скала, забег, беды, бывшее, века, вертеп, вечность, вихрь, воспоминания, вселенная, глумление, горе, горы, дар, деньги, дом, дорога, заводы, зной, капризы, клавишины, клич, книги, месяц, мир, народ, нежность, песок, порыв, почёт, престиж, приговор, прошедшее, пятна, рынок, свобода, сила, сиянье, скорбь, скрипач, слеза, слёзы, слово, слова, сроки, суд, толки, траур, треск громов, толпы, труд, тряпки, угол родной, универсамы, фразы, хула, штиль* и мн. др.

Что ему природы горе, Если грез душа полна! (Вс.А. Рождественский).
Что ему морок устроить, предстать коридором, чревоущательной ще-

лю, подставленной ловко, стать очевидным, опутать тебя договором, словно стоустой, услужливой татуировкой? (Жданов). *Всё пошло на убыль: Стал Серёжка пить. И казённый рубль, **Что ему пропить*** (Кропивницкий).

При сказуемом *что* может быть связка *было* в разных родовых и числовых формах. *Что ему были вражьи своры?* *Весь он был воплощенная месть!* (Слуцкий).

Двусоставное предложение с отрицательным местоимением-существительным *что* может быть неполным, в нём может отсутствовать подлежащее. Пропущенное подлежащее восстанавливается из предшествующего контекста.

*Сам мучитель, знаком уицраора Отраженный в шифре этих строк, Не облек бы столь всеобщим трауром Русский север, запад и восток. **Что ему?** Верховнейшая цель Его жажды и могучих дел — Расширять державу-цитадель За черту, за грани, за предел* (Д.Л. Андреев). *Что ему русский траур? Играет странный гармонист, Закинув голову высоко. И деньги падают, звеня, За пляску, полную азарта. Со взвизгиванием коня, С журчаньем равного штандарта. Но гармонисту... / **Что ему?** Он видит саблю и уздечки... И снова зарево атак... Но лишь уходят с поля танки, Разучивает краковяк На взвизгивающей тальянке* (Корнилов). *Что ему деньги? Только песни будто бы светлее, только песни все обман, Ночью выйдет ясный месяц, — **что ему...** Серебро кругом развесит — ни к чему* (Дряхлов). *Что ему месяц? Пусть в полях распустились цветы Над шатрами бездонно-лазурными, **Что тебе, раз такими ж, как ты, Полны темные, душные тюрьмы?*** (Кедрин). *Что тебе весна?*

Сказуемое, выраженное отрицательным местоимением-существительным *что*, в подавляющем большинстве случаев предшествует подлежащему, хотя возможен и иной порядок главных членов предложения. *Так было в Лондоне, в Берлине и в Париже! Но **это что ему?*** (Случевский).

Различают активные и пассивную сочетаемость [39. С. 9], для отрицательных местоимений *что* характерна активная сочетаемость: вопрос задается от них к зависимому слову.

В предложениях с отрицательным местоимением-существительным *что* субъект оценки обозначен формой дательного падежа существительного или личного местоимения любого лица и числа. Г.А. Золотова определяет значение данной синтаксемы как «дательный падеж авторизатора, с точки зрения которого соотносятся, оцениваются явления и понятия» [55. С. 126]. Это модусное значение падежа, которые, в отличие от диктумных [деление значений падежей на модусные и диктумные см.: 56], не получили пока лингвистической инвентаризации и описания.

«**Что нам книги без картинок?**» — *И старье забросят в печь* (Вега). ***Что вам** любовь или ненависть каких-то Горленко или Лизогубов?* (Вербицкая). ***Что им** универсамы и заводы* (Липкин).

Указание на субъект оценки может быть опущено, если он известен из предшествующего предложения.

*Вот чудак, ужели трудно Уяснить простой закон: Так ли, сяк ли — беспробудный Ты уже вкушаешь сон. **Что тебе привычки тела? Что там койка и постель?..** (Твардовский). **Что мне сила моя, что моя бесполезная нежность,** — Мне она не нужна, потому что тебе не нужна (Алексеева).*

На место отрицательного местоимения *что* подставляется отрицательное местоимение *ничто*. Употребляется отрицательное местоимение-существительное *что* в риторическом вопросе.

Риторический вопрос определяют как утверждение в отрицательной форме или отрицание в утвердительной форме. «Особенностью риторического вопроса является то, что предложения, не имеющие в своём составе отрицательной частицы “не”, воспринимаются как отрицательные, и, наоборот, предложения, имеющие в своём составе частицу “не”, осознаются как утвердительные» [57. С. 267]. Именно данное свойство риторического вопроса позволяет однозначно утверждать, что на место отрицательного *что* в рассматриваемых в статье предложениях подставляется отрицательное местоимение *ничто*.

В предложениях с вопросительным местоимением-существительным *что* отрицание передаётся в утвердительной форме.

Отрицательное местоимение-существительное *что* в функции главного члена в отрицательных генитивных предложениях

Существуют предложения, в которых то, что оценивается отрицательным местоимением-существительным, может быть обозначено существительным в косвенном падеже с предлогами. В них на место *что* подставляется *ничего*.

В отрицательных генитивных предложениях с отрицательным местоимением *что* в функции главного члена предложения предмет оценки может быть выражен существительным в родительном падеже с предлогом *до* или с предлогом *с*, существительным в предложном падеже с предлогом *в*. В предложениях с объектом оценки, выраженным существительным с предлогом *с*, оценивается причина (у Г.А. Золотовой значение подобной синтаксемы каузатив-2 [55. С. 99] указано исключительно с одушевлёнными существительными, в нашей картотеке только неодушевлённые); с объектом оценки, выраженным существительным с предлогом *до*, оценивается объект в целом, взятый извне (в «Русской грамматике» это обозначено как «отрицание касательства» [52. С. 392—393]); в предложениях с объектом, выраженным существительным с предлогом *в*, оценивается объект изнутри в совокупности его качеств и признаков (в словаре Г.А. Золотовой значение данной синтаксемы: «субъект — носитель признака» [55. С. 305]).

*Гром живет своим накатом — **Что ему до наших бед?** (Мандельштам). А я говорила — **что мне с вашего парашюта?** (Герасимов). Не в самолюбии*

тут дело, да **что мне с моего самолюбия?** (Переписка в icq agd-ardn и Герда (2008.02.19). *Не дай Бог было при ней убить паука или мушку, или равнодушно наступить на какого-нибудь жучка.* — Ну и **что тебе с того?** — *сердито* *спросила она убийцу.* — *Всех ведь не перебьёшь!* (Желиховская). *И что ему, бродяге полумира, В твоём родном, единственном угле?* (Твардовский).

Таким образом, несмотря на несклоняемость, отрицательное местоимение-существительное *что* имеет значения двух падежей: именительного и родительного. В отрицательных генитивных предложениях неважность, незначительность, ненужность объекта оценки для субъекта оценки выражена в большей степени, чем в двусоставных предложениях с отрицательным местоимением-существительным *что* благодаря его низведению в статус второстепенного члена предложения.

У отрицательного местоимения *ничто* выделяют три значения: 1) онтологический вакуум, небытие, отсутствие предмета; 2) нечто незначительное, несущественное, не заслуживающее внимания; 3) отрицание значимости какого-либо лица, ничтожество. Отрицательное местоимение-существительное *что* имеет значение «нечто незначительное, несущественное, не заслуживающее внимания», которое колеблется до значения «(как бы) несуществование, отсутствие (для авторизатора)». В предложениях с предлогом *с* значение *что* «отсутствие (пользы, проку)».

Различия отрицательного и вопросительного местоимений-существительных *что*

Отрицательное местоимение-существительное *что* принадлежит к тому же формальному разряду, что и вопросительное местоимение *что*, но словоизменительные парадигмы у местоимений различаются: вопросительное местоимение изменяется по падежам, отрицательное не склоняется. Отрицательное местоимение *что* не имеет отношения к категории одушевлённости/неодушевлённости, в отличие от вопросительного.

Вопросительное местоимение *что* членится на корень и окончание -то, отрицательное состоит только из основы и не содержит окончания, ни нулевого, ни материально выраженного. Вопросительное *что* имеет большое словообразовательное гнездо: от него образованы неопределённые и отрицательные местоимения; у отрицательного *что* нет производных.

У отрицательного и вопросительного *что* разные синонимы: у вопросительного «что такое?», у отрицательного «ничто» («ничего»), и антонимы: у отрицательного — *всё*, у вопросительного нет антонимов. На иностранные языки и то, и другое *что* переводятся одинаково. Вопросительное *что* не ограничено в своей сочетаемости, у него свободное лексическое значение. У отрицательного местоимения *что* значение синтаксически ограниченное функцией сказуемого или главного члена в отрицательном генитивном предложении и конструктивно обусловленное (употребляется в конструкции с именем субъекта оценки (авторизатора) в форме дательного падежа).

Значение дательного падежа при вопросительном *что* адресата или косвенного объекта, это диктальное значение; при отрицательном *что* употребляется дательный модусный падеж со значением авторизатора (там, где он опускается, он всё равно подразумевается: на место пропущенного субъекта оценки подставляется *всем* или конкретное имя из контекста).

Вопросительное *что* может быть любым членом предложения, отрицательное только сказуемым или главным членом в отрицательных генитивных предложениях.

Отрицательное *что* сочетается с особой эмоциональной и оценочной интонацией, употребляется в разговорных конструкциях. Вопросительное *что* может употребляться и в стилистически нейтральных предложениях, и в текстах книжных стилей, и в разговорном стиле.

Отрицательное *что* употребляется в предложениях фразеологизированной структуры, вопросительное *что* в предложениях любого типа, односоставном и двусоставном, полном и неполном, простом и сложном.

Часть лексикологов склоняется к использованию собственно семантического критерия разграничения омонимов и полисемантов: при наличии семантических связей между значениями говорят о полисемии, при отсутствии таких — об омонимии. Вопросительное и отрицательное *что* не связаны ни метафорой, ни метонимией, ни гиперо-гипонимическими, ни ассоциативными отношениями.

Этимологическая связь вопросительного и отрицательного *что* налицо. Любое вопросительное местоимение может быть употреблено в риторическом вопросе со значением отрицательного, один из примеров мы приводили выше. Нет ли здесь регулярности, характерной для многозначности? Нет, такие отрицательные местоимения передаются конструкциями с кумулятивным, двойным отрицанием: *Что он скажет в оправдание? — Ничего не скажет*. На место описываемого нами *что* подставляется одно отрицание «ничто» («ничего»).

Вопросительное и отрицательное местоимения-существительные *что* — омонимы.

Отрицательное местоимение-прилагательное *что* Отрицательное местоимение-прилагательное *что* в составе цельного словосочетания в функции главного члена отрицательного генитивного предложения

Отрицательное местоимение-прилагательное *что* употребляется в значении родительного падежа с существительными *пользы, проку, добра, выгоды, толку, прибыли, добра*; на его место подставляется отрицательное местоимение *никакого(ой)*. Отрицательное местоимение-прилагательное *что* образует цельное словосочетание с перечисленными словами и в составе данного цельного словосочетания выполняет функцию главного члена отрицательного генитивного предложения [58—62; ср.: 62—68].

Пусть я уйду в иголку, но что мне в этом толку? (Жданов). *А что мне проку, когда ты не проворнее, чем свет, когда не поспеваешь к сроку?* (Петров). *Ничто не вечно под луной, да и что пользы человеку от трудов его, которыми трудится он под солнцем?* (Дежнев). *Он имеет сестру и брата, Ну, а что ему в том добра-то?* (Симонов).

Указание на субъект оценки может отсутствовать, при этом предложение содержит обобщение: на место пропущенного субъекта оценки подставляется *всем* или *никому*, или предложение является неполным: субъект оценки восстанавливается из предшествующего контекста.

Что пользы в том, что явных казней нет? (Пеньков). *Только что проку от его красноречия, если после сказанного слова реальная жизнь идет совсем другим курсом?* (Вощанов). *Чем же славен? Что добра в твоих волнах? Что так шумен, своенравен Расплескался в берегах?* (Шевырев).

То, что оценивается как не имеющее пользы, проку, толку, выгоды, прибыли, добра, выражается существительным в родительном падеже с предлогом *от* или существительным в предложном падеже с предлогом. Объект оценки с предлогом *от* указывает, что оценивается причина (в словаре Г.А. Золотовой «в экспрессивной модификации оценочной модели компонент со значением субъекта или каузатора потенциального действия, прагматические или эмоциональные последствия которого оцениваются в предложении» [55. С. 81]); объект оценки с предлогом *в* указывает на оценку объекта изнутри в совокупности его качеств и признаков.

Отрицательное местоимение-прилагательное *что* в составе цельного словосочетания в функции сказуемого в двусоставном предложении

Отрицательное местоимение-прилагательное *что* в составе цельного словосочетания с существительным *пользы, проку, толку, добра, выгоды, прибыли* употребляется в качестве сказуемого в двусоставном предложении с подлежащим, выраженным инфинитивом.

В XVIII и первой трети XIX века отрицательное местоимение-прилагательное *что* употреблялось ещё в составе цельного словосочетания с существительным *прибыли* и в двусоставных, и в отрицательных генитивных предложениях, такое употребление не встречается уже в наши дни.

Вот, жена, — говорил мужской голос, — как добиваются в чины, а что мне прибыли, что я служу беспорочно, не подамся вперед ни на палец (Радищев). *В самом деле, что тебе прибыли меня обманывать?* (Загоскин). *Батюшка, не погуби ты меня, что тебе прибыли?* (Фонвизин). *Что вам прибыли губить меня?* (Загоскин).

Примеры с *что добра* тоже единичные.

Почему мы утверждаем, что на место отрицательного местоимения-прилагательного *что* подставляется «никакого»? В нашей картотеке множество примеров с *никакого толку, никакого проку, никакой пользы, никакой*

выгоды, но всего несколько (шесть) с *ничего толку* (С самого Покрова учусь, учусь и... *ничего толку*... [Чехов]). Примеры с *ничего проку*, *ничего выгоды*, *ничего пользы*, *ничего добра* отсутствуют в Национальном корпусе русского языка. Отрицательное местоимение-прилагательное *что* в составе цельных словосочетаний *что толку*, *проку*, *пользы*, *выгоды*, *добра*, в отличие от *никакого толку*, *проку*, *выгоды*, *пользы*, *ничего толку*, никогда не употребляется со связкой будущего или прошедшего времени, а в настоящем времени с *нет*. Отрицательное местоимение *никакого* не образует цельного словосочетания со словами *проку*, *толку*, *пользы*, *выгоды*, в отличие от отрицательного местоимения прилагательного *что*.

Отрицательное местоимение-прилагательное *что* имеет значение «ни один из имеющихся или возможных», у отрицательного местоимения *никакой* это одно из значений.

Заключение

Итак, в русском языке существуют два отрицательных местоимения *что*, местоимение-прилагательное в значении «никакого(ой)» и местоимение-существительное в значении «ничто» («ничего»). Поскольку мы относим вопросительные и относительные местоимения к разным разрядам и считаем их разными словами, отрицательное и вопросительное местоимения-существительные *что* следует признать разными словами. Поскольку мы выделяем как два разных слова местоимения-существительные и местоимения-прилагательные *всё*, *это*, *то*, нужно признать, что отрицательное *что* — местоимение-существительное — и отрицательное *что* — местоимение-прилагательное — это тоже два разных слова. Несмотря на несклоняемость, отрицательное местоимение-существительное *что* имеет значения двух падежей: именительного и родительного; отрицательное местоимение-прилагательное *что* всегда выражает значение родительного падежа, мужского или женского рода. Отрицательные местоимение-существительное *что* и местоимение-прилагательное *что* выполняют функцию сказуемого в двусоставных предложениях или функцию главного члена предложения в отрицательных генитивных предложениях. Особенность данных генитивных предложений в том, что в них отрицание выражается в утвердительной форме, поскольку отрицательные местоимения *что* функционируют в риторических вопросах в отрицательном значении без аффикса отрицательности. Значения обоих отрицательных местоимений *что* синтаксически ограниченные (функцией сказуемого или главного члена отрицательных генитивных предложений) и конструктивно обусловленные (проявляются в конструкции с субъектом оценки — авторизатором — в форме дательного падежа). Значение отрицательного местоимения-прилагательного *что* ещё и фразеологически связанное, поскольку в данном значении *что* всегда употребляется с одним из следующих слов: *проку*, *толку*, *пользы*, *выгоды*, *прибыли*, *добра*. Из трёх значений отрицательного местоимения *ничто* отрица-

тельное местоимение-существительное *что* имеет значение «нечто неважное, несущественное, незначительное» (или «(как бы) несуществующее (для авторизатора)») или «отсутствие (пользы)». Из значений отрицательного местоимения *никакой* отрицательное местоимение-прилагательное *что* имеет значение «ни один из имеющихся или возможных».

Библиографический список

1. Откупщикова М.И. Местоимения современного русского языка в структурно-семантическом аспекте. Л.: ЛГУ, 1984.
2. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М.: Учпедгиз, 1957.
3. Малаховский Л.В. Теория лексической и грамматической омонимии. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
4. Ким О.М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. Ташкент: Фан, 1978.
5. Качурин Д.В. Проблема разграничения омонимии и полисемии применительно к практике составления толковых словарей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014.
6. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высш. шк., 1982.
7. Высоцкая И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.
8. Бабайцева В.В. Местоимение ЭТО и его функциональные омонимы. М.: Флинта: Наука, 2016.
9. Богданова М.А. Форма, семантика и функции лексемы хорошо: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014.
10. Емцева О.В. Слова более и менее в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
11. Жукова Т.А. Полифункциональная лексическая единица «к слову» и ее контекстно-функциональные синонимы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2003.
12. Ильина А.Б. «Гибридные» слова с градуальной семантикой в современном русском языке (наречия-частицы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
13. Кириченко И.В. Семантические и функциональные особенности слова ПРОСТО в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2002.
14. Люлина Е.А. Слово *как* в русском языке (семантика, морфологическая и синтаксическая характеристика, функционирование в стилевых разновидностях языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2006.
15. Милованова М.С. Функциональные омонимы звуковых комплексов против / напротив и их грамматический статус: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
16. Моргунова А.Н. Бытование омокомплекса *оно* в русском дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2016.
17. Никитина О.В. Семантико-функциональные особенности слова «прямо» в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2008.
18. Семенова О.В. Морфологический статус и синтаксические функции слова *вроде*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.
19. Сорокина М.А. Функционирование омокомплекса *правда* в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.
20. Шамшин Ю.Н. Функционирование омокомплексов много и мало в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. М., 2007.
21. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000.
22. Сидоренко Е.Н. Очерки по теории местоимений современного русского языка. Киев, Одесса: Лыбидь, 1990.

23. *Сидоренко Е.Н.* Морфология современного русского языка. Части речи и контаминаты: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2017.
24. *Стернина М.А.* Лексико-грамматическая полисемия в системе языка (опыт разработки интегральной теории полисемии): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2000.
25. *Арсеньева М.Г., Строева Т.В., Хазанович А.П.* Многозначность и омонимия. Л.: ЛГУ, 1966.
26. *Абдурахманова Ф.К.* Функциональная транспозиция и омонимия в современном русском языке (на материале существительных и наречий): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1992.
27. *Ардентов Б.П.* «Что» в современном русском языке. Кишинев: Штиинца, 1973.
28. *Жирикова О.А.* О переходности местоимений // *Русский язык в школе*. 1957. no 2. С. 27—29.
29. *Ким О.М., Островская И.Е.* Словарь грамматических омонимов русского языка. М.: Астрель, АСТ, Ермак, 2004.
30. *Морковкин В.В., Луцкая Н.М., Богачёва Г.Ф.* и др. Объяснительный словарь русского языка: структурные слова: предлоги, союзы, частицы, местоимения, числительные, связочные глаголы: около 1200 единиц / под ред. В.В. Морковкина. М.: Астрель, АСТ, 2003.
31. *Степанова О.Ю.* Есть ли наречие что в современном русском языке? // *Русский язык в школе*. 2008. no 9. С. 78—81.
32. *Шелякин М.А.* Русские местоимения (значение, грамматические формы, употребление). Материалы к спецкурсу «Функциональная грамматика русского языка». Тарту, 1986.
33. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова: В 4 т. М.: ОГИЗ, 1935—1940 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-ushakov/articles/44/tot.htm>. (дата обращения 20.03.2020.)
34. *Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь русского языка. М.: Городец, 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/efremova/%D1%87%D1%82%D0%BE>. (дата обращения 20.03.2020.)
35. *Ерёмин А.Н.* Местоимения в просторечии (семантика и формальные особенности). Калуга: КГПУ имени К.Э. Циолковского, 1997.
36. *Сыромятников Н.А.* Классический японский язык / отв. ред. И.Ф. Вардуль. М.: ЛЕНАНД, 2014.
37. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Астрель : АСТ, 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://glosum.ru/%D0%97%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%DB8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D0%A7%D1%82%D0%BE>. (дата обращения 20.03.2020.)
38. *Шанский Н.М., Боброва Т.А.* Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М.: Дрофа, 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slovorod.ru/etym-shansky/shan-ko.htm#ко> (дата обращения 20.03.2020.)
39. *Кузьмина С.М.* Семантика и стилистика неопределённых местоимений // *Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Суперсигментная фонетика. Морфологическая семантика*. М.: Наука, 1989.
40. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956.
41. *Сидоренко Е.Н.* Семантические разряды местоимений современного русского языка // *Русские местоимения: Семантика и грамматика*. Межвуз. сб. науч. тр. Владимир: ВГПИ имени П.И. Лебедева-Полянского, 1989. С. 18—26.
42. *Третьякова О.Д.* Неопределённые местоимения, лишённые маркёра неопределённости, в типологической перспективе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
43. *Труфанова И.В.* Неопределённое местоимение *какой* // *Экология языка: сб. науч. тр. / под ред. Е.Н. Сердобинцевой*. Пенза: ПГУ, 2016. Вып. IX. С. 18—23.
44. *Труфанова И.В.* К каким лексико-грамматическим разрядам относится местоимение *который*? // *Филологическая наука и школа: Диалог и сотрудничество: сб. тр. по мате-*

- риалам VIII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Л.В. Дудова. М.: Флинта: Наука, 2016. С. 18—28.
45. Труфанова И.В. Определительные местоимения, обойдённые грамматиками // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XVIII-й Междунар. науч. конф. (Орехово-Зуево, 16-18 мая 2018 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. М.: Ин-т языкознания РАН; Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет», ФГНУ «Психологический институт» Российской академии образования, 2018. С. 66—76.
 46. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D1%87%D1%82%D0%BE>. (дата обращения 20.03.2020).
 47. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1994. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/dal/%D1%87%D1%82%D0%BE>. (дата обращения 20.03.2020).
 48. Кузнецов С.А. Большой современный толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>. (дата обращения 20.03.2020).
 49. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой: В 4 т. М.: Наука, 1985—1988. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/mas/%D1%87%D1%82%D0%BE>. (дата обращения 20.03.2020).
 50. Частотный словарь русского языка / под ред. Л.Н. Засориной. М.: Русский язык, 1977.
 51. Zipf K. The meaning-frequency relationship of words // Journal of General Psychology. 1945. 33(2). P. 251—256.
 52. Русская грамматика: В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1980. С. 392—393.
 53. Колесникова С.М. Русские частицы: семантика, грамматика, функции. М.: Флинта; Наука, 2014.
 54. Адмони В.Г. Типология предложения // Исследования по общей теории грамматики. М.: Наука. 1968. С. 232—292.
 55. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Отв. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Наука, 1988.
 56. Клобуков Е.Г. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке (Введение в методику позиционного анализа). М.: Изд-во МГУ, 1986.
 57. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковордникова. М.: Флинта; Наука, 2006.
 58. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2004.
 59. Маркелова Т.В. Грамматическая и семантическая структура односоставных негативных предложений с бытийным значением: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
 60. Жуковская Г.А. Генитивные конструкции в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2005.
 61. Моница Т.С. Проблема тождества предложения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997.
 62. Проничев В.П. Именные односоставные предложения в русском литературном языке в сопоставлении с сербскохорватским: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1991.
 63. Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. М.: МГУ, 1958.
 64. Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке. М.: Дрофа, 2004.
 65. Валгина Н.С. Современный русский язык: Синтаксис. М.: Высш. шк., 2003.
 66. Петров А.В. Безлично-генитивные предложения // Русский язык в шк. 2005. по 6. С. 78—81.

67. Локтев Е.В. Безлично-гениитивные предложения в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2017.
68. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: URSS, 2009.

References

1. Otkupshchikova, M.I. (1984). *The pronouns of the modern Russian language in the structural-semantic aspect*. Leningrad: Publishing House of the Leningrad University. (In Russ.).
2. Akhmanova, O.S. (1957). *Essays on general and Russian lexicology*. Moscow: Uchpedgiz. (In Russ.).
3. Malakhovsky L.V. (2009). *The theory of lexical and grammatical homonymy*. Moscow: LIBROCOM. (In Russ.).
4. Kim, O.M. (1978). *Transposition at the level of parts of speech and the phenomenon of homonymy in modern Russian*. Tashkent: Fan. (In Russ.).
5. Kachurin, D.V. (2014). *The problem of distinguishing homonymy and polysemy in relation to the practice of compiling explanatory dictionaries* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
6. Novikov, L.A. (1982). *Semantics of the Russian language*. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.).
7. Vysotskaya, I.V. (2006). *Syncretism in the system of speech parts of the modern Russian language* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
8. Babaitseva, V.V. (2016). *The pronoun IT and its functional homonyms*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.).
9. Bogdanova, M.A. (2014). *The form, semantics, and functions of a token are good* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
10. Emtseva, O.V. (2010). *Words more and less in modern Russian* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
11. Zhukova, T.A. (2003). *The multifunctional lexical unit "by the word" and its context-functional synonyms* [dissertation]. Vladivostok. (In Russ.).
12. Ilyina, A.B. (2005). *"Hybrid" words with degree semantics in modern Russian (adverbs-particles)* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
13. Kirichenko, I.V. (2002). *Semantic and functional features of the word SIMPLY in modern Russian language* [dissertation]. Stavropol. (In Russ.).
14. Lyulina, E.A. (2006). *The word as in Russian (semantics, morphological and syntactic characteristics, functioning in the style varieties of the language)* [dissertation]. Nizhny Novgorod. (In Russ.).
15. Milovanova, M.S. (2004). *Functional homonyms of sound complexes against / opposite and their grammatical status* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
16. Morgunova, A.N. (2016). *The existence of the omocomplex is in the Russian discourse* [dissertation]. Samara. (In Russ.).
17. Nikitina, O.V. (2008). *Semantic and functional features of the word "directly" in modern Russian* [dissertation]. Maykop. (In Russ.).
18. Semenova, O.V. (2000). *Morphological status and syntactic functions of words like* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
19. Sorokina, M.A. (2002). *Functioning of the Homocomplex is True in modern Russian: [dissertation]. Moscow. (In Russ.).*
20. Shamshin, Yu.N. (2007). *The functioning of homocomplexes is many and few in modern Russian* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
21. Babaitseva, V.V. (2000). *The phenomena of transition in the grammar of the Russian language*. Moscow: Drofa. (In Russ.).
22. Sidorenko, E.N. (1990). *Essays on the theory of pronouns of the modern Russian language*. Kiev, Odessa: Swan.

23. Sidorenko, E.N. (2017). *Morphology of the modern Russian language. Parts of speech and contaminants: a training manual*. Moscow: Flinta; Nauka. (In Russ.).
24. Sternina, M.A. (2000). *Lexico-grammatical polysemy in the language system (experience in developing the integral theory of polysemy)* [dissertation]. Voronezh. (In Russ.).
25. Arsenyeva, M.G., Stroeva, T.V. & Khazanovich, A.P. (1966). *Ambiguity and homonymy*. Leningrad: Leningrad State University. (In Russ.).
26. Abdurakhmanova, F.K. (1992). *Functional transposition and homonymy in modern Russian (based on the material of nouns and adverbs)* [dissertation]. Tver. (In Russ.).
27. Ardentov, B.P. (1973). "What" in modern Russian. Chisinau: Shtiintsa. (In Russ.).
28. Zhirikova, O.A. (1957). About transitive pronouns. *Russian language at school*, 2, 27—29. (In Russ.).
29. Kim, O.M. & Ostrovskaya, I.E. (2004). *Dictionary of grammatical homonyms of the Russian language*. Moscow: Astrel, AST, Ermak. (In Russ.).
30. Morkovkin, V.V., Lutsкая, N.M., Bogacheva, G.F. & al. (2003). *Explanatory dictionary of the Russian language: structural words: prepositions, conjunctions, particles, pronouns, numerals, connected verbs: about 1200 units*, V.V. Morkovkin (ed.). Moscow: Astrel; AST. (In Russ.).
31. Stepanova, O.Yu. (2008). Is there an adverb in modern Russian? *Russian language at school*, 9, 78—81. (In Russ.).
32. Shelyakin, M.A. (1986). Russian pronouns (meaning, grammatical forms, use) In *Materials for the special course "Functional grammar of the Russian language."* Tartu. (In Russ.).
33. Explanatory Dictionary of the Russian Language, D.N. Ushakov (Ed.): In 4 vols. Moscow: OGIZ, 1935—1940. [Electronic resource]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-ushakov/articles/44/tot.htm>. (accessed: 10.03.2020). (In Russ.).
34. Efremova, T.F. (2009). *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: Gorodets. [Electronic resource]. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/%D1%87%D1%82%D0%BE>. (accessed: 10.03.2020). (In Russ.).
35. Eremin, A.N. (1997). *Colloquial pronouns (semantics and formal features)*. Kaluga: Kaluga State Pedagogical University named after K.E. Tsiolkovsky. (In Russ.).
36. Syromyatnikov, N.A. (2014). *Classic Japanese*. Moscow: LENAND. (In Russ.).
37. Fasmer, M. (2007). *Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 vols*. Moscow: Astrel; AST. [Electronic resource]. URL: <https://glosum.ru/%D0%97%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%DB8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D0%A7%D1%82%D0%BE>. (accessed: 10.03.2020). (In Russ.).
38. Shansky, N.M. & Bobrova, T.A. (2004). *School etymological dictionary of the Russian language. The origin of the words*. Moscow: Drofa. [Electronic resource] URL: <http://www.slovorod.ru/etym-shansky/shan-ko.htm#ko>. (accessed: 10.03.2020). (In Russ.).
39. Kuzmina, S.M. (1989). Semantics and stylistics of indefinite pronouns In *Grammatical studies. Functional and stylistic aspect. Super-Segmental Phonetics. Morphological semantics*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
40. Peshkovsky, A.M. (1956). *Russian syntax in scientific coverage*. Moscow: Uchpedgiz. (In Russ.).
41. Sidorenko, E.N. (1989). Semantic categories of pronouns of the modern Russian language In *Russian pronouns: Semantics and grammar. Interuniversity collection of scientific papers*. Vladimir: Vladimir State Pedagogical Institute named after P.I. Lebedev-Polyansky. (In Russ.).
42. Tretyakova, O.D. (2009). *Indefinite pronouns, lacking a marker of uncertainty, in a typological perspective* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
43. Trufanova, I.V. (2016). What indefinite pronoun In *Ecology of language: collection of scientific works*, E.N. Serdobintseva (ed.). Issue IX. Penza: PSU. pp. 18—23. (In Russ.).

44. Trufanova, I.V. (2016). What lexico-grammatical categories does the pronoun belong to? In *Philology and school: Dialogue and cooperation: a collection of works on the materials of the VIII International scientific and practical conference*, L.V. Dudova (ed.). Moscow: Flinta: Nauka. pp. 18—28. (In Russ.).
45. Trufanova, I.V. (2018). Definitive pronouns bypassed by grammars In *Language and Thinking: Psychological and Linguistic Aspects: Materials of the XVIII International Scientific Conference* (Orehovo-Zuevo, May 16—18, 2018), A.V. Puzryyov (ed.). Moscow: Institute of Linguistics, RAS; Orehovo-Zuevo: GOU VO MO “State Humanitarian Technological University”, FGNU “Psychological Institute” of the Russian Academy of Education. pp. 66—76. (In Russ.).
46. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1999). *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: Azbukovnik. [Electronic resource]. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D1%87%D1%82%D0%BE>. (accessed: 10.03.2020).
47. Dal, V.I. (1994). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*: in 4 vols. Moscow: Progress. [Electronic resource] URL: <https://gufo.me/dict/dal/%D1%87%D1%82%D0%BE>. (accessed: 10.03.2020). (In Russ.).
48. Kuznetsov, S.A. (1998). *Large modern explanatory dictionary of the Russian language*. St. Petersburg: Norint. [Electronic resource]. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>. (accessed: 10.03.2020). (In Russ.).
49. Dictionary of the Russian language (1985—1988). A.P. Evgenyeva (ed.): In 4 volumes. Moscow: Nauka. [Electronic resource]. URL: <https://gufo.me/dict/mas/%D1%87%D1%82%D0%BE>. (accessed: 10.03.2020). (In Russ.).
50. The frequency dictionary of the Russian language (1977). L.N. Zazorina (ed.). Moscow: Russian language. (In Russ.).
51. Zipf, K. (1945). The meaning-frequency relationship of words. *Journal of General Psychology*, 33(2), 251—256.
52. Russian grammar: in 2 vols (1980). Vol. 2. Moscow: Nauka. (In Russ.).
53. Kolesnikova, S.M. (2014). *Russian particles: semantics, grammar, functions*. Moscow: Flinta; Nauka. (In Russ.).
54. Admoni, V.G. (1968). Typology of sentences In *Studies in the general theory of grammar*. Moscow: Nauka. pp. 232—292. (In Russ.).
55. Zolotova, G.A. (1988). *Syntax Dictionary. Repertoire of elementary units of Russian syntax*, Yu.N. Karaulov (ed.). Moscow: Nauka. (In Russ.).
56. Klobukov, E.G. (1986). *The semantics of case forms in modern Russian literary language (Introduction to the methodology of positional analysis)*. Moscow: Moscow State University Publishing House. (In Russ.).
57. *Encyclopedic reference dictionary Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings* (2006). A.P. Skovordnikov (ed.). Moscow: Flinta; Nauka. (In Russ.).
58. Lekant, P.A. (2004). *Simple sentence syntax in modern Russian: a training manual*. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.).
59. Markelova, T.V. (1982). *The grammatical and semantic structure of one-part negative sentences with existential meaning* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
60. Zhukovskaya, G.A. (2005). *Genitive constructions in modern Russian* [dissertation]. Velikiy Novgorod. (In Russ.).
61. Monina, T.S. (1997). *The problem of identity sentences* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
62. Pronichev, V.P. (1991). *Nominal single-compound sentences in the Russian literary language in comparison with the Serbo-Croatian* [dissertation]. Leningrad. (In Russ.).
63. Galkina-Fedoruk, E.M. (2012). *Impersonal sentences in modern Russian*. Moscow. (In Russ.).
64. Babaitseva, V.V. (2004). *Single-component sentences in modern Russian*. Moscow: Drofa. (In Russ.).
65. Valgina, N.S. (2003). *Modern Russian: Syntax*. Moscow. (In Russ.).

66. Petrov, A.V. (2005). Impersonal-genitive sentences. *Russian language in school*, 6, 78—81. (In Russ.).
67. Loktev, E.V. (2017). *Impersonal-genitive sentences in modern Russian* [dissertation]. Arkhangelsk. (In Russ.).
68. Arutyunova, N.D. (2009). *Offer and its meaning. Logical and semantic problems*. Moscow: URSS. (In Russ.).

Information about the author:

Trufanova Irina Vladimirovna, Doctor of Philology, Associate Professor, associate professor, teacher of additional education of the State budgetary educational institution of the city of Moscow “School No. 224”; Scientific interests: theoretical grammar, theory of speech acts, sociolinguistics, narratology; *e-mail*: illokucia1@rambler.ru

Сведения об авторе:

Труфанова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, педагог дополнительного образования Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения города Москвы «Школа № 224»; научные интересы: теоретическая грамматика, теория речевых актов, социолингвистика, нарратология; *e-mail*: illokucia1@rambler.ru.

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706

УДК: 81'37

Научная статья / Research article

Афоризм как объект лингвистики: основные признаки

Е.Е. Иванов

Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова
ул. Космонавтов, 1, Могилёв, Республика Беларусь, 212022
ivanov-msu@mail.ru

В статье представлена попытка установить и описать основные признаки (свойства) афоризма как объекта лингвистики. В современной лингвистике всё больше исследований посвящается изучению афоризма как фразового текста и устойчивой фразы. Однако понятие афоризма в языкознании не имеет собственного определения. В этой связи актуальным является анализ лингвистически релевантных свойств афоризма, которые характеризуют его языковую природу. Цель исследования — определить и описать минимальное количество наиболее лингвистически значимых признаков (свойств) афоризма, установить их облигаторный / факультативный характер, их специфичность / общность (для афоризма и близких ему сверхсловных образований). Методы исследования — описательный метод, структурный, семантический, функциональный, дискурсивный, стилистический анализ, таксономия. Материалом для исследования послужили высказывания на русском, английском, белорусском, польском языках, содержащиеся в письменных текстах разных жанров, а также в компиляциях из различных источников, в справочных изданиях, в названии которых использован термин *афоризм* (или производное — *афористический*). Общее количество проанализированных единиц составляет свыше 50 000 из более 120 источников. В результате исследования установлено, что лингвистически релевантными признаками афоризма (характеризующими его как объект лингвистики) являются сверхсловность, однофразовость, обобщённость значения, номинативность, дискурсивная автономность, текстовая форма, воспроизводимость, устойчивость, идиоматичность, выразительность (эстетичность) словесной формы. Ряд признаков совпадает у афоризмов и фразеологизмов (сверхсловность, воспроизводимость, устойчивость, идиоматичность), но ни один из них не является для афоризма обязательным. Облигаторными признаками афоризма являются однофразовость, обобщённость значения, номинативность, дискурсивная автономность. Главным (дифференциальным) признаком афоризма как объекта лингвистики является обобщённость значения, которая по отношению к выражаемой действительности носит специфический характер — универсализм. Введение в научный оборот лингвистически релевантных признаков афоризма позволило определить его в терминах лингвистики как однофразовую, номинативную, дискурсивно автономную, преимущественно сверхсловную, воспроизводимую, устойчивую единицу, которая отличается от всех иных сверхсловных комплексов одним специфическим признаком — обобщённостью значения (универсальным

© Иванов Е.Е., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

обобщением действительности). Этот признак дифференцирует афоризмы как разновидность лингвистических единиц (фразовых текстов или устойчивых фраз), детерминирует их дискурсивную автономность и номинативность, манифестирует субстанциональное качество их плана содержания — афористичность.

Ключевые слова: афоризм, фразовый текст, устойчивая фраза, лингвистический признак, обобщённость, однофразовость, номинативность, дискурсивная автономность

Благодарность:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016—2020 гг. в рамках научного проекта № 20161332.

История статьи:

Дата поступления: 25.08.2020

Дата приема в печать: 15.09.2020

Для цитирования:

Иванов Е.Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. по 4. С. 659—706. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706

UDK: 81'37

Aphorism as an Object of Linguistics: the Main Properties

E.E. Ivanov

Mogilev State A. Kuleshov University
1, Kosmonavtov Str., Mogilev, Republic of Belarus, 212022
ivanov-msu@mail.ru

Abstract. The article presents an attempt to establish and describe the main properties of aphorism as an object of linguistics. In modern linguistics, a number of researches are devoted to the study of aphorism as a phrase text and a fixed phrase. However, the concept of aphorism in linguistics does not have its own definition. In this regard, the analysis of the linguistically relevant properties of the aphorism that characterize its linguistic nature is of current importance. The purpose of the study is to determine and describe the minimum number of the most linguistically significant properties of an aphorism, to establish their obligatory / optional character, their specificity / generality (for aphorism and more than a word units close to it). Research methods — descriptive method, structural, semantic, functional, discursive, stylistic analysis, taxonomy. The material for the research was the statements in Russian, English, Belarusian, Polish, contained in written texts of different genres, as well as in compilations from various sources, in reference editions, in the title of which the term *aphorism* (or its derivative — *aphoristic*) was used. The total number of analyzed units is over 50,000 from over 120 sources. As a result of the study, it was found that linguistically relevant properties of aphorism (differentiating it as an object of linguistics) are more than a word nature, one phrase structure, generalized meaning, nominative nature, discursive autonomy, textuality, reproducibility, stability, idiomatic nature, expressiveness of the verbal form. A number of properties coincide in aphorisms and phraseological units (more than word nature, reproducibility, stability, idiomatic nature), but none is obligatory for aphorism. Obligatory properties of aphorism are one phrase structure, generalized meaning, nominative

nature, discursive autonomy. The main (differential) property of aphorism as an object of linguistics is the generalized meaning, which in relation to the expressed reality has a specific character — universal character. The introduction of linguistically relevant features of aphorism into science allows it to be defined in terms of linguistics as a one-phrase unit, nominative, discursively autonomous, predominantly more than a word units, reproducible, fixed unit that differs from all other more than a word units in one specific property — the generalized meaning (a universal generalization of reality). This property characterizes aphorisms as a variety of linguistic units (phrase texts or fixed phrases), determines their discursive autonomy and nominative nature, and manifests the categorical quality of their content plan — aphoristic nature.

Key words: aphorism, phrase text, fixed phrase, linguistic property, generalization, one-phrase character, nominative nature, discursive autonomy

Acknowledgment:

The reported study was funded by State Program of Scientific Research «Economy and Humanitarian Development of the Belarusian Society» for 2016—2020 according to the research project № 20161332.

Article history:

Received: 25.08.2020

Accepted: 15.09.2020

For citation:

Ivanov, E.E. (2020). Aphorism as an Object of Linguistics: the Main Properties. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (4), 659—706. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706

Введение

Афоризм, будучи вербальным средством выражения общих суждений, является одним из наиболее заметных и продуктивных средств и результатов речемыслительной деятельности, употребляется в речи как устойчивая фраза (расхожее изречение «здравого смысла», пословица) или как фразовый текст / интертекст (литературный жанр, реплика в тексте / разовая цитата, крылатое изречение) [1]. Афоризм широко используется в различных разновидностях дискурса, сферах речевой коммуникации, реализующихся в разных социальных или культурных практиках и областях знания (в том числе научного) [2].

Термин *афоризм* является достаточно широко употребляемым в научном дискурсе. Так, в июле 2020 г. на сделанный нами запрос по ключевому слову *афоризм* в названиях и электронных текстах диссертаций по различным научным специальностям в поисковой системе Российской государственной библиотеки было получено около 22000 результатов. С учётом того, что далеко не все диссертации и их авторефераты прошли в РГБ оцифровку, реальное количество употреблений термина афоризм в квалификационных научных работах возрастает во много раз. Подавляющее большинство таких работ являются филологическими, из них более половины — лингвистическими. На том основании, что подготовка квалификационных работ и озна-

комление с ними является неотъемлемой частью научной деятельности каждого лингвиста, можно сделать вывод, что термин *афоризм* весьма активно используется в современном языкознании.

Вместе с тем сегодня не существует общепринятого в лингвистике понимания того, что следует называть афоризмом. В общелингвистической справочной литературе термин *афоризм* либо толкуется неоднозначно, либо отсутствует. Так, его нет ни в одном из четырёх версий фундаментальной энциклопедии «Лингвистический энциклопедический словарь» (1990, 2002, «Языкознание» — 1998, 2000), нет и в большинстве словарей лингвистических терминов, например, О.С. Ахмановой (1966, 1969 / 2004), Т.В. Жеребило (2005, 6-е изд. — 2016), В.Д. Старичонка (2008) и др. В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой зафиксирован лишь атрибутив *афористический* [3. С. 60] в качестве синонима для *гномический* [3. С. 110] в связи с определением такой семантической разновидности времени глагола, как *афористическое настоящее* [3. С. 254]. Складывается впечатление, что авторы и составители справочников по языкознанию сознательно избегают попыток толкования понятия афоризма.

Совершенно неожиданным на этом фоне выглядит включение термина в «Краткий словарь лингвистических терминов» (1995) Н.В. Васильевой, В.А. Виноградова, А.М. Шахнаровича, где *афоризм*, тем не менее, уже вполне ожидаемо толкуется посредством понятий, далёких от метаязыка лингвистики, как «краткое, отточенное по форме изречение, содержащее обобщённую и законченную мысль» [4. С. 17]. Такое отражение *афоризма* в числе наиболее значимых и широко употребительных лингвистических терминов (в краткий словарь входят, как известно, единицы именно такого рода) можно объяснить, видимо, его глухим упоминанием (с аналогичным толкованием в почти дословной форме) в одном из наиболее популярных в отечественном языкознании терминологических компендиумов «Словарь-справочник лингвистических терминов» (3-е изд. — 1985) Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой при семантизации термина *афористичность речи* как «насыщение речи афоризмами — лаконичными, отточенными по форме и выражающими обобщённую мысль изречениями» [5. С. 23].

Симптоматично, что термин *афоризм* не всегда семантизируется в словарях лингвистических терминов в тех случаях, когда не удаётся избежать его упоминания. Так, в «Англо-русском словаре по лингвистике и семиотике» (2003) под редакцией А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, где почти все термины толкуются в форме «комментария» (наличие которого признаётся составителями словаря как «очень важный фактор, способствующий выбору правильного эквивалента при переводе лингвистического текста» [6. С. VII]), ни английское *aphorism*, ни его русский аналог не комментируются [6. С. 24], хотя объём и содержание их понимания существенно различаются в англо-американской и русско-восточнославянской лингвистических традициях [7].

На фоне почти тотального игнорирования термина *афоризм* (и от него производных) в общелингвистической справочной литературе показательным выглядит его включение в частнолингвистические энциклопедии (например, русского языка, белорусского языка, украинского языка и др.). В них, однако, *афоризм* (бел. *афарызм*, укр. *афоризм*) толкуется не всегда однозначно, что порождает диаметрально различное его понимание в разных национальных ответвлениях языкознания [8. С. 42; 9. С. 60—61; 10. С. 39]. Достаточно противоречивыми являются и определения афоризма в рамках изучения отдельных языков. Не случайно в первом издании энциклопедии «Русский язык» (1979) и последующих (2-е изд. — 1997, 2008) указывается, что понятие афоризма «не имеет общепринятого определения» [11].

Несмотря на свою метаязыковую неопределённость, термин *афоризм* широко используется в языковедческих исследованиях самой разнообразной тематики, а афоризму как объекту лингвистического описания посвящаются тысячи научных работ самых различных жанров. Только на русском языке за последние двадцать лет появилось больше лингвистических исследований афоризма, чем за всё предыдущее время, в том числе защищено свыше 50 диссертаций (в названиях которых употребляется термин *афоризм* или его производные) по различным языковедческим специальностям (включая такие традиционно базовые для лингвистики, как 10.02.19 — теория языка и 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание). Однако можно констатировать, что сколь-нибудь существенного шага вперёд в понимании того, что следует называть афоризмом, в лингвистике не произошло. Афоризм в большинстве исследований либо не получает определения как собственно лингвистический объект (используется его общефилологическая или узко литературоведческая трактовка), либо определяется *ad hoc*, когда каждый исследователь понимает его в соответствии со своими взглядами и тем языковым материалом, который в данном случае анализируется.

Наиболее противоречивыми являются попытки выделить основные признаки (свойства) афоризма как объекта лингвистики. Так, при определении афоризма в языковедческих исследованиях широко используются понятия «краткий (или лаконичный)», «оригинальный», «глубокий», «отточенный (по форме)», «выразительный», «остроумный», «парадоксальный», «авторский», «запоминающийся», «неповторимый» и т.д., которые не являются собственно лингвистическими (не являются частью метаязыка лингвистики). В последнее время стали заметны поиски одного определяющего признака, на основе которого можно объединить все высказывания различного содержания и различной синтаксической формы, которые обычно называются *афоризмы*, в одну группу (тип) лингвистических единиц. В качестве такого признака предлагается «концептуализация» (отражение наиболее актуальных для носителей языка понятий «концептов») [12. С. 27], «паспортизация» (знание носителями языка автора) [12. С. 29—30], «воспроизводимость»

(хранение в сознании носителей языка и повторение в речи в «готовом» виде) [13. С. 81], а также «идиоматичность» (выражение содержания, выходящего за пределы суммы значений лексических компонентов), «поэтичность» (выразительность словесной формы) и др. Однако эти и подобные им свойства присущи не только афоризмам, но и другим видам сверхсловных образований (фразеологизмам, крылатым словам, литературным цитатам и т.д.), что не сужает понятие афоризма до определённого типа лингвистических единиц, а необозримо расширяет его до любого высказывания (свободного или устойчивого), которое является или концептуализированным, или паспортизированным, или воспроизводимым, или идиоматичным, или поэтичным (выразительным) и т.д.

В этой связи наиболее актуальной и значимой проблемой изучения афоризма как объекта лингвистики видится прежде всего определение его собственно лингвистических признаков (свойств), на основании которых будет возможно непротиворечиво дифференцировать афоризмы в кругу иных сверхсловных единиц.

В результате предварительно проведенных исследований на материале белорусского языка установлены и описаны некоторые лингвистические свойства афоризма [14], в том числе обобщённо-универсальное значение [15], однофразовая структура [16], идиоматичность [17], номинативный характер плана содержания [18], дискурсивная автономность [19], текстовая форма [20], воспроизводимость и устойчивость [21].

Цель исследования — определить и описать минимальное количество наиболее лингвистически значимых признаков (свойств) афоризма как объекта лингвистики, а также установить их облигаторный / факультативный характер, их специфичность / общность (для афоризма и близких ему сверхсловных образований).

Материалом для исследования послужили высказывания на русском, белорусском, польском, английском языках, содержащиеся в письменных памятниках, книгах изречений, отраженные в компиляциях из различных текстовых источников, зафиксированные в справочных изданиях — сборниках и словарях, в названии или при квалификации объекта описания которых использован термин *афоризм* (или производное — *афористический*). При отборе материала использовался приём сплошной выборки. Общее количество исследованных афоризмов составило свыше 50 000 единиц из более 120 рукописных и печатных источников (все они уже использовались ранее при описании аспектов эмпирического понимания понятия афоризма [2]).

Методы исследования — описательный метод, таксономия, структурный, семантический, функциональный, дискурсивный, стилистический анализ.

1. Собственно лингвистические признаки афоризма

Исследование показало, что из множества приписываемых афоризму свойств лингвистически релевантными (которые можно назвать и описать в

терминах языкознания) являются сравнительно немногие. Именно такие свойства характеризуют афоризм как объект лингвистики и должны квалифицироваться как его собственно лингвистические признаки.

Например, такое свойство, как «авторство» (наличие автора), или «паспортизация» (согласно А.В. Корольковой) [12. С. 29—30], характерное для многих афоризмов (прежде всего как художественных или публицистических произведений), затруднительно признать значимым для их лингвистического описания, поскольку наличие автора или текстового источника, во-первых, не имеет отношения ни к содержанию, ни к форме афоризма (связь между ним и его автором — фоновая ассоциация, обусловленная экстралингвистическими факторами), а во-вторых, не является имманентным (воспроизведение в сознании носителей языка ассоциативной связи афоризма с его автором или текстовым источником не является регулярным, прямо зависит от характера функционирования той или иной афористической единицы, которая может одновременно воспроизводиться в речи одних носителей языка как авторская — крылатое выражение, а в речи других как лишенная авторства — пословица). Так, многие знают и употребляют в своей речи изречение *Время — деньги* (англ. *Time is money*), а также знают американского политика и государственного деятеля Бенджамина Франклина (1706—1790), могли видеть его портрет на банкноте номиналом 100\$ (где он размещается с 1914 г.) и часто ошибочно считают его одним из Президентов США (т.е. весьма авторитетной личностью), однако далеко не все соотносят это изречение с именем Б. Франклина как его автора.

Для верификации такого утверждения не нужно проводить опрос носителей языка, достаточно сделать запрос в Национальный корпус русского языка, чтобы убедиться, что ссылка в речи на имя автора или вообще на авторский характер изречения *Время — деньги* встречается примерно в 5% случаях его употребления. Применительно к популярным изречениям, автор которых сам по себе менее известен, ассоциативная связь между ними ещё слабее (и исчезает вовсе, если автор не известен никому). Трудно представить себе, кто из носителей языка, кроме специалистов-филологов или любителей крылатых слов, знает, что автором широко известной русской пословицы *С милым рай в шалаше* является российский педагог и поэт, татарин по этнической принадлежности Нигмат Ибрагимов (1778—1818), писавший свои произведения на русском языке? Авторство афоризмов указывается в их многочисленных сборниках, а также в словарях крылатых выражений, что создает иллюзию неотъемлемой связи содержания / формы афоризма с представлением о его авторе / текстовом источнике. За пределами же справочных источников, как свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка, гораздо важнее оказывается то, о чём и в какой форме сообщается в изречении, а не то, кто и где его высказал. Можно утверждать, что выделение признака «авторство (паспортизация)» является скорее данью литературоведческому изучению афоризма (как литературного

произведения, которое всегда имеет автора и содержательно и формально представляет с ним неразрывное целое), однако не имеет ничего общего с пониманием афоризма как объекта лингвистики.

В свою очередь, при выделении собственно лингвистических свойств афоризма важно дифференцировать их по критериям существенность / несущественность, а также необходимость / случайность. Только существенные и необходимые свойства, характеризующие языковую природу афоризма, могут быть использованы для его определения как объекта лингвистики.

Например, такой признак афоризма, как «раздельнооформленность», который выделяется рядом исследователей [12. С. 30], не может считаться ни существенным, ни необходимым для афоризмов, поскольку, с одной стороны, является следствием их выражения в форме законченного высказывания (фразового текста или устойчивой фразы), а с другой, противоречит тому, что часть афоризмов имеет однословную форму выражения (типа *Бди!* или *Козырай!* у Козьмы Пруткова), не противоречащую их однофразовой природе. Раздельнооформленность является существенным и необходимым признаком фразеологизмов в плане их противопоставления слову в структуре фразы и не может автоматически применяться к единицам фразового уровня, к которым относятся афоризмы, поскольку лексическая организация фразы, как известно, может ограничиваться одним словом.

Формирование собственно лингвистического понятия афоризма должно основываться на выделении признаков, которые, во-первых, характеризуют его как продукт речемыслительной деятельности, т.е. являются лингвистически релевантными, а во-вторых, являются существенными и необходимыми для его характеристики как специфического объекта лингвистики. К таким признакам, как показало исследование, целесообразно относить сверхсловность, однофразовость, обобщённость (значения), номинативность, дискурсивную автономность, текстовую форму (создание и употребления в виде отдельного текста), воспроизводимость, устойчивость, идиоматичность, выразительность (эстетичность) словесной формы.

1.1. Сверхсловность

Сверхсловность — это одно из наиболее очевидных свойств афоризма, который состоит (и образуется) из слов и их комбинаций, поэтому естественно воспринимается как единица, большая по своим линейным параметрам, чем слово. Однако отношение афоризма (фразового текста или устойчивой фразы) к слову является существенно иным, чем у фразеологизма, что требует своего объяснения.

Как известно, количество слов (кроме служебных) в афоризмах обычно составляет от 3 до 5 [22]. Однако немало и таких, которые состоят из большего (часто значительно) лексического объёма. Это преимущественно литературно-художественные афоризмы, получившие даже собственное терминологическое

обозначение — «афористические высказывания» [23. С. 88]. Напр.: *Есть три рода подлецов на свете: подлецы наивные, то есть убеждённые, что их подлость есть высочайшее благородство, подлецы, стыдящиеся собственной подлости при непременно намерении всё-таки её докончить, и, наконец, просто подлецы, чистокровные подлецы* (Ф.М. Достоевский); бел. *Хто раней, / хто пазней, / Толькі ўсе / Зноў і зноў / Мы прыходзім / Да простых, / як хлеб і паветра, / Высноў: / Што жыццё чалавеку — / Любому — / Даецца адно, / І што, / як ні надточвай, / Кароткае вельмі яно, / І што праўда на свеце / Адна — / Без крупінкі маны, / І што ічасця на свеце / Няма / Без сваёй стараны...* (Г. Бураўкін); польск. *Człowiek, który zostawia po sobie pamiętnik źle lub dobrze pisany, byle szczery, przekazuje i daje przyszłym psychologom i powieściopisarzom nie tylko obraz swoich czasów, ale jedynie prawdziwe ludzkie dokumenty, którym można zaufać* (Н. Сienkiewicz). В то же время достаточно много встречается и предельно кратких по своему лексическому составу афоризмов (в основном пословичных), в том числе состоящих всего из 2 полнозначных слов (чаще с 1 служебным словом — частицей, союзом, предлогом), напр.: *Дают — бери; Деньги — вода; Женится — переменится; Поживём — увидим*; англ. *Extremes meet; Finding's keeping; Forgive and forget; Give and take; Live and learn; Money talks; Tastes differ; Time flies; Times change*; бел. *Гаспадарка — кланатарка; Душа як лес; Праўду не закапаеш; Скажаш — не вернеш; Спроба не хвароба; Усім не дагодзіш; Цягнота — не крывота; Чужое не сагрэе*; польск. *Wity płaci; Nie zawsze święto; Podróże kształcą; Po radości smutek; Rozumi nie kupisz; Ubóstwo nie hańbi; W jedności siła* и т.п.

На наш взгляд, сверхсловность как одно из свойств афоризма призвана репрезентовать не столько количество его лексических компонентов, сколько качественно иные, чем у слова, грамматические и семантические параметры. В связи с этим понятие лаконичности следует соотносить с количеством не только слов, но и синтаксических связей в высказывании (такое понимание лаконичности подробно описано на материале малых жанров белорусского фольклора [24]).

Так, возможно существование афоризмов, образованных из одного слова (в том числе в аналитической форме, а также с отрицательной частицей) по ограниченному ряду синтаксических моделей предложения, напр.: *Наладится; Обойдётся; Образуется* (житейские умозаключения); *Делись; Угощай* (реклама мобильного оператора МТС в Беларуси); *Бди!* (К. Прутков); *Козырай!* (К. Прутков); *Терпение!* (т.е. 'Нужно уметь ждать'); англ. *Help* 'Помоги' (девиз "Foundling Hospital" в Лондоне); бел. *Вучыцеся* (наставление молодым); *Працуй* (совет); польск. *Nie zabijaj; Nie kradnij* (библейские заповеди); *Nie załamuj się* (житейское умозаключение) и т.п.

Однословные афоризмы следует отличать от таких изречений, которые состоят из отдельных слов, связанных общим значением, и образуют фразы с синтаксической структурой сложного предложения (обычно бессоюзного,

реже сложносочинённого предложения с союзом *и*), а также от сочетаний нескольких афоризмов, использующихся преимущественно в качестве слоганов, девизов, призывов, лозунгов, надписей и др. Напр.: *Православие, самодержавие, народность!* (лозунг государственной идеологии России в период правления императора Николая I); *Не верь, не бойся, не проси* (заповедь тюремно-лагерно-блатной жизни); англ. *Watch. Pray. Work* ('Бди. Молись. Работай' — надпись на часах); бел. *Гонар і годнасць* (девиз); «*Грай! Кахай!*» (девиз романтического фестиваля в Минске в День влюблённых в 2018 г.); польск. *Bóg, Honor, Ojczyzna* (девиз); *Wolność! Równość! Braterstwo!* (лозунг) и т.п. Однословные афоризмы следует отличать также от модифицированных форм (сокращений в речи до одного, обычно начального, слова) устойчивых фраз, напр.: *Не откладывай!* (← *Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня*); *Полегче!* (← *Полегче на поворотах*); англ. *Catch!* (← *Catch as catch can*); *Deeds!* (← *Deeds, not words*); бел. *Бывае...* (← *Усё ў жыцці бывае*); *Перамелецца...* (← *Перамелецца — мука будзе*); польск. *Pracuj <nieboże>...* (← *Pracuj, nieboże, a bóg ci dopomoże*); *Wiara!* (← *Wiara zbawia i uzdrawia*) и т.п.

Однословные афоризмы грамматически и семантически не тождественны словам, из которых образованы или до которых сокращены. Такие афоризмы отличаются от слов своим грамматическим оформлением не как словоформы, а как предложения, наличием не лексической, а синтаксической семантики.

И однословные, и сверхсловные афоризмы построены по одинаковой синтаксической модели «абстрактного предложения» (англ. *universal analytical proposition*, нем. *abstracter Satz*) — «содержащего всеобщее или вневременное утверждение» [3. С. 30], напр.: руск. *Бди!* ('Будь бдителен' — каждый, всегда, по отношению ко всему и ко всем); англ. *Help* ('Помоги' — любому, каждому, в любое время, всеми способами); *Вучыцеся!* ('Получай знания' — любые полезные, каждый, в любое время, всеми способами); польск. *Nie zabijaj* ('Не убивай' — никто, никого, никогда, ни по какой причине) и т.п.

Поэтому однословные по количеству своих лексических компонентов афоризмы являются сверхсловными по своим качественным отличиям от слова-аналога (по грамматическому и семантическому объёму). В связи с этим сверхсловность (англ. *more than word*) как свойство афоризма правильно будет квалифицировать не в квантитативном, а в квалитативном измерении — как «надсловность» (англ. *higher than word*).

Такое понимание взаимосвязи афоризма со словом позволяет точно и однозначно разграничить афористические и фразеологические единицы по их отношению к слову. Для фразеологизма сверхсловность является облигаторным свойством и одним из дифференциальных признаков (для качественного и количественного разграничения лексических и фразеологических единиц в предложении). Для афоризма сверхсловность — это факультативное свойство по количественному показателю (поскольку существуют афористические

фразы, состоящие только из одного слова). Признак сверхсловности приобретает облигаторный характер для афоризмов только в его качественном понимании (как «надсловности»), исходя из возрастающей сложности грамматических и семантических параметров однословных афористических фраз, по сравнению с аналогичными лексическими единицами) [25].

1.2. Однофразовость

Однофразовость как признак афоризма ограничивает его максимальный линейный объём и в этом смысле противопоставляется сверхсловности, которая репрезентирует его минимальные структурные параметры [16]. Однофразовый объём плана выражения афоризмов обусловлен их смысловой законченностью и присущей им синтаксической структурой предложения. Ограничение, в свою очередь, грамматической организации афоризма только одним предложением основано на том факте, что все без исключения устойчивые и воспроизводимые афоризмы (прежде всего пословицы), а также подавляющее большинство свободных (производимых в речи) афористических высказываний имеют синтаксическую форму одного простого или сложного предложения.

Следует отметить, что литературные афоризмы часто намеренно (в художественных, риторических или стилистических целях) создаются своими авторами в сегментированной форме — в виде двух или более предложений, образующих содержательно неразрывное сообщение, смысловое единство которого (семантическая взаимообусловленность сегментированных частей афоризма), как правило, маркировано различными формальными средствами (парными союзами / союзными словами, присловными связями, лексическими повторами, эллипсисом и др.), напр.: англ. *Education makes a people easy to lead, but difficult to drive. Eeasy to govern, but impossible to enslave* (H. Peter, Lord Brougham); *Railway termini. They are our gates to the glorious and the unknown. Through them we pass out into adventure and sunshine, to them, alas! we return* (E.M. Forster); бел. *Першыя дзеці ёсць адзнака маладосці жанчыны. Апошняя дзіця ёсць адзнака сталасці перад старасцю* (К. Чорны); *Чалавек павінен умець не толькі стрымліваць свае пачуцці. Ён павінен умець і абурацца, пратэставаць, калі гэта трэба* (І. Шамякін); польск. *Otyli żyją krócej. Ale jedzą dłużej* (S.J. Lec); *Wszelkie słowo w istocie swej jest czcse i próżne. Nawet słowo najgenialniejszych poetów. Nawet spisane natchnienie proroka* (S. Żeromski); *Zło jak ciemność. Trwa wiecznie. A dobro to rozbłysk, to nietrwale zwycięstwo nad ciemnością* (Т. Кошwicki). При этом каждый последующий сегмент может выполнять функцию объяснения или семантического расширения предыдущего (базового) сегмента (который обычно является содержательно законченным и полностью автономным), а в случае обособления от него, как правило, утрачивает свой первоначальный (авторский) смысл, напр.: англ. *Just as every conviction begins as a whim so does every emancipator serve his ap-*

prenticeship as a crank. A fanatic is a great leader who is just entering the room (H. Broun); *Man is a tool-using animal... Without tools he is nothing, with tools he is all* (Th. Carlyle); бел. *Чалавеку цяжка перарабіцца адразу. Можна думаць і гаварыць іначай, а сам чалавек доўга будзе ранейшым* (К. Чорны); *Ленеі недаацэніць сябе, чым пераацэніць. Калі недаацэніш — цябе напавяць людзі. Пераацэніш — таксама напавяць пасля...* (Я. Сіпакоў); польск. *Gdzie nie ma winnych, muszą być przynajmniej ukarani. Nie wina, ale kara następująca po zbrodni uczy innych, że tego spełniać nie wolno* (B. Prus); *Heroizm nie jest w samych bitwach, ale na wszystkich polach życia i nieustannie. Owszem, bitwy dlatego tylko bywają, iż heroizm nie bywa pierwaj na polach życia praktykowany.* (С.К. Norwid). Однофразовый характер сегментированных литературных афоризмов подтверждается возможностью их воспроизведения в нейтральных условиях (вне авторского контекста) в виде одного предложения без потери первоначального смысла как сообщения в целом и его отдельных (являющихся сегментами) частей.

Также афоризмы могут употребляться (создаваться) в содержательно неразрывном сочетании с другими афоризмами, образуя либо ряд (серию) афористических высказываний (в случае функционирования в контексте литературного произведения или устной речи), либо афористические тексты (в случае порождения или выделения из контекста в качестве самостоятельных речевых произведений — литературных или фольклорных).

Серии афоризмов и афористические тексты — это последовательные комбинации двух или более (обычно до десяти) афористических фраз, которые 1) содержательно объединены общей темой или проблемой, одним предметом сообщения или концептом, 2) могут образовывать с точки зрения логических отношений т.н. «сложные высказывания», т.е. соотноситься между собой по правилам различных логических операций, 3) как правило, связаны между собой посредством различных лексических, синтаксических, просодических и др. средств, благодаря чему воспринимаются как семантически и формально целостные сверхфразовые комплексы. Напр. (каждая афористическая фраза в составе серии афоризмов обозначена в своем конце номером по порядку): *Не рассуждай, не хлопочи!... [1] Безумство ищет, глупость судит [2], Дневные раны сном лечи [3], А завтра быть чему, то будет [4]. Живя, умей всё пережить: Печаль, и радость, и тревогу [5]. Чего желать? О чём тужить? День пережит — и слава богу! [6]* (Ф.И. Тютчев); *Язык — незаменимое орудие классовой борьбы [1]; Нет языка, который не был бы классовым, и, следовательно, нет мышления, которое не было бы классовым [2]* (Н.Я. Марр); англ. *The web of our life is of a mingled yarn, good and ill together: [1]; our virtues would be proud, if our faults whipped them not [2]; and our crimes would despair, if they were not cherished by our virtues [3]* (W. Shakespeare); *Under all speech that is good for anything there lies a silence that is better [1]; Silence is deep as Eternity [2]; speech is shallow as Time [3]* (Th. Carlyle); *The world can only be grasped by action, not*

by contemplation... [1]; *The hand is the cutting edge of the mind* [2] (J. Bronowski); бел. *То [Зямля] — наймацнейшая аснова I жыцця першая ўмова* [1]; *Зямля не зменіць і не здрадзіць* [2]; *Зямля паможэ і дарадзіць* [3]; *Зямля дасць волі, дасць і сілы* [4]; *Зямля паслужыць да магілы* [5]; *Зямля дзяцей тваіх не кіне* [6]; *Зямля — аснова ўсёй Айчыне* [7] (Я. Колас); польск. *A nade wszystko szanuj mowę twą ojczyzny*. [1]; *Nie znać języka swego — hańba oczywistą* [2] (F.K. Dmochowski); *Złe niewątpliwie jest tylko jedno: krzywdą bliźniego* [1]; *Człowiek — jest to rzecz święta, której krzywdzić nikomu nie wolno* [2] (S. Żeromski) и т.п.

Серии афоризмов и афористические тексты следует отличать от таких сегментированных афористических высказываний, в которых сегменты не имеют формальных маркеров смысловой связи между собой (каждый сегмент воспринимается, на первый взгляд, как независимый от другого афоризм). Однако в сегментированных афористических высказываниях их части не могут использоваться отдельно друг от друга (как самостоятельные афоризмы), не теряя своего первоначального смысла или смысла вообще (что касается, как правило, финальной сегментированной части афористического высказывания, которая воспринимается отдельно от предыдущей как парадоксальная или даже бессмысленная), напр.: *Делить веселье — все готовы: Никто не хочет грусть делить* (М.Ю. Лермонтов); англ. *For righteous monarchs, Justly to judge, with their own eyes should see; To rule o'er freemen, should themselves be free* (H. Brooke); *If two lives join, there is oft a scar, They are one and one, with a shadowy third. One near one is too far* (R. Browning); бел. *Бедны запомніць багатых дні. Бедных дні не забудзе багаты* (Р. Бардулін); польск. *Teatr dla publiczności jest — publika ceni. Gadaj sercem, a będą głową potakiwać, jak gdybyś sercem grał* (S. Wyspiański); *Bądź altruistą. Szanuj egoizm drugich* (S.J. Lec) и т.п.

Нужно отметить, что афоризмы употребляются также в семантически нераздельных сочетаниях с неафористическими фразами и регулярно образуют с ними либо специфические жанровые разновидности малых текстовых форм (напр., *апофегмы, хриш, велеризмы, фрашки, рубаи* и др.), либо стандартно структурированные в рамках различных стилей и жанров тексты, в которых афоризм занимает или позицию заголовка, или основного композиционного компонента (напр., *басни, притчи, анекдоты, эпиграммы* и др.). В этом случае возникает проблема разграничения афоризма и ряда близких ему по линейным параметрам малых текстовых форм (малых речевых жанров).

Свойство однофразовости присуще всем без исключения афоризмам (как свободным, так и устойчивым), поэтому является облигаторным. Вместе с тем однофразовость не может рассматриваться как дифференциальный признак афоризма, поскольку характеризует и другие типы свободных и устойчивых сверхсловных единиц.

1.3. Обобщённость (значения)

Обобщённость является одним из трёх (наряду с законченностью и краткостью) признаков, традиционно приписываемых афоризму [22], в том числе и в лингвистике [4. С. 17], [5. С. 23], однако в отличие от остальных двух понимается наиболее неоднозначно и противоречиво в силу недостаточной определенности в терминах семантики. Так, в обстоятельной монографии «Русская афористика» (2005) А.В. Корольковой отмечается, что все «фразеологические единицы и афоризмы имеют обобщающий характер» [12. С. 27], однако вместе с тем «способность выражения универсальных истин» квалифицируется только как факультативный признак афоризма [12. С. 33]. В свою очередь, в известном энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» (2003) афоризм определяется как «разновидность универсальных высказываний», содержащих «полученную обобщением... мысль» [26. С. 90]. Семантические понятия обобщённости и универсальности достаточно широко используются при определении афоризма как лингвистического объекта (ср. в наиболее известных работах по лингвистике афоризма С.Г. Гаврина [27], Е.Н. Гавриловой [28], Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова [29], Ю.Е. Прохорова [11; 30], В.И. Шмариной [31] и др.), однако специально, как правило, не толкуются. Это заставляет исследователей афоризма обращаться к поиску формально-грамматических признаков обобщённости афоризма, которые присутствуют, однако не являются регулярными, поскольку обобщение на уровне фразы — это собственно семантическое явление, не имеющее ни в одном из известных языков мира специальных грамматических форм выражения. Отсутствие таковых часто является основанием для заключения, что «признак обобщённости применительно к афоризмам не доказуем» [13. С. 2], а значит может не учитываться при их определении как объекта лингвистики.

Между тем не требует доказательств то, что любой носитель языка никогда не перепутает, когда фраза *Рыбы плавают* означает, что '(Все) рыбы (всегда и везде) плавают' (обобщение действительности), а когда, что '(Вот эти) рыбы (в данный момент вот здесь) плавают' (конкретизация действительности). А это значит, что в сознании носителей языка (и, соответственно, в языковой системе) различаются и сосуществуют два противопоставленных друг другу семантических типа высказывания, которые имеют идентичную формально-грамматическую организацию, но характеризуются наличием / отсутствием обобщённости своего значения.

Исследование показало, что подавляющее большинство высказываний, которые принято называть *афоризмы*, имеют обобщённое значение, т.е. выражают действительность в отвлечённом от каких бы то ни было конкретных фактов плане. Именно по признаку обобщённости значения афоризмы можно противопоставить иным сверхсловным единицам, в которых действительность выражается в конкретно-фактологическом плане [15], ср.:

Книга учит нас жить — Книга лежит на столе; англ. *The city is not built in a day — Rome was not built in a day*; бел. *Ад работы коні дохнуць — Ад гэтай работы коні дохнуць*; польск. *Każdy początek jest trudny — Początek tej sprawy był trudny* и т.п.

Важно отметить, что обобщённость значения афоризмов имеет не функциональный, а субстанциональный характер (не проявляется в контексте их употребления, а существует независимо от него), поэтому к афоризмам можно относить только те сверхсловные единицы, которые имеют семантико-синтаксическую форму уже упоминавшегося «абстрактного предложения», которое предназначено выражать «всеобщие или вневременные утверждения» [3. С. 30], напр.: *Краткость — сестра таланта* (А.П. Чехов); *Ум хорошо, а счастье лучше*; англ. *Time is money* (В. Franklin); *Art is long, life is short*; бел. *Хваробы лецаць і атрутамі* (М. Багдановіч); *Смерць нікога не абходзіць*; польск. *Człowiek nie jest stworzony na lzy i uśmiechy, Ale dla dobra bliźnich swoich* (А. Mickiewicz); *Глупія розмова niewarta słowa* и т.п. Не являются афоризмами те сверхсловные единицы, которые могут порождаться или воспроизводиться в речи как средство обобщения однотипных ситуаций, однако не представляют по своей семантико-синтаксической форме абстрактные предложения (выражают утверждения, конкретизирующие действительность во временном, пространственном, персональном плане), напр.: *Бойцы поминают минувшие дни / И битвы, где вместе рубились они* (А.С. Пушкин); *Гладко было на бумаге, да забыли про овраги* (Л.Н. Толстой); *Будет и на нашей улице праздник; Не мы первые, не мы последние* (пословицы); *Птичку жалко!* (крылатые слова из популярной кинокомедии «Кавказская пленница»); англ. *Care killed a cat; Don't teach your grandmother to suck eggs; First catch your hare; Give us the tools, and we will finish the job; If you don't like it, you can lump it* (proverbs); бел. *Ад вёскі адбіўся, у палац не панаў* (Я. Купала); *Спяваеш добра, ды ці тое?* (Я. Колас); *Абедаў, а жыво́т не ведаў; Вырас пад неба, а дурань як трэба; Ішоў ваякам, а назад ракам; Ні села, ні пала, захацела баба сала* (прыказкі); польск. *Posiadł wiedzę, ale jej nie zapłodnił* (S.J. Lec); *Chcąc skarać raka, w wodę go wrzucił; Reputacja na psy poszła* (przysłowia) и т.п.

Обобщённое значение приобретает в афоризмах специфический характер по сравнению с обобщённостью лексических и фразеологических единиц, морфологических и синтаксических значений, категорий и форм, а также с обобщением содержания в неафористических высказываниях. Обобщение в афоризмах по отношению к действительности, которая обобщается, не является предметным, абстрактным или образным, как в лексике и фразеологии, не характеризуется отвлечённым характером и внутриязыковой природой, как в грамматике. Обобщение в афоризмах имеет характер не фактологический (регистрирующий), как в иных (не являющихся афоризмами) обобщённых высказываниях, а универсальный (всеобщий), предназначено для выражения не множества связей между множеством объектов (*Всем этим У всегда при-*

сущи эти X или Все эти X всегда выполняют все эти действия Y и т.п.), а вневременных и нелокализованных связей между классами неединичных объектов (Всем X класса X всегда присущи все Y класса Y или Все X класса X всегда выполняет все действия Y класса Y и т.п.). Такая дифференциация обобщения на уровне высказывания является основополагающей при описании семантики афоризма и определении его понятия как объекта лингвистики, поэтому требует специального объяснения.

Так, все обобщённые по содержанию высказывания делятся на те, в которых обобщение носит фактологический (регистрационный) характер, и те, в которых оно носит универсальный (всеобщий) характер. При фактологическом (регистрационном) обобщении в высказывании сообщается об объектах (субъектах, свойствах, процессах, явлениях) в виде их конкретного множества (если их количество известно участникам речевого акта) или регистрирующего множества (если их количество точно не известно участникам речевого акта, но воспринимается ими как ограниченное, т.е. такое, которое можно при желании точно определить).

В первом случае сообщается об определённом количестве неединичных объектов, напр.: **Все планеты солнечной системы** вращаются вокруг своей оси; **Зубы** у человека вырастают два раза в жизни; англ. *All days of the week are good; It will be all the same a hundred years hence* (proverbs); бел. *Па ўсіх школьных прадметах* праводзяцца алімпіяды вучняў; *Дзеткі надраслі — хатку распраслі*; польск. *Pegaz nie powinien być kuty na wszystkie cztery nogi* (S.J. Lec); *Co trzydzieści lat to i inszy świat; Co siedem lat charakter się zmienia* (przysłowia) и т.п. Или даже о единичных объектах, которые образуют множество из одного элемента, напр.: **В России** две напасти: внизу — власть тьмы, а наверху — тьма власти (В.А. Гиляровский); *Двум смертям не бывать, а одной не миновать* (у прамым значэнні); **Москва** слезам не верит; англ. *The devil can cite Scripture for his purpose* (W. Shakespeare); *Christmas comes but once a year; Homer sometimes nods; Let the world wag; Light not a candle to the sun; Tell it not in Gath* (2 Kings, I, 20); *When in Rome do as the Romans do*; бел. *І на сонцы ёсць плямы; Не адзін Гаўрыла ў Полацку*; польск. *Pamiętajcie o tym, że jeśli diabeł chce kogoś kopnąć, nie uczyni tego nigdy swym końskim kopytem, lecz swą ludzką nogą* (S.J. Lec); *Świata nie przerobisz; Wszędzie słońce świeci* и т.п.

Во втором случае сообщается о множестве неединичных объектов, количество которых может быть точно не известно, но является когнитивно актуальным для носителей языка (осознается как конечно, а не бесконечное множество), напр.: **Мои года** — мое богатство (крылатые слова из популярной песни); англ. *All metals are electrical conductors*; бел. *Кожнае свята ў гаду дорыць добры настрой*; польск. *Epoki tworzy archeologia* (S.J. Lec); *Wszystkie systemy filozoficzne mijają jak cienie, a msza po staremu się odprawia* (H. Sienkiewicz) и т.п.

При универсальном (всеобщем) обобщении в высказывании сообщается не о множествах объектов, их свойств или связей, а о них как о целых классах. В этом случае предметом сообщения могут выступать только неединичные объекты, количество которых ничем не ограничено и при нейтральном восприятии высказывания (вне речевого контекста) не может быть точно известно (определено) ни при каких обстоятельствах (является когнитивно нерелевантным для носителей языка), даже если их количественный объём намеренно дифференцируется автором афоризма с той или иной целью (художественной, риторической и др.), напр.: *Есть времена, есть целые века, В которые нет ничего желанней, Прекраснее тернового венка* (Н.А. Некрасов); *Одного яйца два раза не высидишь!* (К. Прутков); *Только влюблённый имеет право на звание человека* (А.А. Блок); *Что русскому здорово, то немцу смерть*; англ. *An Englishman's house is his castle; The biter is sometimes bit; It takes two to make a quarrel; Some Like It Hot (movie title); Where ignorance is bliss, tis folly to be wise* (Т. Gray); бел. *Другі баран — ні «бэ», ні «мя», а любіць гучнае імя* (К. Крапіва); *Некаторыя пісьменнікі вельмі не любяць, калі крытыкі называюць сябе чытачамі ў першую чаргу* (В. Каваленка); польск. *Niektórzy ludzie pozbawieni są daru widzenia prawdy* (S.J. Lec).

Формальным критерием отнесения данной обобщённой фразы к числу афоризмов является, во-первых, возможность её употребления в речи по отношению к целым классам тех субъектов (объектов, действий), о которых в ней сообщается, а во-вторых, невозможность её использования в спонтанной речи для сообщения об ограниченном множестве и/или единичности субъектов (объектов, действий) без возникновения несоответствия практическому или теоретическому опыту носителей языка (т.е. неразрешимого когнитивного противоречия между смыслом высказывания и пресуппозицией). Напр.: *Педагоги обязаны быть терпеливыми* (не может употребляться по отношению к определённой, данной группе педагогов без дискурсивных конкретизаторов — *нашей школы* и т.д.); *Птичку жалко!* (не может употребляться по отношению ко всему классу *птички*, которых *жалко*, что отражено в авторском контексте, где киногерой жалеет только ту *птичку*, о которой услышал в застольном тосте, ему *жалко* только ту *птичку*, которая решила полететь к Солнцу и сожгла свои крылья; что подтверждается семантически недискретным использованием крылатого изречения в речи — как междометия, чтобы продемонстрировать «показную жалость, шутливое сожаление о случившемся (при этом реплика усиливается нарочитым всхлипыванием)» [32. С. 171]); англ. *Art is long, life is short* (невозможно использовать в речи по отношению к жизни конкретного человека без дискурсивных конкретизаторов — *He, She, Their* и т.д.); бел. *Дзеткі надраслі — хатку растраслі* (не может употребляться по отношению ко всему классу *дзеткі*, имеются в виду только конкретные *дзеткі* тех, известных участникам речевого акта родителей, чью *хатку растраслі*; при этом данная фраза содержательно не совпадает с пословицей *Дзеткі надрастуць — хатку растрасуць*, которая имеет

обобщённо-универсальное значение ‘Дзеці чым больш растуць, тым больш патрабуюць на сябе выдаткаў ад бацькоў’); польск. *Glupia rozmowa niewarta słowa* (невозможно сказать по отношению к данной rozmowie без конкретного указания на нее — *Ta, Twoja i т.д.*).

Обобщение действительности в афоризмах может сопровождаться обрванной мотивацией как значений их отдельных лексических компонентов, так и общего значения. При этом отдельные переосмысленные лексические компоненты афоризма могут в своём прямом значении не иметь обобщённого содержания, обозначать конкретные, в том числе единичные, объекты, напр.: *Бог не ровно делит* (где *Бог* означает ‘судьба’); *Доброму Савве добрая и слава* (где *Савва* означает ‘человек’); *Молчалины блаженствуют на свете!* (А.С. Грибоедов) (где апеллатив *молчалины* означает ‘приспособленцы, льстецы, подхалимы, карьеристы и т.п.’); *У всякого человека есть внутри его свой Патмос* (А.А. Григорьев) (где *Патмос* означает ‘божественное откровение, духовное озарение’, от *Патмос* — остров в Эгейском море, в пещере которого Святому Апостолу Иоанну Богослову открылась воля Божая и явилось Откровение, отражённое в содержании книги Нового Завета «Апокалипсис»); *Язык до Киева доведёт* (где *Киев* — это ‘место, к которому не знаешь точной дороги’); англ. *Every man for himself, and the devil take the hindmost* (где выражение *the devil take the hindmost* означает ‘последнему хуже всех’); *God is always on the side of the big battalions* (где *God* означает ‘победа’); бел. *Свабоды бог з неба не скіне* (Я. Колас) (где выражение *бог з неба не скіне* означает ‘само па сабе не з’явіцца’); *Чым за морам віно піць, лепш з Нёмана вадзіцу* (где *з Нёмана* означает ‘з ракі на Радзіме’); польск. *Każdy kraj ma swój raj* (где *raj* означает ‘благодать’); *Nie wierz Fortunie, co siedzisz wysoko* (J. Kochanowski) (где имя древнеримской богини *Fortuna* означает ‘счастье’) и т.п.

В случаях, когда в афоризмах (обычно устойчивых и воспроизводимых, прежде всего из числа пословиц) общее значение полностью переосмыслено, их обобщённое значение мотивируется общим прямым значением, которое может сохраняться либо одновременно с переносным значением либо только в их прототипах (свободных высказываниях как аналогов пословиц), напр.: *Кашу маслом не испортишь* (‘1. В прямом значении; 2. Необходимое, полезное никогда не вредит и в излишне большом количестве’) [33. С. 141]; англ. *Every cloud has a silver lining* (‘1. У каждой тучки — серебряная подкладка, т.е. тёмная туча, закрывающая солнце, бывает окружена серебристой светящейся линией, говорящей о том, что солнце всё же есть — там, за тучей; 2. В любой ситуации, даже самой плохой, можно найти и хорошую сторону, вселяющую надежду’) [34. Prov. 171]; бел. *Сёрбай юшку, на дне гушча* (‘Перш чым дасягнеш самага лепшага, важнага, карыснага, трэба перабыць менш прыемнае’) [35. С. 212]; польск. *Dobre drzewo dobry owoc rodzi* (‘У хороших родителей и дети хорошие’) [36. С. 27] и т.п.

Общее прямое значение переосмысленного афоризма (или его прототипа) не обязательно является обобщённым в отличие от общего образного значения, обобщённость которого остается в данном случае единственно надёжным семантическим критерием для квалификации данной устойчивой фразы как афоризма, напр.: *В Тулу со своим самоваром не ездят* ('С собой не берут того, чего много там, куда едут, чем славится то место, куда едут') [33. С. 63] — афоризм (переносное значение обобщённое); англ. *Don't teach your grandmother to suck eggs* ('Не учи свою бабушку, как высасывать яйца', переосмыслено как 'Не давай советов тому, кто более опытен, чем ты') [34. Prov. 147] — афоризм (переносное значение обобщённое); бел. *Сёння гукнула, а заўтра ручкі згарнула* ('Кажуць пра што-небудзь нетрывалае, часовае, не разлічанае на доўгі век') [35. С. 211—212] — не афоризм (переносное значение конкретизированное); польск. *Pies na sianie leży, sam go nie je, a krowie go nie da* ('Говорится о скупых, о тех, кто действует безрассудно; осуждается бесхозяйственность, когда напрасно растрачивается то, что может быть полезным себе или другим') [36. С. 71] — не афоризм (переносное значение конкретизировано, выражение не может употребляться применительно ко всем, имеет смысл только по отношению к определенному индивиду, о скупости которого идёт речь, или к определённой ситуации, бесхозяйственные результаты которой осуждаются).

Исследование показало, что обобщённое содержание присуще всем афоризмам в их традиционном понимании, уходящем корнями в античность, когда др.-греч. *ἀφορισμός* означало, как известно, специфическое по языковой форме и логической структуре высказывание [23. С. 12—13]. Афоризмами изначально назывались именно обобщённые по содержанию высказывания, что нашло отражение в первой в европейской литературе Нового времени, ставшей классической книге афоризмов «*Oraculo Manual, y Arte de Prudencia. Sacada de los Aforismos Quese Discurre En las obras de Lorenzo Gracian*» (1647), которая в подавляющем большинстве состоит из изречений обобщённо-универсальной семантики (вневременных, персонально и пространственно нелокализованных, всеобщих утверждений) [37].

Можно утверждать, что обобщённость в его специфическом проявлении — универсальном обобщении — является обязательным свойством афоризма, а также его дифференциальным признаком, поскольку позволяет однозначно и непротиворечиво отграничить афоризмы от всех иных сверхсловных единиц, в том числе тех, которые используются для обобщения свойств единичных объектов или для сообщения об ограниченных количествах неединичных объектов.

1.4. Номинативность

Номинативность как семантическое свойство, присущее прежде всего словам и фразеологизмам, в афоризмах приобретает специфический характер и играет иную роль, что требует специального объяснения [18].

Так, номинативная специфика афоризмов обусловлена тем, что они используются в речи не для передачи актуальной по отношению к действительности информации, а для выражения всеобщих и вневременных утверждений, в которых сообщается об универсальных связях между целыми классами объектов, т.е. о закономерностях отношений между неединичными объектами, действиями, свойствами, объединенными в классы. Закономерности такого типа целесообразно определить как универсальные. Исходя из этого можно утверждать, что афоризмы предназначены для обозначения такой разновидности фрагментов действительности, как универсальные закономерности (необходимые и регулярные свойства целых классов количественно неисчислимых объектов и/или связей между классами таких объектов в реальном или вымышленном мире).

Универсальные закономерности как факты действительности существуют в сознании носителей языка и порождаются в результате когнитивной и познавательной деятельности способом индукции или дедукции, основанной на наблюдении за объективно существующими (или искусственно созданными) существенными, необходимыми и регулярными связями между объектами. Общее количество универсальных закономерностей ограничено их объёмом как фрагментов коллективной или индивидуальной картины мира (реального или вымышленного). Афоризмы создаются и используются в речи как речевые произведения или как языковые единицы для вычленения и обозначения универсальных закономерностей. В этом смысле каждый афоризм соотносится в сознании носителей языка с той универсальной закономерностью, которую он обозначает в речи. Соотношение афоризма и обозначаемой им универсальной закономерности является изоморфным соотношению в сознании носителей языка слов и тех фрагментов действительности, которые слова обозначают в речи (и то, и другое соотношение имеет номинативный характер). Вот почему афоризмы в нейтральной позиции (вне речевого контекста) представляют собой единицы номинации, а не коммуникации, и используются в речи одновременно как в коммуникативной, так и в номинативной функции.

Номинативная природа афоризмов формально проявляется, во-первых, в возможности их создания и воспроизведения в качестве полностью автономных текстов, т.е. вне коммуникативного акта (напр., в многочисленных книгах, сборниках, подборках афоризмов), а во-вторых, в их использовании в речи как дискурсивно независимых высказываний, т.е. в такой семантической и структурной позиции, когда удаление афоризма из контекста никак не изменяет ни смысл, ни структуру сообщения, напр.: *А тебе, мой друг, не следовало не в своё дело вмешиваться. В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Девчонка провинилась, и я её наказала. Она моя, и я что хочу, то с ней и делаю* (М.Е. Салтыков-Щедрин); англ. *King. 'Tis only title thou disdain'st in her, the which I can build up. Strange is it that our bloods, Of colour, weight, and heat, pour'd all together, Would quite confound distinction, yet stand*

off In differences so mighty. If she be All that is virtuous, save what thou dislikest, A poor physician's daughter, thou dislikest Of virtue for the name: but do not so: From lowest place when virtuous things proceed, The place is dignified by the doer's deed: Where great additions swell's, and virtue none, It is a dropsied honour. Good alone Is good without a name. Vileness is so: The property by what it is should go, Not by the title. (W. Shakespeare); бел. *Дзядзька Іван адхінуўся і задумаўся. Потым загаварыў, як бяравенне варочаў: — Вялікі ты стаў, Алёша. Прывыклі мы да цябе... Бацьку ўспамінаеш? — Успамінаю, — ціха адказаў Алёшка. — Правільна. Бацькоў не выбіраюць. Бацька ёсць бацька. На ўсё жыццё...* (А. Варановіч) и т.п.

Есть и ещё один аргумент в пользу приоритетности номинативной, а не коммуникативной природы афоризма. По синтаксической структуре афоризмы представляют собой, как уже говорилось, особые, абстрактные предложения, содержащие «универсальные или вневременные утверждения» [3. С. 30]. А в абстрактных предложениях их коммуникативно детерминированные свойства (модальность, темпоральность и персональность) реализуются формально, хотя и могут быть актуализированы в речи в определённых контекстах. Так, именные компоненты афористической фразы в синтаксической позиции актанта (субъекта и объекта) нереферентны (не соотносятся ни с каким фактом действительности), что в совокупности с нереферентностью именных компонентов в позиции предиката (указывают не на факт действительности, а на его признаки) обуславливает нереферентность высказывания целиком, когда оно в нейтральной позиции (независимо от контекста) не соотносится ни с какой ситуацией действительности (хотя и может использоваться в речи для обозначения какой-либо данной ситуации — конкретизироваться, приобретать референтность). Напр.: *Иная слава солнца, иная слава луны, иная — звёзд; и звезда от звезды разнится в славе* (1 Кор., 15, 41), ср.: *1881 год начался для русской литературы двумя потерями. 21 января умер в Москве А.Ф. Писемский, 27 января умер в Петербурге Ф.М. Достоевский... Это были звёзды, участники созвездия знаменитых «сороковых годов»... Но «звезда от звезды разнится в славе»* (Н.К. Михайловский) (где *звезда от звезды* означает ‘А.Ф. Писемский от Ф.М. Достоевского’); бел. *Вайна ўсё спіша* (пословица с прямой мотивировкой общего значения ‘Гаворыцца як апраўданне якіх-н. дзеянняў, учынкаў, спраў у ваенны час’ [38. С. 108]), ср.: — *Калі гэта паспелі ліпавую абсаду выразаць і навошта? — Тады ж, у вайну. Хто на начоўкі, хто на дэжачку-ліпаўку, хто на сявеньку, а хто на дрывы... — Вапшчэтки, так, раз пачалі ўжо, то рэж, палі, нішчы — вайна ўсё спіша!..* (А. Кудравец) (где *вайна* означает ‘Вялікая Айчынная вайна’) и т.п.

Афоризмы близки по своей синтаксической семантике к номинативным предложениям, но между ними есть два весьма существенных различия. Во-первых, номинативные предложения никогда не употребляются в нейтральной позиции, независимо от контекста, как афоризмы, а во-вторых, номина-

тивные предложения выделяются как тип на основе не семантико-грамматических характеристик, как абстрактное предложение в качестве синтаксической формы афоризма, а формально-грамматических — односоставного предложения, а также именного компонента (или количественно-именного сочетания) в качестве главного члена предложения. Следует отметить, что абстрактные и номинативные предложения взаимно пересекаются по своим характеристикам, т.е. некоторые абстрактные предложения по формально-грамматическим признакам могут принадлежать к номинативным, а некоторые номинативные предложения по семантико-грамматическим свойствам могут быть абстрактными (приобретать обобщённо-универсальное значение). Так, есть группа афоризмов, которые по формально-грамматическим признакам являются номинативными предложениями (обычно используются как слоганы, девизы, призывы), напр.: *Осторожность, осторожность! Осторожность, господа!* (Н.А. Некрасов); *Православие, самодержавие, народность; Свобода или смерть!*; *Смерть шпионам!*; *Стойкость и сила; Честь и верность*; англ. *Unity and Faith, Peace and Progress!*; бел. *Гонар і годнасць; Смерць ворагам!*; польск. *Bóg, Honor, Ojczyzna; Wolność! Równość! Braterstwo!*; *Z Dziesięciorga Przykazań wysnułem jedenaste: zwięzłość* (S.J. Lec) и т.п. В свою очередь, номинативные предложения довольно часто выступают в роли структурных компонентов афоризмов, синтаксически организованных как сложное предложение (в качестве одной из его предикативных частей) или намеренно сегментированных своим автором (в качестве одного из сегментов такого афоризма), напр.: *Человек! Это великоленно! Это звучит... гордо!* (М. Горький); англ. *Deeds, not words (proverb)*; бел. *Восень — на дзень пагод восем (прыказка)*; *Закон природы: / хто бліжэй да неба, / Таму абавязкова халадней* (У. Скарынкін); польск. *Jutro: wielką tajemnicą* (S. Wyspiański) и т.п.

Синтаксическую форму номинативных предложений в редких случаях могут иметь устойчивые фразы, не обладающие обобщённо-универсальным значением, которые благодаря их использованию в нейтральной позиции, вне речевого контекста (в качестве названий, надписей, девизов, призывов, лозунгов), а также своему философскому смыслу воспринимаются как близкие афоризмам (и нередко ошибочно квалифицируются как афоризмы), напр.: *Слова, слова, слова* < англ. *Words, Words, Words* (W. Shakespeare) — крылатое выражение (реплика Гамлета из одноименной трагедии У. Шекспира), которое употребляется в речи для обозначения говорильни, пустой болтовни, подменяющей собой дела (не является афоризмом), ср.: «*Слова, слова и слова*» (А.П. Чехов) — название рассказа (1883); *Что такое справедливость, лишённая огня, самоотверженности и любви? Слова, слова, слова.* (М.Е. Салтыков-Щедрин); англ. «*Words, Words, Words*» (D. Ives) — название пьесы (1987) и т.п.

Можно утверждать, что номинативность свойственна всем афоризмам (является облигаторным признаком), поскольку прямо и непосредственно

обусловлена их обобщённо-универсальной семантикой, однако не может рассматриваться как дифференциальный признак, поскольку одновременно характеризует строевые единицы языка (лексические и фразеологические), а также одну из синтаксических моделей предложения. Номинативность, как показывает функционирование афоризмов в речи, является их сущностным свойством, более значимым, чем коммуникативность, которая проявляется в формальном плане и не определяет отношение афоризма к действительности.

1.5. Дискурсивная автономность

Такое свойство афоризма, как дискурсивная автономность, проявляется в способности афоризма сохранять при употреблении в любых видах дискурса целостность формы и содержания, а также функциональную независимость от контекста в структурном и содержательном плане [19].

Дискурсивная автономность афоризма обусловлена тремя факторами: 1) независимость содержания (не требует для своего адекватного понимания никакого речевого контекста); 2) функциональная незакреплённость (может использоваться как структурно, так и содержательно независимо от других высказываний в речи); 3) контекстная обособленность (может употребляться в контексте в нейтральной позиции, без смысловых и структурных видоизменений). Факторы дискурсивной автономности афоризма связаны между собой отношениями последовательной детерминации: независимость содержания способствует функциональной незакреплённости, которая прямо обуславливает контекстную обособленность. В свою очередь, контекстная обособленность предполагает функциональную незакреплённость, а также независимость содержания афоризма в речи, что позволяет выделить (извлечь) его из контекста как автономную по форме и содержанию фразу. Напр.: *Здесь лежат ленинградцы. / Здесь горожане — мужчины, женщины, дети. / Рядом с ними солдаты-красноармейцы. / Всею жизнью своею / Они защищали тебя, Ленинград, / Колыбель революции. / Их имён благодарных мы здесь перечислить не сможем. / Так их много под вечной охраной гранита. / Но знай, внимающий этим камням, **Никто не забыт и ничто не забыто*** (О.Ф. Берггольц) (строка из стихотворения употребляется в русском языке как крылатое выражение, а также часто используется в качестве отдельного текста как надпись, призыв, девиз); англ. *Books are where things are explained to you; life is where things aren't. I'm not surprised some people prefer books. **Books make sense of life. The only problem is that the lives they make sense of are other people's lives, never your own*** (J. Barnes); бел. *Яна [Фрузына] часта казала людзям і самой сабе: **кожнаму сваё, што каму на раду напісана, таго не мінеш***. *І яна пакрысе прывыкла да адзінокага лёсу немаладой бабылкі, цешыла сябе людскім шчасцем, радавалася чужой радасцю і бедавала з чужых бедаў. Сваіго — ні добрага, ні благога, ні асаблівых трывог — у яе не было* (В. Быкаў); польск. *Wszyscy mężczyźni są dziećmi. Nie*

mogą żyć bez fajerwerków, wielkich słów i wspaniałych gestów. Ale na szczęście, jesteśmy my, kobiety, na świecie, ich nianki, które uważają, żeby dzieci nie upadły i nie rozbiły sobie nosa (Т. Rittner) и т.п.

Следует отметить, что независимость содержания присуща не только афоризмам, но и всем произведениям малых литературных жанров, а также многим видам однофразовых текстов (как известно, содержание большинства однофразовых текстов обусловлено условиями их создания и использования, в силу чего является актуальным только в рамках определенного дискурса [39. С. 94—95]). Однако и произведения малых литературных жанров, и однофразовые тексты, которые не принадлежат по содержанию и форме к афоризмам, в значительной степени функционально ограничены, поскольку за весьма редким исключением не употребляются и не воспроизводятся вне того вида дискурса, в котором были созданы (и те, и другие почти не встречаются среди широко распространенных в речи цитат). Следует отметить, что произведения малых литературных жанров (в том числе и афоризмы, созданные в виде отдельных текстов) нечасто становятся массово употребительными и исчезающе мало представлены среди крылатых изречений и пословиц, хотя в отдельных случаях и могут приобретать широкую известность. Ограниченное функционирование произведений малых литературных жанров и однофразовых текстов не позволяет объективно оценить ни характер, ни степень их дискурсивной автономности.

Афоризмы не всегда употребляются в речи в структурно и семантически автономной позиции, могут разово и регулярно видоизменяться, приобретать различные коннотации, что характерно прежде всего для устойчивых единиц (пословиц и крылатых изречений). Однако тот же самый афоризм может быть использован в ином контексте без модификаций и коннотаций, в нейтральной (структурно и семантически независимой) позиции, а также может быть выделен из речи в нейтральной форме как семантически самодостаточное высказывание, что подтверждает независимость содержания, функциональную незакрепленность, контекстную обособленность афоризмов как проявления его дискурсивной автономности. Напр.: *Обаяние новизны прошло, удивление — тоже. Увидев то, чего раньше он никогда не видел, услышав разговор о том, что ещё вчера средства массовой информации старательно обходили молчанием, зритель лишь «заморил червячка». **Аппетит**, как известно, **приходящий во время еды**, требовал продолжения, но его не было* (Известия, 14.03.1987) ← *Appetite приходит во время еды* (крылатое выражение, ставшее пословицей); англ. *Tradition may be defined as an extension of the franchise. Tradition means giving votes to the most obscure of all classes, our ancestors. **It is the democracy of the dead*** (G.K. Chesterton) → *Tradition is the democracy of the dead* (афоризм в нейтральной форме); бел. *Ну, як табе ўжо не абрыдне Казаць адно сто раз на тыдні? Сказала сорак раз і — квiта! — Міхал адказвае сярдзіта <...>. — **Бо праўда вочы табе***

коле, I не мінеш ты, нябось, Сроля, Не людская твая натура, Не пахне дом свой і пячуря: Абы гарэлка на прымеце — Ты ўсё гатоў забыць на свеце! (Я. Колас) ← *Праўда вочы коле* (пословица); польск. *Niszczy nas boleść i jawnie i skrycie: Któż temu winien? my sami* (F.D. Książnin) → *Niszczy nas boleść i jawnie i skrycie: temu winny my sami* (афоризм в нейтральной форме) и т.п.

В некоторых случаях афоризмы используются в речи в таком смысле, который невозможно адекватно воспринять или вообще восстановить вне авторского контекста. Наличие контекстуально обусловленного смысла может препятствовать выделению афоризма из авторского контекста без известной семантической трансформации, однако не лишает афоризм независимости его содержания (ни в авторском контексте, ни в отрыве от него). Напр.: [Пепел:] *Никто здесь тебя не хуже... напрасно ты говоришь...* [Клещ:] *Не хуже! Живут без чести, без совести...* [Пепел (равнодушно):] *А куда они — честь, совесть? На ноги, вместо сапогов, не наденешь ни чести, ни совести... Честь-совесть тем нужна, у кого власть да сила есть...* [Бубнов (входит):] *У-у... озяб!* [Пепел:] *Бубнов! У тебя совесть есть?* [Бубнов:] *Чего-о? Совесть?* [Пепел:] *Ну да!* [Бубнов:] *На что совесть? Я — не богатый...* [Пепел:] *Вот и я то же говорю: **честь-совесть богатым нужна, да!** А Клещ ругает нас, нет, говорит, у нас совести...* (М. Горький) → *Честь-совесть богатым нужна* (афоризм, извлечённый из авторского текста, теряет свой первоначальный смысл — логически правильного вывода, но приобретает новый смысл — парадоксального утверждения); бел. *I стала ясна з той размовы, Якія цяжкія умовы — Няхай іх людзі лепш не знаюць — Прадаць зямельку прымушаюць* [Фядос Хадыка:] — *Пакрыўдзіў бог мяне сынамі, Ядзяць іх мухі з камарамі! **Няма сыноў — няма падмогі, А сам я стаў слабы на ногі, Бракуе сілы мне, браточки! Няма, мінуліся гадоўкі, Калі зямлю вярнуў Хадыка Не горш вала таго ці быка.*** (Я. Колас) → *Няма сыноў — няма падмогі* (смысл выделенного из авторского текста афоризма может пониматься в плане не только вообще отсутствия у родителей сыновей, но и отсутствия совместного проживания сыновей с родителями) и т.п.

Свойство дискурсивной автономности присуще всем без исключения афористическим фразам (как свободным, так и устойчивым), поэтому является облигаторным. Вместе с тем дискурсивная автономность характеризует также различные типы фразовых текстов, поэтому не может квалифицироваться как дифференциальный признак афоризма.

1.6. Текстовая форма

Текстовая форма как признак афоризмов реализуется в их способности создаваться, существовать и воспроизводиться в речи в качестве текстов, состоящих из одной фразы (как фразовые, или однофразовые, тексты) [20]. Данный признак манифестирует важное свойство афоризма — употребляться в нейтральной позиции (как проявление еще одного признака — дискур-

сивной автономности), которая может быть абсолютной (полностью независимой от речевого контекста) и относительной (структурно и содержательно зависимой от речевого контекста). В соответствии с этим текстовая форма афоризма имеет две разновидности своего проявления — абсолютную и относительную.

Афоризмы в форме отдельного текста (абсолютное проявление признака) — это самая ранняя их фиксация в письменной речи. Один из первых известных письменных юридических памятников «*Кодекс Хаммурапи*» (фр. «*Code de Hammurabi*») в Древнем Вавилоне (собрание законов, высеченных около 1750 до н.э. на базальтовой стеле в виде клинописной записи) состоял из кратких обобщённых высказываний (всего 282 «постановлений») на аккадском языке (каждое из которых начиналось *šum-ma* ‘Если...’). Европейская доантичная философия VII—VI вв. до н.э. была изложена преимущественно в форме афоризмов как отдельных текстов (напр., гномы предфилософской традиции Древней Греции). Наивысшего расцвета афоризм как отдельный текст достиг в европейской публицистической и художественной литературе, начиная с первой классической книги афоризмов «*Oraculo Manual, y Arte de Prudencia. Sacada de los Aforismos Quese Discurre En las obras de Lorenzo Gracian*» (1647) Б. Грасиана и заканчивая всемирно известными книгами афоризмов «*Myśli nieuczesane*» (1957) и «*Nowe myśli nieuczesane*» (1966) С.Е. Леца. Создание и употребление афоризмов в форме отдельных текстов остается актуальным до сегодняшнего дня в большинстве функциональных стилей литературного языка, однако утратило в настоящее время свой элитарный характер и всё чаще реализуется в разговорной речи посредством письменного электронного общения (в социальных сетях, на форумах, в чатах, блогах, группах и т.д.).

Относительное проявление текстовой формы афоризмов заключается, во-первых, в их способности употребляться как текст в тексте (в структурно и содержательно автономном виде в любых речевых контекстах), а во-вторых, в возможности выделять их из речи в форме отдельного текста. Употребление афоризмов как текста в тексте (преимущественно в виде структурно и семантически автономных изречений автора или цитат из чужой речи) является весьма продуктивным способом их функционирования, который известен с самых ранних письменных памятников, реализуется на всех уровнях построения (композиции) письменного текста, во всех разновидностях и в большинстве жанров устной речи, а также в современных устно-письменных текстах (в сфере интернет-коммуникации).

В письменных текстах употребление афоризмов как текста в тексте подразделяется на 1) обрамляющее (заголовок, эпитафия, вводная фраза, заключительная фраза) и 2) композиционное (функционально незакрепленная фраза, которая структурно и содержательно автономна в контексте). В устной речи использование афоризмов как текста в тексте также подразделяется на два вида: 1) отдельная реплика в диалоге; 2) функционально незакреп-

лённая фраза в монологе. Формальными показателями употребления афоризма как текста в тексте в виде функционально незакреплённой фразы (помимо её структурной и содержательной автономности) являются, во-первых, чужой язык (иноязычные вкрапления), во-вторых, дискурсивные маркеры интертекста (вводные слова или ссылки в тексте, содержащие информацию об авторе или источнике афоризма как отдельного текста), в-третьих, оформление афоризма в виде точной цитаты, использование параграфемных (в основном супраграфемных и топографемных) средств введения афоризма в контекст и др. Напр.: *Береги честь смолоду (пословица)* (эпиграф к повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка»); *Логические требования голого ума непременно так или иначе достигают своих, в данную минуту крайних, пределов и непременно поэтому укладываются в известные формы, известные теории. Прилагаемые к быстротекущей жизни, формы эти оказываются несостоятельными чуть что не в самую минуту своего рождения, потому что ведь они сами, в сущности, суть не что иное, как результаты сознательной, т.е. прошедшей жизни, и к ним как нельзя более прилагается глубокий стих из глубокого стихотворения Тютчева «Silentium!» — Мысль изречённая есть ложь...* (А.А. Григорьев); *Эта деятельность, сколько я мог судить по фактам, была не бесплодна, по крайней мере, отрицательно; и я ни за что её не брошу, потому что — чёрт её знает — может быть, она принесёт на основании пословицы «Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo» (авось либо хоть этой старой пословицы переводить не надо?) и своего рода положительную пользу* (А.А. Григорьев); англ. *All's Well That Ends Well* (W. Shakespeare) (название пьесы); *Measure for Measure* (W. Shakespeare) (название пьесы); *A delivery boy was trying to enter a yard with some bundles but stopped at the gate because of a vicious, barking dog on the other side. "Oh, come on in," encouraged the owner from a window. "You know the old proverb: 'A barking dog never bites'..." "Yeah, I know the proverb," admitted the boy, "and you know the proverb. But what worries me is, does the dog know the proverb?"* (E. Esar); бел. *«Апетыт прыходзіць у час яды». А ў мяне вельмі часта думанне пачынаецца над паперай. Вучуся пісаць, як калісьці пісаў, — для сябе* (Я. Брыль); *Мужчыны ўсе тут загудзелі, Ды дружна так яны населі, Што Ганна тройчы прыгубіла І чарку ўсю перакуліла. — Ну, во гэтак, малайчына, Хай будзе ж добрая часіна! — Ой, буду п'яна — аша-ломіць. — Касцей гарэлка не паломіць! — Крычыць Базыль* (Я. Колас); польск. *Powiedział Heraklit: «Panta rhei». Rzekł Kowalskides: «Cholera!» Zauważył krytyk: «Konkurowali ze sobą w zwięzłości epigramatycznej»* (S.J. Lec).

Употребление афоризма как текста в тексте может быть имплицитным в случаях, когда он является прецедентным (по Ю.Н. Караулову), т.е. известным как участникам речевого акта, так и широкому кругу носителей языка (включая предшественников и современников) в силу хрестоматийности (опознаваемости всеми как общеизвестного текста), эпистемологической актуальности и востребованности, воспроизводимости и т.д. При имплицит-

ном употреблении афоризма как прецедентного текста в речи актуализируется его структурный компонент (прецедентный феномен), который отсылает адресата к оригиналу. В качестве прецедентных феноменов обычно выступают начальные структурные части или первые по порядку лексические компоненты афоризма, а также отдельные слова (или сочетания слов) из его лексического состава, которые являются наиболее запоминающимися, отражают основные (ключевые) понятия или образы афоризма, образуют регулярные ассоциации с ним в структуре фоновых знаний носителей языка. Напр.: *Обратились к древнему миру; к его искусству чувствовалась симпатия; хотели усвоить его зодчество, ясное, открытое, как чело юноши, гармоничное, «как остывшая музыка»* (А.И. Герцен) — *Архитектура — застывшая музыка* (И.В. Гёте); англ. *There are good excuses, particularly good bogus excuses, for the “never,” but there is seldom an acceptable one for the “late.”* (G.J. Nathan) — *Better late than never (proverb)*; бел. — *А людзям нашым няважна жылося да рэвалюцыі. Рэвалюцыя была вельмі патрэбна. Цар Мікалай — ён быў дурны, дурнейшы яшчэ за Хрушчова... — Такі vox populi — увосень шэсцьдзесят трэцяга.* (Я. Брыль) — лат. *Vox populi — vox dei* (афоризм англосаксонского богослова Флакка Альбина Алкуина, около 732—804); польск. *Co może powstać z niczego? Prowokacja* (S.J. Lec) — *Nic nie powstaje z niczego* (Lukrecjusz, «О натуре wszechrzeczy», I, 265—266) и т.п.

От употребления афоризма как текста в тексте необходимо отличать использование афористической фразы как неотъемлемого композиционного элемента малых литературных или фольклорных жанровых форм — *апофегмы, хриш, велеризма, басни* и др., в которых афоризм является органичной частью их содержания и структуры, их смысловым центром, без которого эти малые тексты не могут существовать. Такое употребление афоризма как текста в тексте можно квалифицировать как жанрово обусловленное.

Выделить из речи в виде отдельного текста можно любой афоризм — как производимый, так и регулярно воспроизводимый в речи, как дискурсивно автономный, так и модифицированный в речевом контексте, как с контекстно независимым, так и с детерминированным смыслом. Именно благодаря такой возможности создаются сборники литературных афоризмов и пословиц, в которых речевые и языковые единицы искусственно закрепляются в виде отдельных текстов. Так, одним из первых известных письменных сборников литературных афоризмов является «*Menandri sententiae*» — собрание изречений, извлечённых Менандром (около 343 — около 291 до н.э.) из произведений древнегреческих драматургов V—IV вв. до н.э. (сборник пользовался огромной популярностью в Древнем мире и средневековой Европе, был переведён и на старославянский язык [40. С. 381]).

При выделении из речи в виде отдельного текста устойчивых или содержательно детерминированных контекстом афоризмов их смысл может довольно существенно отличаться от первоначального. Это не противоречит ни самой возможности, ни репрезентативности такого выделения, поскольку

изменения смысла, хотя и могут быть весьма значительными, не влияют на прямое значение извлечённых из речевого контекста афоризмов, которое остается неизменным. Напр.: *Мысль изречённая есть ложь* (извлечённый из авторского контекста афоризм сохраняет общее значение, но противоречит здравому смыслу, который нейтрализуется в исходном тексте, где сообщается о невозможности передать словами богатый мир чувств и мыслей человека), ср.: *Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? Поймёт ли он, чем ты живёшь? Мысль изречённая есть ложь.* (Ф.И. Тютчев); бел. *Пан не мае спагадання* (выделенный из авторского контекста афоризм сохраняет своё общее значение, но приобретает гораздо более широкий смысл, чем в исходном тексте, ‘Пан не мае спагадання по отношению ко всем людям, зависимым от него, а не только к тем, кто на него непосредственно работает’), ср.: *Няўжо ж і век прабыць слугою І чуць пагрозу над сабою, Што пан у кожную хвіліну Цябе пагоніць, як скаціну? Пагоніць вон без разважання, Бо пан не мае спагадання, Што трэба жыць з сям’ёй на свеце, Што ты, як рыба тая ў сеці, Не маеш волі, ні разгону, Што ты не чуеш жыцця звону, Што гэты свет табе завязан І шлях прасторны твой заказан* (Я. Колас).

При выделении из авторской речи афоризма с переносной, образной мотивировкой общего значения или значений отдельных компонентов он требует специального пояснения или устойчивой ассоциации с исходным текстом, без чего воспринимается либо в совершенно ином смысле, либо как вообще лишённый всякого смысла. Напр.: *Дважды два — стеариновая свечка* (извлечённый из авторского контекста афоризм, который стал крылатым [41. С. 95], в буквальном значении является парадоксальным, а для понимания своего переносного смысла ‘У женщин отсутствует логическое мышление’, должен устойчиво ассоциироваться с содержанием исходного контекста), ср.: *Мужчина может, например, сказать, что дважды два не четыре, а пять или три с половиною; а женщина скажет, что дважды два — стеариновая свечка.* (И.С. Тургенев); бел. *Падатак кожнай дай часіне* (извлечённый из авторского контекста афоризм, в котором употребляется сочетание слов в переносном значении *падатак даць* ‘отдать должное’, приобретает совершенно иной общий смысл, чем в исходном контексте, где обозначает решимость быть готовым ко всему, что может произойти в будущем), ср.: *Ну, што ж, Антось, здароў будзь, браце! Няхай дае бог лад у хаце, Дабра, прыбытку прыспарае, Каб у хляве ды ўсё пладзілась, Каб жыта ў полі каласілась, Няхай раяцца добра пчолы, І самі будзем мы вясёлы; За год дай божа дачакаць Здаровым новы год спаткаць. — Дай божа! — дзядзька адазваўся І сам з прамовай зварачаўся, П’ючы цяпер да гаспадыні, — Падатак кожнай дай часіне, На ўсё гатовы ў кожным часе.* (Я. Колас).

Следует отметить, что изменение значения у пословиц при выделении их из речи в виде отдельных текстов может быть не менее существенным, чем изменение смысла у литературных афоризмов при извлечении из авторского контекста. Так, пословица бел. *Будзе (Прыйдзе) і на крапіву мароз*

(буквально ‘Будет (Придёт) и на крапиву мороз’) зафиксирована в бесконтактных паремиографических источниках [42. С. 152; 43. Т. 1. С. 342], в которых воспринимается только в переносном смысле (поскольку в прямом не обнаруживает той эпистемологической ценности для носителей языка, которая присуща жанру пословиц), однако в речи регулярно употребляется как в переносном смысле (‘Дождётся кто-н. наказания; говорится с уверенностью о неизбежности возмездия, наказания’ [38. С. 100]), так и в прямом значении (наряду с другими народными изречениями о жгучести крапивы), ср.: *Пра тую нязвичную расліну Марыля ўжо забылася. Урэшце яна такі выскачыла на дарожку. — Ой, настрыкала, ой, пяхэ! Ды жаліцца няма каму. Тым больш, што і гневацца няма на каго: сама запрапанавала зняць панчохі. Сымон пажартаваў: — Колькі разоў табе казалі: ад жыгучкі трымай далей ручкі!... — Нічога, Марылька! — пашкадаваў яе Адам. — «**Прыйдзе і на крапіву мороз!**» (У. Дубоўка).*

При выделении из речи в качестве отдельных текстов афоризмов, которые структурно и семантически изменены, модифицированы в контексте, реконструкция их нейтральной формы часто может быть вариативной (что не всегда позволяет однозначно восстановить форму афоризма вне авторского контекста, но не противоречит самой возможности реконструкции нейтральной формы афоризмов, трансформированных в речи). Напр.: *Фёкла Степановна зазевала, закрывая рот большой работающей рукой: — А я... век свой прожила. Мужика у меня убили на царской войне, **жить нечем, и сну будешь рада** (А.П. Платонов) → <Если (Когда)> *жить нечем, и сну будешь рад* или *И сну будешь рад, если (когда) жить нечем* и т.д. (извлечённый из авторского контекста афоризм одинаково успешно реконструируется в виде нескольких формальных вариантов); бел. *То ж гэткая Лэдзі нараджаюцца не вельмі часта сярод сабак, як геніі і таленты сярод людзей* (М. Гарэцкі) → *Геніі і таленты не вельмі часта нараджаюцца сярод людзей* или *Геніі і таленты сярод людзей нараджаюцца не вельмі часта* или *Не вельмі часта сярод людзей нараджаюцца геніі і таленты* или *Не вельмі часта геніі і таленты нараджаюцца сярод людзей* или *Сярод людзей не вельмі часта нараджаюцца геніі і таленты* или *Сярод людзей геніі і таленты нараджаюцца не вельмі часта* и т.д. (при выделении афоризма из авторского контекста возможны различные варианты его реконструкции в форме отдельного текста).*

Текстовая форма как свойство афоризма обусловлена его дискурсивной автономностью, однако в отличие от неё является не облигаторным признаком, а факультативным, поскольку не все афоризмы создаются и функционируют в виде отдельного текста, многие из них невозможно выделить из авторского контекста без существенного изменения смысла и/или однозначно (адекватно) реконструировать их форму выражения. В этом плане модифицированные в речи устойчивые и воспроизводимые афоризмы могут восприниматься не знакомыми с ними носителями языка в иной текстовой

форме, а также с иным содержанием, чем те, которые были изначально присущи данному афоризму. Такая вариативность является формальным показателем факультативности текстовой формы для афоризма. Текстовая форма не может рассматриваться и как дифференциальный признак афоризмов, поскольку свойственна кроме них ещё и другим видам текстов.

1.7. Воспроизводимость

Воспроизводимость как признак афоризмов обусловлена прежде всего их функциональной природой повторяться в речи с разной степенью регулярности от разового до массового использования. Это означает, что каждый афоризм создаётся для того, чтобы после быть повторённым либо в такой же самой (или похожей) речевой ситуации в аналогичной (или иной) функции, либо в качестве отдельного текста как источника знаний о действительности, мировоззрении своего автора (если таковой имеется), духовной культуры того языкового окружения, в котором он был создан или функционирует [21]. Именно в этом (в создании для воспроизведения в речи) и проявляется коммуникативность афоризма, которая реализуется в неразрывной связи с его номинативностью как облигаторным признаком (см. выше).

Свойство афоризмов создаваться, чтобы повторяться (воспроизводиться) не только обусловлено их функциональной природой, но и определяется рядом таких его характеристик, как обобщённость, сверхсловность, однофразовость, дискурсивная автономность, а также устойчивость (которая коррелирует с воспроизводимостью).

Так, обобщённость предполагает неоднократное обращение к каждому афоризму, его многократное использование как фразового текста (устойчивой фразы), с одной стороны, для номинации обозначаемой им универсальной закономерности, а с другой, для обозначения конкретных проявлений данной универсальной закономерности в актуальной для участников речевого акта действительности. Напр.: *Андрэй і Янка весела пасмейваліся, чытаючы гэтае пісьмо, але раскрываць тайну з'яўлення артыкула палічылі непатрэбным і нават шкодным. Яны напісалі Райскаму, шмат выказвалі радасці, надзей на шчаслівы канец і накідаліся на нікчэмства ўсяе чыноўніцкай тармасні вакол настаўніцкага сходу. І ўсё ж такі дадалі евангельскія словы, упэўненыя ў тым, што іх пісьмо чыноўніцкіх рук не міне: «Бойся ўсявышняга і не гавары лішняга».* (Я. Колас) (где афоризм употребляется для номинации выраженной в нём универсальной закономерности 'Не разглашай секрет, чтобы не навредить делу' [35. С. 39]); бел. *Міжвольна прыгадаліся княжацкія піры, пітво і ежа, высокія пакоі, у якіх зіхаціць святло і грывіць музыка, упрыгожаныя тройкі. А блізка ў водблісках вогнішча відаць было яму папялішча, нара, калыска з хворым малым, над якім заснула Мацвеіха, і бярозавая каша ў чаранку, пасолена яго соллю. І ўжо само сабой так падумалася: «Бог не роўна дзеліць».* (М. Лупсякоў) (где афоризм

используется для обозначения одного из конкретных проявлений выраженной в нём универсальной закономерности ‘Между людьми существует социальное и иное неравенство’ [38. С. 94]) и т.п. Сверхсловность афоризма обеспечивает его сочетаемость в речи с другими фразовыми единицами, а также сверхфразовыми единствами, как правило, за счёт корреляции ключевых понятий содержания сообщения и плана содержания афоризма, которая может формально основываться на присловной связи (когда афоризм относится к одному из слов речевого контекста) или лексическом повторе (когда в речевом контексте употребляется один из лексических компонентов афоризма, как правило, выражающий ключевое понятие сообщения и афористической мысли), напр.: бел. — *Чаму гэта ты не на рабоце? — спытала Куля такім тонам, быццам была яго начальнікам. — Ад работы нават валыдохнуць, — аджартаваўся Комлік, — а я хачу жыць, любаваяцца жыццём.* (Р. Сабаленка). Однофразовость афоризма прямо и непосредственно влияет на степень его запоминаемости, что является необходимым условием для продуктивного воспроизведения в речи (запоминаемость афористической фразы уменьшается пропорционально увеличению её линейных параметров и синтаксического объёма). Дискурсивная автономность афоризма позволяет воспроизводить его в речи без структурных и семантических видоизменений, а также включать в речевой контекст любой синтаксической организации и любой композиции практически без ограничений.

Воспроизводимость по отношению к афоризмам следует рассматривать двояко — как их реальное и как потенциальное свойство, поскольку не все афоризмы, которые порождаются в речи, впоследствии воспроизводятся (как массово, так и разово). Воспроизведение афоризмов в составе их различных и довольно многочисленных сборников, энциклопедий, словарей, отдельных подборок, циклов и т.п. имеет искусственный характер, не имеющий никакого отношения к речевой коммуникации и может не учитываться. Большинство литературных афоризмов не повторяется в чужой речи, но каждый из них может быть в любой момент повторен и начать воспроизводиться, благодаря актуализации своего содержания в сознании носителей языка (индивидуально или массово). Свойство воспроизводимости целесообразно рассматривать как потенциальное для каждого без исключения афоризма, однако реально воспроизводятся в речи только афоризмы из числа пословиц и крылатых изречений, а также разовых цитат. В этом смысле воспроизводимость афоризма обладает дуалистичным характером: в функциональном плане (как реальное свойство пословиц, крылатых изречений, цитат) является факультативным признаком, тогда как в субстанциональном плане (как потенциальное свойство большинства литературных афоризмов) может квалифицироваться как признак облигаторный. И в том, и в другом случае воспроизводимость не является дифференциальным признаком афоризма, поскольку присуща широкому кругу сверхсловных единиц языка и речи.

1.8. Устойчивость

Устойчивость афоризма не только обусловлена его воспроизводимостью (когда посредством повторения в речи за ним закрепляется определённая форма), но и является одним из собственно лингвистических факторов, способствующих воспроизводимости, поскольку форма каждого афоризма уникальна (не имеет шансов на своё повторное порождение в речи), что детерминирует неизменность его компонентов (по отношению как к плану содержания, так и друг к другу в составе афоризма), т.е. наличие изначально «готовой» к воспроизведению формы [21].

Устойчивость по отношению к афоризму следует рассматривать как сохранение его лексической организации и синтаксической структуры при воспроизведении в речи в одном и том же значении. Устойчивость афоризмов является прямым результатом не столько их воспроизводимости (в том числе пословиц и крылатых изречений), сколько уникальности выбора и комбинации лексических компонентов афоризма для обозначения данной универсальной закономерности. Одна и та же универсальная закономерность в каждом новом случае её вербального обозначения в форме афоризма выражается всякий раз по-разному (прежде всего посредством различной лексической организации фразы). Лексические компоненты и их комбинации могут в той или иной степени повторяться в разных афоризмах, выражающих одну и ту же универсальную закономерность, однако никогда полностью не совпадают (очень мало шансов на то, чтобы для выражения в разных речевых контекстах одной и той же универсальной закономерности порождались фразы с одной и той же лексико-грамматической организацией). Напр.: *Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем* (Еккл. 1, 9); *Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас* (Еккл. 1, 10); *Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было* (Еккл. 3, 15); *Ничто не ново под луною: что есть, то было, будет ввек* (Н.М. Карамзин); *И старым бредит новизна* (А.С. Пушкин); *Так было — так будет* (Л.Н. Андреев); *И повторится всё, как встарь* (А.А. Блок) (во всех литературных афоризмах выражена одна универсальная закономерность ‘В мире всё повторяется’); англ. *Don't cut off your nose to spite your face; Don't cut the bough you are standing on; Don't make a rod for your own back* (все пословицы обозначают одну универсальную закономерность ‘Не делай ничего такого, что может навредить тебе самому’); бел. *Век жыць — не мех сшыць; Век звекаваць — не пальцам паківаць; Век звекаваць — усяго павідаць (пазнаць); Век перажыць — не поле перайсці; Век пражыць — не кашулю пашыць; Век (Год) пражыць — не лукошка сшыць; Век пражыць — не мора пераплыць; Жыццё пражываць — не канфетку з'есці; Жыццё пражыць — не песеньку спець; Жытку пражыць — не поле перайсці* (во всех пословицах выражена одна универсальная закономерность ‘Жить нелегко’);

польск. *Ucieka niepowrotnie czas* (Wergiliusz); *Strata czasu jest nieodwracalna* (Piotr I); *Czasu, gdy przeminie, już za nic nie kupim* (A. Górecki) (во всех литературных афоризмах выражается одна универсальная закономерность ‘Время исчезает безвозвратно’) и т.п.

Уникальность состава и соотношения лексических компонентов каждого афоризма является главным фактором его устойчивости при воспроизведении в различных речевых контекстах. Устойчивость формы афоризма дополнительно обусловлена различными семантическими, грамматическими, риторическими, просодическими, стилистическими средствами, которые могут соотноситься с лексической организацией фразы, однако не характерны для всех афоризмов, чаще встречаются в пословицах и крылатых изречениях.

Вторым по важности фактором устойчивости афоризмов является то, что в их плане содержания происходят сдвиги, которые проявляются в образной мотивировке как семантики отдельных структурных компонентов (слов, сочетаний слов, предикативных частей), так и общего значения фразы. Наличие в составе афоризма отдельных переосмысленных компонентов существенно ограничивает свободу сочетаемости на уровне фразы, а переносное общее значение афоризма прямо детерминирует несвободу его формы. Узуальный или окказиональный характер переносной мотивировки семантики структурных компонентов, общего значения афоризма, соответственно, ослабляет или усиливает устойчивость его формы.

Устойчивость афоризма является одновременно его функциональным и содержательным признаком, который по-разному актуализируется для разных групп афоризмов и по-разному проявляет свое качество. Для тех афоризмов, которые порождаются в речи, устойчивость — это субстанциональное качество, которое при их воспроизведении актуализируется как функциональное свойство. Для афоризмов, которые воспроизводятся в речи, устойчивость — это функциональное свойство, которое после их извлечения из речи в форме отдельных текстов воспринимается уже как субстанциональное качество. Отношения между функциональным и субстанциональным проявлениями устойчивости афоризма, как правило, взаимно детерминированы (так, проявление устойчивости литературного афоризма как функционального свойства невозможно без её существования как субстанционального качества, которое, в свою очередь, проявляется в речи как функциональное свойство).

Структурные характеристики устойчивости афоризма в основном формируются как субстанциональное качество (при его порождении в речи), а семантические — как функциональное свойство (при его воспроизведении в речи), поскольку сдвиги в плане содержания фразы, во-первых, гораздо более динамичное явление, чем в плане выражения (лексико-грамматической форме), а во-вторых, возникают и закрепляются в сознании носителей языка, как правило, в связи с массовым воспроизведением афоризма в речи, а также часто обусловлены узуальными сдвигами в семантике отдельных лексиче-

ских (и фразеологических) компонентов афоризма. Напр., широко известный крылатый афоризм бел. *Другі баран — ні “бэ”, ні “мя”, а любіць гучнае імя* (К. Крапіва) имеет как структурные характеристики устойчивости (состав и сочетание лексических и фразеологических единиц, грамматические формы слов, синтаксическую организацию предложения), так и семантические — образную мотивировку общего значения и семантики отдельных компонентов фразы. Структурные характеристики устойчивости данного крылатого афоризма имеют субстанциональную природу (возникли при его порождении в авторской речи), а семантические — функциональную природу (актуализировались при воспроизведении вне авторского контекста), поскольку его переносное общее значение ‘Славы, известности алчет тот, кто не способен приобрести их собственным умом’, а также характеристика ситуации его употребления ‘Говорят (чаще с неодобрением или с иронией), когда умным, достойным уважения желает казаться бездарь’ [44. С. 68] не зависят от содержания авторского источника (басни «Дыпламаваны баран»), а полностью состоят из комбинации узуальных прямых и переносных значений лексических и фразеологических компонентов фразы — *другі* (разг.) ‘какой-нибудь’, *баран* (перен., бран.) ‘о глупом, невежественном человеке, *ні «бэ», ні «мя»* (перен., прост. неодобр.) ‘совсем ничего (не знать, не понимать)’ как стихотворный вариант фразеологизма *ні «бэ», ні «мэ» <ні кукарэку>*, *гучны* (перен.) ‘который пользуется большой популярностью, широко известный’, *імя* ‘известность, слава, репутация’ [45. Т. 1. С. 141; 46].

Устойчивость следует рассматривать как реальный и как потенциальный признак афоризмов, поскольку, с одной стороны, для её реализации они должны регулярно воспроизводиться в речи уже в готовом виде, а с другой, каждый афоризм создается в уже готовой для воспроизведения форме. Как потенциальное свойство устойчивость формы присуща всем афоризмам без исключения, а как реальное характеризует воспроизводимые единицы — прежде всего пословицы и крылатые изречения. В своём функциональном проявлении (как реальное свойство) устойчивость — это факультативный признак, а в своём субстанциональном качестве (как потенциальное свойство) — облигаторный, что свидетельствует в пользу собственно языковой природы афоризма.

1.9. Идиоматичность

Идиоматичность свойственна как афоризмам, так и фразеологизмам, однако в афористических высказываниях (устойчивых фразах) она, как уже отмечалось [13], приобретает своеобразный характер, что требует специального обсуждения [17].

Так, идиоматичность по отношению к афоризмам можно рассматривать в самом широком смысле как определяющее свойство сверхсловных единиц, которое обусловлено тремя факторами и состоит из трёх соответствующих

субкатегорий (по А.Н. Баранову и Д.О. Добровольскому): переинтерпретация, непрозрачность, осложнение способа указания на денотат [47. С. 30—33]. Эти факторы идиоматичности, на наш взгляд, основаны на асимметрии плана выражения и плана содержания языкового знака, формируя его различными способами [47. С. 33—50], поэтому идиоматичной целесообразно считать такую сверхсловную единицу, содержание которой (полностью или частично) не вытекает (для всех или большинства носителей языка) из суммы значений её структурных компонентов (эквивалентных слову или больши́м, чем слово). Рассмотрение содержания афоризма в терминах идиоматики соответствует современным лингвистическим взглядам на её границы и характер [48], а также на семантическую природу афоризмов [13. С. 8—10].

Исследование показало, что идиоматичность может быть свойственна афоризмам как полностью (переосмысление общего значения), так и частично (переосмысление значений отдельных лексических компонентов, структурных частей). Идиоматичными могут быть как производимые в речи афоризмы, так и воспроизводимые (разово или массово). Напр.: *От сумы да от тюрьмы не отказывайся (не отрекайся)* (переосмыслен один лексический компонент *сума* ‘нищета’); англ. *First catch your hare* (пословица буквально означает «Сначала поймите вашего зайца», но употребляется в переносном смысле ‘Действуйте осторожно, без излишнего оптимизма’ [34. Prov. 210]); бел. *Каб сонца засланіць — вушэй асліных мала* (К. Крапіва) (афоризм в качестве морали басни «Асёл, Сава і Сонца» имеет одновременно и прямой, и аллегорический смысл, однако массово воспроизводится как крылатый только в переносном общем значении ‘Справедливое дело не победить; правду не скроешь’ [39. С. 246]); польск. *Dzieciństwo jest jak zatarte oblicze na złotej monecie, która dźwięczy czysto* (Т. Rózewicz) (в литературном афоризме переосмыслена структурная часть *...jak zatarte oblicze na złotej monecie, która dźwięczy czysto*); *Kłamstwo ma krótkie nogi* (прямой смысл имеет только лексический компонент *kłamstwo*, переосмыслена вторая часть пословицы *...ma krótkie nogi* ‘недолго существует’) и т.п.

Следует отметить, что в полностью или частично идиоматичных афоризмах всегда сохраняется прямое, буквальное значение (безотносительно степени его соответствия объективной реальности или её восприятию), за исключением немногочисленных случаев утраты внутренней формы, когда прототип переосмысленного афоризма воспринимается как лишённый всякого смысла, необъяснимый, т.е. без знания речевого контекста его порождения (употребления) не соответствующий ни одной из возможных картин мира (чаще в пословицах), напр.: *Дважды два — стеариновая свечка* (И.С. Тургенев, «Рудин»); *На воре шапка горит*; англ. *The child is father of the man* (W. Wordsworth, “My Heart Leaps Up When I Behold”); *There are wheels within wheels* (prov.); бел. *З выбірачкі выбераш гарачку, а калі з раду, то нуду; У айчыма чэрці над вачыма* (приказка); польск. *Nie rób z tata wariata, a z taty panoramy* (przysł.) и т.п.

Отдельные переосмысленные лексические компоненты афоризма не обязательно обуславливают идиоматичность его общего значения (целиком или структурной части), напр.: *Язык до Киева доведёт* (из двух переосмысленных компонентов пословицы — *язык* ‘тот, кто разговаривает, спрашивает’ как персонификация способности выражать в словесной форме свои мысли [49. Т. IV. С. 780] и *до Киева* ‘куда угодно, далеко’ как метонимическое расширение исходного значения [13. С. 98] — только первый участвует в формировании общего переносного значения ‘Спрашивая, обо всём узнаешь, всё найдёшь’); англ. *Brevity is the soul of wit* (W. Shakespeare, “Hamlet”) (переносное значение компонента *soul* ‘основа’ не ведёт к переосмыслению афоризма, который имеет общее прямое значение ‘Краткость является основой остроумия’); бел. *Зяць любіць узяць* (переносное значение глагола *браць* / *узяць* ‘пользоваться материальной помощью (родителей жены)’ не приводит к сдвигу общего значения пословицы, которая не имеет переносного смысла); польск. *Tylko wielcy artyści mogą się czuć wobec sztuki małymi* (перенос значения компонента *mały* ‘nieznaczny’ не изменяет общий прямой смысл афоризма) и т.п.

В то же время переносное общее значение афоризма может быть суммой переносных значений его лексических компонентов. Напр.: *Куй железо, пока горячо* (общее переносное значение пословицы ‘Торопись делать что-л., пока есть возможность, благоприятные условия и т.д.’ [33. С. 154] является комбинацией переносных значений двух её структурных частей *куй железо* ‘торопись делать что-л.’ и *пока горячо* ‘пока есть возможность, благоприятные условия’); англ. *Fine feathers make fine birds* (переносное значение пословицы ‘Богатая одежда обуславливает значительность человека’ складывается из переносных значений ее компонентов *fine feathers* “красивые перья” как ‘богатая одежда’, *make* “делать” как ‘обуславливает’, *fine birds* “красивая птица” как ‘значительный человек’); бел. *Напісанае застаецца* (общее переносное значение пословицы ‘Художественные произведения сохраняются в памяти поколений’ [38. С. 346] состоит из переносных значений *напісанае* ‘художественное произведение’ и *застаецца* ‘сохраняется в памяти’); польск. *Co głowa, to rozum* (общее переносное значение пословицы ‘Человек — это взгляд, мнение’ комбинируется из переносных значений *głowa* ‘человек’ и *rozum* ‘взгляд, мнение’) и т.п.

Идиоматичность афоризма может возникать под влиянием как собственно языковых, так и экстралингвистических (в том числе “литературно-художественных” [13. С. 92]) факторов, быть результатом как узуального, так и окказионального сдвига значения (всего афоризма, его структурной части, отдельного лексического компонента), напр.: *Не подмажешь, не поедешь* (первый лексический компонент пословицы имеет узуальное переносное значение — *подмазать* ‘дать взятку’, а второй окказиональное — *поехать* ‘добиться того, что нужно’); бел. *Покі Юрка не меў чына, / Быў нішто сабе дзяціна* (Я. Купала, “Чары”) (на возникновение у крылатого

афоризма общего переносного значения ‘Пасада псуе добрага чалавека’ оказал влияние экстралингвистический фактор — обобщение образа *Jurki* в ироническом плане “пока у него не было должности, он был хорошим человеком” с участием собственно языкового фактора — переносного значения фразеологизма *niшто сабе* ‘добры’); польск. *Niech sobie ten przypis przeczyta elita, / że każda śmietanka na deser jest bita* (S.J. Lec) (переносный смысл афоризма детерминирован художественными приёмами реалистичной образности “*śmietanka na deser jest bita*” и иронии “*elita... bita*”).

Идиоматичность может быть свойственна афоризму в той или иной степени (характеризуется градуальностью), обусловлена сразу несколькими факторами (как собственно языковыми, так и экстралингвистическими), а также являться результатом сочетания различных типов своего проявления. Напр.: *Не добро быти человеку единому* (Бытие 2, 18) (сдвиг общего значения минимален и вызван только коннотацией возвышенности, древности за счёт использования книжной лексики и архаичных грамматических форм *не добро, быти, единому*); англ. *A growing youth has a wolf in his belly* (в основу частично переосмысленного общего значения ‘Подросток всегда голоден’ [34. Prov. 257] положен нереальный образ *have a wolf in belly* “иметь волка в животе”, который сочетается с перифразой *a growing youth* ‘молодой человек, который растёт’ вместо *young* ‘подросток’); бел. *Хлеб-соль еш, а праўду рэж* (употребление фразеологизмов *хлеб-соль* ‘1. Харч, яда. 2. Пачастунак’ [45. Т. 2. С. 526] і *рэзаць праўду* <ў вочы> ‘казаць адкрыта, смела’ сочетается с реалистичным образом, “изобразительным” сюжетом “частвацца ці карміцца ў каго-небудзь і яму ж казаць усё як ёсць, нават калі яно непрыемнае”); польск. *Litera prawa powinna być włączona do alfabetu* (S.J. Lec) (идиоматичность обусловлена комбинацией, во-первых, узуального переносного значения крылатого выражения *litera prawa* ‘буквальное понимание юридической формулировки, формальная сторона юридического текста’, во-вторых, художественной образности «*być włączona do alfabetu*», в третьих, иронической коннотации «*powinna*»).

Исследование показало, что подавляющему большинству афоризмов свойственна частичная идиоматичность (переосмысление одной структурной части или отдельных компонентов). Наивысшая степень идиоматичности присуща афоризмам с полностью переосмысленным общим значением и утраченной внутренней формой.

Вместе с тем идиоматичность не может рассматриваться в качестве облигаторного признака афоризма, поскольку существует большое количество афоризмов, для которых не характерна асимметрия между планом содержания и планом выражения (ни полностью, ни частично). В этом случае можно говорить о «нулевой степени» идиоматичности афоризма. Напр.: *Не всякому слуху верь; Учиться никогда не поздно* (половицы); англ. *Neither a borrower nor a lender be* (W. Shakespeare, “Hamlet”); *Circumstances alter cases; Dying is as natural as living* (proverbs); бел. *І ў няшчасці, і ў радасці без дружбы ча-*

лавеку нельга быць (К. Чорны, “Наспечка”); *Брат любіць сястру багатую, а мужык жонку здаровую*; *Кожнаму сваё дзіця міла* (прыказкі); польск. *A literatem nie każdy jednak być może* (R. Berwiński); *Recyduwa gorsza od choroby* (przysłowie) и т.п. Идиоматичность не может рассматривать и в качестве дифференциального признака афоризма, поскольку характеризует также довольно большой круг языковых и речевых единиц.

1.10. Выразительность (эстетичность) словесной формы

Выразительность (эстетичность) словесной формы афоризма следует, на наш взгляд, рассматривать только как результат реализации эстетической (поэтической) функции языка. Художественно обработанный план выражения характерен прежде всего для афоризмов, которые порождаются в литературно-художественном или публицистическом дискурсе, а также для афоризмов как фольклорного жанра (поговорок, народных примет, поверий, хозяйственных изречений). Как известно, в литературных афоризмах широко используются различные тропы и фигуры речи (эпитет, метафора, метонимия, синекдоха, сравнение, гиперболы, литота, анафора и эпифора, антитезис, градация, повторение, хиазм, синтаксический параллелизм, инверсия, оксюморон и др.) [12. С. 232—250]. Особо следует отметить использование рифмы, ритмики и мелодики, что характерно не только для поэтических, но и для многих других литературных афоризмов. Подавляющее большинство перечисленных здесь средств выразительности речи нашли воплощение в фольклорных афоризмах [50; 51].

Выразительность словесной формы как признак афоризма проявляется эпизодически вне реализации эстетической функции языка. Словесная форма многих афоризмов лишена каких бы то ни было качеств художественной речи, напр.: *Человеку свойственно ошибаться*; англ. *All good things come to an end*; бел. *Усім не дагодзіш*; польск. *Każdy robi, co może* и т.п. По этой причине выразительность (эстетичность) словесной формы нельзя рассматривать как облигаторный признак афоризма. Не является данный признак по отношению к афоризму и дифференциальным, поскольку не может быть использован для разграничения афористических и неафористических фраз.

2. Определение понятия афоризма как объекта лингвистики

Как известно, определить любое научное понятие — это перечислить минимальное количество облигаторных признаков определяемого объекта, выделив среди них дифференциальные (формирующие его существенные, необходимые и неотъемлемые качества), на основании которых можно непротиворечиво (без переименования и объединения множеств) отграничить данный объект от иных объектов изучения внутри той или иной отрасли научного знания.

В этом смысле все установленные признаки афоризма подразделяются на облигаторные (присущие всем афоризмам) и факультативные (присущие отдельным группам афоризмов), дифференциальные (присущие только афоризмам) и общие (присущие как афоризмам, так и иным сверхсловным единицам языка и речи).

К факультативным признакам афоризма, как уже отмечалось, относятся сверхсловность, идиоматичность, оформленность в виде отдельного текста, выразительность (эстетичность) словесной формы. Воспроизводимость и устойчивость как реальные признаки конкретных афоризмов не проявляются регулярно и поэтому являются факультативными, но как потенциальные признаки свойственны каждому афоризму, в силу чего приобретают качество облигаторности и характеризуют афоризм как лингвистический объект.

Облигаторными признаками афоризма, как уже было показано выше, являются однофразовость, обобщённость (значения), номинативность, дискурсивная автономность. Обязательность данных четырёх признаков для афоризма вытекает из того, что они, во-первых, свойственны всем афоризмам без исключения, а во-вторых, в своей совокупности (взятые все вместе) не присущи никаким иным сверхсловным единицам.

Вместе с тем можно говорить только об одном признаке, который характеризует афоризм в качестве специфической разновидности сверхсловных единиц, т.е. как самостоятельный лингвистический объект. Таким признаком является обобщённость, которая реализуется в семантике афоризма в своём специфическом качестве как универсальное обобщение действительности (на уровне фразы). Данный признак афоризма целесообразно квалифицировать как дифференциальный, поскольку в кругу других облигаторных признаков только он является уникальным для афоризмов (вне их не проявляется на уровне фразы) и манифестирует специфическое свойство их плана содержания — универсальную обобщённость, что качественно отличает афоризмы от всех иных сверхсловных единиц.

Данное свойство плана содержания афоризма можно квалифицировать как *афористичность* (существенное, необходимое и неотъемлемое качество афоризма). Только те сверхсловные единицы, которым свойственно качество афористичности, могут терминологически обозначаться с использованием атрибута *афористический* (понятие и термин *афористический*, в свою очередь, целесообразно использовать только по отношению к содержанию афоризмов или тех текстов, в которых используются афоризмы). Афористическим с лингвистической точки зрения может быть (и, соответственно, именоваться) только обобщённо-универсальное содержание афоризма. Все иные трактовки лингвистического термина *афористический* (типа 'лаконичный', 'краткий', 'законченный', 'выразительный', 'глубокий' и т.д.) не являются собственно лингвистическими, поскольку не могут быть непротиворечиво объяснены в терминах лингвистики. Предложенное понимание афористичности позволяет однозначно определить объём афоризмов как специфической разновидности сверхсловных единиц, противопоставить их,

с одной стороны, фразеологизмам, а с другой, всем иным разновидностям фразовых текстов.

На основе установленных признаков можно определить понятие афоризма как объекта лингвистики. Афоризмы — это однофразовые, номинативные, дискурсивно автономные, преимущественно сверхсловные, воспроизводимые, устойчивые единицы, которым могут быть свойственны идиоматичность, оформленность как отдельного текста, а также выразительная (эстетическая) словесная форма, и которые отличаются от всех иных фразовых единиц наличием обобщённо-универсального значения. Универсальный характер обобщения выражаемой действительности является специфическим свойством афоризма, предопределяет два его облигаторных признака — дискурсивную автономность и номинативность, манифестирует субстанциональное качество его семантики как речевой и языковой единицы — афористичность. Данное определение афоризма легло в основу его описания как единицы языка и речи в русском, польском, английском, немецком языках [52] а также белорусском языке [53], на материале литературной афористики [54], крылатых единиц [55], пословиц [56; 57; 58; 59; 60]. Использование предложенного собственно лингвистического понимания афоризма видится наиболее перспективным для дальнейшей разработки проблем афористики [61], при описании пословиц как единиц языка [62; 63] в связи с развитием паремиологии как лингвистической дисциплины [64; 65], а также для определения лингвистического статуса крылатых единиц [66], изучение которых уже обособилось в рамках фразеологии [67] в качестве отдельного направления [68], получившего собственное терминологическое наименование — «эптология» [69].

Так, исследование показало, что подавляющее большинство пословиц имеет все указанные выше облигаторные признаки афоризма (однофразовость, обобщённость значения, номинативность, дискурсивная автономность), а также воспроизводимость и устойчивость, на основании чего пословицы можно считать разновидностью афористических единиц, а паремиологию — частью афористики как лингвистической дисциплины. Крылатые слова в этом смысле дифференцируются на две неравновесные группы — афоризмы (не более 30%) и не афоризмы (около 70%), поэтому должны описываться, соответственно, в рамках афористики и фразеологии, с которыми крылатология (эптология) методологически перекрещивается и из соответствующих частей которых складывается. Такое понимание пословиц и крылатых слов (как разновидностей афоризмов) позволяет не только уточнить их параметры как языковых единиц, но и очертить новое направление исследования, дать ещё один импульс их лингвистическому изучению.

Заключение

В результате анализа фразовых текстов и устойчивых фраз, которые обычно квалифицируются как афоризмы, на материале русского, английско-

го, белорусского и польского языков было установлено, что лингвистически релевантными признаками афоризма (репрезентирующими его как объект лингвистики) являются сверхсловность, однофразовость, обобщённость (значения), номинативность, дискурсивная автономность, текстовая форма, воспроизводимость, устойчивость, идиоматичность, выразительность (словесной формы). Ряд признаков совпадает у афоризмов и фразеологизмов (сверхсловность, воспроизводимость, устойчивость, идиоматичность), но ни один не является для афоризма обязательным. Облигаторными признаками афоризма являются однофразовость, обобщённость значения, номинативность, дискурсивная автономность. Основным (дифференциальным) признаком афоризма как объекта лингвистики является обобщённость значения, которая по отношению к выражаемой действительности приобретает в афоризмах специфический характер — универсализм.

Выделение лингвистически релевантных признаков афоризма позволило определить его в терминах лингвистики как однофразовую, номинативную, дискурсивно автономную, преимущественно сверхсловную, воспроизводимую, устойчивую единицу, которая отличается от всех иных сверхсловных единиц (фразовых текстов и устойчивых фраз) одним специфическим признаком — обобщённостью значения (универсальным обобщением действительности). Этот признак характеризует афоризмы как разновидность лингвистических единиц (фразовых текстов или устойчивых фраз), детерминирует такие их облигаторные свойства, как дискурсивная автономность и номинативность, манифестирует собственно лингвистическое качество их плана содержания — афористичность.

Библиографический список

1. *Иванов Е.Е.* Лингвистика афоризма. Хрестоматия. Минск: Вышэйшая школа, 2018.
2. *Иванов Е.Е.* Аспекты эмпирической квалификации афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. по 2. С. 381—401.
3. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966.
4. *Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М.* Краткий словарь лингвистических терминов. М.: Русский язык, 1995.
5. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985.
6. *Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского.* М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2003.
7. *Иванов Е.Е., Тесленко Е.Г.* Особенности англо-американской терминологии по афористике // *Acta Germano-Slavica.* Вып. 6. 2015. С. 237—248.
8. *Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов.* М.: Большая российская энциклопедия, 2008.
9. *Беларуская мова: энцыклапедыя / пад рэд. А.Я. Міхневіча.* Мінск : БелЭн, 1994.
10. *Українська мова: енциклопедія / гол. ред. В.М. Русанівський, О.О. Тараненко.* Київ: Українська енциклопедія, 2004.
11. *Прохоров Ю.Е.* Афоризм // *Русский язык: энциклопедия.* М.: Советская энциклопедия, 1979.

12. *Королькова А.В.* Русская афористика. М.: Флинта: Наука, 2005.
13. *Мечковская Н.Б.* Жанры афористики и градация высказываний по степени идиоматичности // *Жанры речи*. Вып. 6. 2009. С. 79—111.
14. *Іваноў Я.Я.* Лінгвістычныя прыметы афарыстычных адзінак // *Учэныя запіскі УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*. 2018. Т. 27. С. 78—84.
15. *Іваноў Я.Я.* Абагульненасць зместу як лінгвістычная прымета афарыстычных адзінак // *Вестник МГЛУ. Серия 1: Филология*. 2019. по 3 (100). С. 48—56.
16. *Іваноў Я.Я.* Аднафразавасць як лінгвістычная прымета афарыстычных адзінак // *Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. Серыя А: Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія)*. 2019. по 2 (54). С. 98—103.
17. *Іваноў Я.Я.* Ідыяматычнасць як лінгвістычная прымета афарыстычных адзінак // *Вестні БДПУ імя М. Танка. Серыя 1: Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія*. 2019. по 2. С. 100—105.
18. *Іваноў Я.Я.* Намінацыйнасць як лінгвістычная прымета афарыстычных адзінак // *Веснік ГрДУ імя Я. Купалы. Серыя 3: Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія*. 2019. Т. 9. по 3. С. 76—83.
19. *Іваноў Я.Я.* Дыскурсіўная самастойнасць як лінгвістычная прымета афарыстычных адзінак // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки*. 2019. по 10. С. 100—103.
20. *Іваноў Я.Я.* Тэкставасць як лінгвістычная прымета афарыстычных адзінак // *Известия ГГУ им. Ф. Скорины. Серия «Гуманитарные науки: История. Филология. Философия»*. 2019. по 4 (115). С. 66—72.
21. *Іваноў Я.Я.* Узнаўляльнасць і ўстойліваасць як катэгарыяльныя прыметы афарыстычных адзінак // *Веснік МДПУ імя І.П. Шамякіна*. 2019. Т. 1 (53). С. 119—125.
22. *Фюрстенберг А.И.* Афоризм // *Большая Советская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, Т. 2*. 1970. С. 434.
23. *Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И.* Афористика. М.: Наука, 1990.
24. *Іваноў Я.Я.* Лаканізм // *Беларускі фальклор: энцыклапедыя: у 2 т. Мінск: БелЭн, Т. 2*. 2006. С. 7—9.
25. *Иванов Е.Е.* О различии отношений фразеологических и афористических единиц к слову // *Славянская фразеология в синхронии и диахронии*. 2011. Вып. 1. С. 254—258.
26. *Донгак С.Б.* Афоризм // *Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник*. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 90—92.
27. *Гаврин С.Г.* Афористическая фразеология как лингвистическая категория // *Учёныя запіскі ПГПИ*. 1971. Т. 87. С. 3—23.
28. *Гаврилова Е.Н.* Универсальные высказывания и другие обобщающие суждения // *Филологические науки*. 1986. по 3. С. 56—62.
29. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Национально-культурная семантика языковых афоризмов // *Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. М.: Русский язык, 1990. С. 71—80.
30. *Прохоров Ю.Е.* Лингвострановедческое описание афористики в учебных целях: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 1977.
31. *Шмарина В.И.* Универсальное высказывание и лингвистические средства его выражения (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 1975.
32. *Кузьмич В.* Жгучий глагол: словарь народной фразеологии. М.: Зелёный век, 2000.
33. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1991.
34. *Ridout R., Witting C.* English Proverbs Explained. London: Pan Books, 1969.
35. *Шкраба І., Шкраба Р.* Крынічнае слова: беларускія прыказкі і прымаўкі. Мінск: Мастацкая літаратура, 1987.
36. *Іванова С.Ф., Іваноў Я.Я.* Польшка-беларускі парэміялагічны слоўнік = *Polsko-białoruski słownik paremiologiczny*. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2007.

37. *Грасиан Б.* Карманный оракул, или Наука благоразумия // *Грасиан Б.* Карманный Оракул. Критикон. М.: Наука, 1984. С. 5—65.
38. *Лепешаў І.Я., Якалцэвіч М.А.* Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна: ГрДУ імя Я. Купалы, 2011.
39. *Береговская Э.М.* Стилистика однофразового текста (на материале русского, французского, английского и немецкого языков). М.: URSS: Ленанд, 2015.
40. *Ярхо В.Н.* Менандр — поэт, рожденный заново // *Менандр.* Комедии. Фрагменты. М.: Наука, 1982. С. 380—435.
41. *Аиукин Н.С., Аиукина М.Г.* Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. М.: Художественная литература, 1987.
42. *Federowski M.* Lud białoruski na Rusi Litewskiej: materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877—1905: t. I—IV. T. IV. Warszawa: Towarzystwo naukowe Warszawskie, 1935.
43. Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / склад. М.Я. Грынблат. Мінск: Навука і тэхніка, 1976.
44. *Иванова С.Ф., Иваноў Я.Я.* Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў. Мінск: БФС, 1997.
45. *Лепешаў І.Я.* Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: у 2 т. Мінск: БелЭн, 1993.
46. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. Мінск: БелЭн, 1996.
47. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.
48. *Мечковская Н.Б.* Номинативный и коммуникативный уровни языковой структуры: в какой мере им присущи свойства воспроизводимости и идиоматичности единиц? // Труды ИРЯ им. В.В. Виноградова. 2019. Т. 20. С. 147—159.
49. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981—1984.
50. *Тарланов З.К.* Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1999.
51. *Янкоўскі М.А.* Паэтыка беларускіх прыказак. Мінск: Вышэйшая школа, 1971.
52. *Иванов Е.Е.* Лингвистика афоризма. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2016.
53. *Иваноў Я.Я.* Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2017.
54. Słownik aforyzmów a cytatów z literatury polskiej od XVI do XX wieku / под ред. Е.Е. Иванова. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2005.
55. *Иваноў Я.Я.* Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. — XX ст.: тлумачальны слоўнік. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2011.
56. *Ivanov E.* Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian). Prague: RSS, 2002.
57. *Иванов Е.Е., Мокіенко В.М.* Русско-белорусский паремиологический словарь. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2007.
58. English-Belarusian Paremiological Dictionary / пад рэд. Я.Я. Иванова. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2009.
59. *Иваноў Я.Я., Раманова Н.К.* Belarussisches-Deutsch paremiologisches Wörterbuch. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2006.
60. *Иванов Е.Е.* Антипословицы Рунета: типология и словарь. Минск: Право и экономика, 2009.
61. *Королькова А.В.* Афористика в контексте русской культуры. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2018.
62. *Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокіенко В.М.* Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. no 3. С. 34—43.
63. *Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В.* Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вест-

- ник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 2. С. 265—284.
64. Паремииология в дискурсе / под ред. О.В. Ломакиной. М.: URSS: Ленанд, 2015.
65. Паремииология без границ / под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020.
66. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Крылатика в современном культурном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 2. С. 256—272.
67. Шулежкова С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М.: Азбуковник, 2002.
68. Дядечко Л.П. Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность. Киев: Видавництво Київського університету, 2002.
69. Дядечко Л.П. «Крылатый слова звук», или Русская эптология. Киев: КНУ им. Т. Шевченко, 2006.

References

1. Ivanov, E.E. (2018). *Linguistics of aphorism*. A Reading Book. Minsk: Higher School Publ. (In Russ.).
2. Ivanov, E.E. (2019). Aspects of empirical understanding of aphorism. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 381—401. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401. (In Russ.).
3. Akhmanova, O.S. (1966). *Dictionary of Linguistic Terms*. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija. (In Russ.).
4. Vasilyeva, N.V., Vinogradov, V.A. & Shakhnarovich, A.M. (1995). *A short dictionary of linguistic terms*. Moscow: Russkij jazyk. (In Russ.).
5. Rosenthal, D.E. & Telenkova, M.A. (1985). *Dictionary of Linguistic Terms*. Moscow: Prosveshhenie (In Russ.).
6. The English-Russian Dictionary of Linguistics and Semiotics (2003). A.N. Baranov & D.O. Dobrovolsky (eds.). Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute Press. (In Russ., in English).
7. Ivanov, E.E. & Teslenko, E.G. (2015). Features of Anglo-American terminology on aphoristics. *Acta Germano-Slavica*, 6, 237—248.
8. Russian language: encyclopedia (2008). Yu.N. Karaulov (ed.). Moscow: Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. (In Russ.).
9. Belarusian language: encyclopedia (1994). A.E. Mikhnevich (ed.). Minsk: Belarusian Encyclopedia Publ. (In Belarusian).
10. Ukrainian language: encyclopedia (2004). V.M. Rusanivsky & O.O. Taranenko (eds.). Kyiv: Ukraïn'ska enciklopedija. (In Ukrainian).
11. Prokhorov, Yu.E. (1979). Aphorism. *Russian language: encyclopedia*. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija. p. 26. (In Russ.).
12. Korolkova, A.V. (2005). *Russian aphoristics*. Moscow: Flinta & Nauka Publ. (In Russ.).
13. Mechkovskaya, N.B. (2009). Genres of aphoristics and gradation of statements according to the degree of idiomaticity. *Genres of speech*, 6, 79—111. (In Russ.).
14. Ivanov, E.E. (2018). Linguistic properties of aphoristic units. *Scientific notes of Vitebsk State P.M. Masherov University*, 27, 78—84. (In Belarusian).
15. Ivanov, E.E. (2019). Generalization of meaning as a linguistic sign of aphoristic units. *Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1: Philology*, 3(100), 48—56. (In Belarusian).
16. Ivanov, E.E. (2019). One-phrase form as a linguistic sign of aphoristic units. *Bulletin of Mogilev State A. Kuleshov University. Series A: Humanities (History, Philosophy, Philology)*, 2 (54), 98—103. (In Belarusian).

17. Ivanov, E.E. (2019). Idiomatic as a linguistic property of aphoristic units. *Bulletin of the Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University. Series 1: Pedagogy, Psychology, Philology*, 2, 100—105. (In Belarusian).
18. Ivanov, E.E. (2019). Nominativeness as a linguistic property of aphoristic units. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 3: Philology, Pedagogy, Psychology*, 9, 3, 76—83. (In Belarusian).
19. Ivanov, E.E. (2019). Discourse autonomy as a linguistic property of aphoristic units. *Herald of Polotsk State University. Series A: Humanity Science*, 10, 100—103. (In Belarusian).
20. Ivanov, E.E. (2019). Textuality as a linguistic sign of aphoristic units. *Proceedings of Francisk Scorina Gomel State University Series: Humanities (History, Philology, Philosophy)*, 4 (115), 66—72. (In Belarusian).
21. Ivanov, E.E. (2019). Reproducibility and fixability as linguistic characteristics of aphoristic units. *Bulletin of the Mozyr State I.P. Shamyakin Pedagogical University*, 1 (53), 119—125. (In Belarusian).
22. Furstenberg, A.I. (1970). Aphorism. *Great Soviet Encyclopedia: in 30 vol.* Moscow: Soviet Encyclopedia Publ., 2, 434. (In Russ.).
23. Fedorenko, N.T. & Sokolskaya, L.I. (1990). *Aphoristics*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).
24. Ivanov, E.E. (2006). Laconicism In *Belarusian folklore: encyclopedia: in 2 vol.* Vol. 2. Minsk: Belarusian Encyclopedia Publ. pp. 7—9. (In Belarusian).
25. Ivanov, E.E. (2011). On the difference in the relationship of phraseological and aphoristic units to the word. *Slavic phraseology in synchronicity and diachrony*, 1, 254—258. (In Russ.).
26. Dongak, S.B. (2003). Aphorism In *Culture of Russian speech: encyclopedic dictionary*. Moscow: Flinta & Nauka Publ. pp 90—92. (In Russ.).
27. Gavrin, S.G. (1971). Aphoristic phraseology as a linguistic category. *Scientific notes of Permian State University*, 87, 3—23. (In Russ.).
28. Gavrilova, E.N. (1986). Universal utterance and other generalizing statements. *Philological sciences*, 3, 56—62. (In Russ.).
29. Vereshchagin, E.M. & Kostomarov, V.G. (1990). National-cultural semantics of linguistic aphorisms In *Language and culture: linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language*. Moscow: Russian language Publ. pp. 71—80. (In Russ.).
30. Prokhorov, Yu.E. (1977). *Linguistic and regional description of aphoristics for educational purposes* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
31. Shmarina, V.I. (1975). *Universal utterance and linguistic means of its expression (on the material of the English language)* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
32. Kuzmich, V. (2000). *Burning verb: a dictionary of folk phraseology*. Moscow: Green Age Publ. (In Russ.).
33. Zhukov, V.P. (1991). *Dictionary of Russian Proverbs and Sayings*. Moscow: Russian language Publ., (In Russ.).
34. Ridout, R. & Witting, C. (1969). *English Proverbs Explained*. London: Pan Books.
35. Shkraba, I. & Shkraba, R. (1987). Source word: Belarusian proverbs and sayings. Minsk. (In Belarusian).
36. Ivanova, S.F. & Ivanov, E.E. (2007). *Polish-Belarusian Paremiological Dictionary*. Mogilev: Mogilev University Press. (In Polish, in Belarusian).
37. Gracian, B. (1984). Pocket Oracle, or the Science of Prudence In *Gracian, B. Pocket Oracle. Criticon*. Moscow: Nauka Publ. 5—65. (In Russ.).
38. Lepeshev, I.Ya. & Yakoltsevich, M.A. (2011). *Explanatory dictionary of proverbs*. Grodno University Press. (In Belarusian).
39. Beregovskaya, E.M. (2015). Stylistics of one-phrase text (based on the material of Russian, French, English and German). Moscow: URSS & Lenand Publ. (In Russ.).
40. Yarkho, V.N. (1982). Menander is a poet born again In *Menander. Comedy. Fragments*. Moscow: Nauka Publ. pp. 380—435. (In Russ.).

41. Ashukin, N.S. & Ashukina, M.G. (1987). *Winged Words: Literary Quotes. Figurative expressions*. Moscow. (In Russ.).
42. Federowski, M. (1935). *Lud białoruski na Rusi Litewskiej: materiały do etnografji słowiańskiej zgromadzone w latach 1877—1905: vols. I—IV. Vol. IV*. Warszawa: Towarzystwo naukowe Warszawskie. (In Polish).
43. Proverbs and sayings: in 2 vol. (1976). M.Ya. Greenblatt (comp.). Minsk: Science and Technology Publ. (In Belarusian).
44. Ivanova, S.F. & Ivanov, E.E. (1997). *Dictionary of Belarusian proverbs, sayings and winged words*. Minsk: BFS Press. (In Belarusian).
45. Lepeshau, I.Ya. (1993). *Phraseological dictionary of the Belarusian language: in 2 vols*. Minsk: Belarusian Encyclopedia Publ. (In Belarusian).
46. Explanatory dictionary of the Belarusian literary language (1996). M.R. Sudnik & M.N. Cryuko (eds.). Minsk: Belarusian Encyclopedia Publ. (In Belarusian).
47. Baranov, A.N. & Dobrovolskiy, D.O. (2008). *Aspects of the theory of phraseology*. Moscow: Znak Publ. (In Russ.).
48. Mechkovskaya, N.B. (2019). Nominative and communicative levels of linguistic structure: to what extent do they have the properties of reproducibility and idiomaticity of units? *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, 20, 147—159. (In Russ.).
49. Dictionary of the Russian Language: in 4 vols. (1981—1984). A.P. Evgenieva (ed.). Moscow: Russkij jazyk. (In Russ.).
50. Tarlanov, Z.K. (1999). *Russian proverbs: syntax and poetics*. Petrozavodsk: PSU Press. (In Russ.).
51. Jankowski, M.A. (1971). *Poetics of Belarusian proverbs*. Minsk: Higher School Publ. (In Belarusian).
52. Ivanov, E.E. (2016). *Linguistics of aphorism*. Mogilev: Mogilev University Press. (In Russ.).
53. Ivanov, E.E. (2017). *Aphoristic units in the Belarusian language*. Mogilev: Mogilev University Press. (In Belarusian).
54. Słownik aforyzmów a cytatów z literatury polskiej od XVI do XX wieku (2005). E.E. Ivanov (ed.). Mogilev: Mogilev University Press. (In Polish).
55. Ivanov, E.E. (2011). *Winged aphorisms in the Belarusian language: Foreign literature and VIII of the sources in folklore — XX century: the explanatory dictionary*. Mogilev: Mogilev University Press. (In Belarusian).
56. Ivanov, E.E. (2002). *Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian)*. Prague: RSS Press. (In English).
57. Ivanov, E.E. & Mokienko, V.M. (2007). *Russian-Belarusian Paremiological Dictionary*. Mogilev: Mogilev University Press. (In Russ., in Belarusian).
58. English-Belarusian Paremiological Dictionary (2009). E.E. Ivanov (ed.). Mogilev: Mogilev University Press. (In English, in Belarusian).
59. Ivanov, E.E. & Romanova, N.K. (2006). *Belarusian-German Paremiological Dictionary*. Mogilev: Mogilev University Press. (In Belarusian, in German).
60. Ivanov, E.E. (2009). *Runet anti-proverbs: typology and dictionary*. Minsk: Law & Economics Publ. (In Russ.).
61. Korolkova, A.V. (2018). *Aphoristics in the context of Russian culture*. Smolensk: Smolensk University Press. (In Russ.).
62. Bredis, M.A., Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019). The proverb in modern linguistics: definition, status, functioning. *Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and intercultural communication*, 3, 34—43. (In Russ.)
63. Bredis, M.A., Dimoglo, M.S. & Lomakina, O.V. (2020). Paremiias in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguocultural Potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (2), 265—284. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284. (In Russ.).

64. Paroemiology in Discourse: General and Applied Issues of Paremiology. Proverb in discourse and in text. Proverb and language picture of the world (2015). O.V. Lomakina (ed.). Moscow: Lenand Publ. (In Russ.).
65. Paroemiology without borders: monograph (2020). E.N. Antonova, M.A. Bredis, T.E. Vladimirova, L.N. Gishkaeva, E.E. Ivanov, E.I. Zinoviev, D.D. Komova, O.V. Lomakina, A.S. Makarova, V.M. Mokienko, N.Yu. Nelyubova, E.K. Nikolaeva, E.I. Seliverstova, N.N. Semenenko, F.G. Fatkullina, R.Kh. Khairullina, Cao C., M.A. Bredis & O.V. Lomakina (eds.). Moscow: RUDN Press. (In Russ.).
66. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019). Catch phrases in the modern cultural context. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 256—272. doi: 10.22363 / 2313-2299-2019-10-2-256-272. (In Russ.).
67. Shulezhkova, S.G. (2002). *Catchwords (winged words) of the Russian language, their sources and development*. Moscow: Azbukovnik Publ. (In Russ.).
68. Dyadechko, L.P. (2002). *Winged words as an object of linguistic description: history and modernity*. Kiev State T. Shevchenko University Press. (In Russ.).
69. Dyadechko, L.P. (2006). *«Winged words sound», or Russian eptology*. Kiev National Taras Shevchenko University Press. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Иванов Евгений Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики факультета иностранных языков, Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова (Беларусь); *e-mail*: ivanov-msu@mail.ru

Information about the author:

Eugene E. Ivanov, PhD of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics at the Faculty of Foreign Language, Mogilev State A. Kuleshov University (Belarus); *e-mail*: ivanov-msu@mail.ru.

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-707-715

УДК: 811.411.21'36

Научная статья / Research article

Та-марбута как грамматический и семантический показатель: харф или аффикс?

В.Н. Зарытовская

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Российская Федерация, 117198
zarytovskaya-vn@rudn.ru

В статье рассматривается функциональное значение такого графического воплощения буквы та, как та-марбута (та-связанная), не вошедшая в арабский алфавит. Традиционно включаемая в арабистике в раздел фонетики-графики как специфическое по написанию и правилам чтения явление, а также узкий параграф грамматики, связанный с указанием на категорию женского рода, та-марбута, как следует из семантического сравнения и сопоставления отобранных нами арабских слов, которые по своему морфологическому составу отличаются исключительно наличием/отсутствием этого аффикса, выполняет более сложную роль в языке. Ставится вопрос о корректности наименования та-марбутой буквой (харфом) или аффиксом, характеристики которого ей присущи. Установленный нами широкий спектр использования та-марбутой в качестве аффикса женского рода, аффикса единичности, субстантивации и др., а также раскрытые и систематизированные смысловые оттенки слов с той же основой с та-марбутой и без нее, позволяют говорить о том, что данный аффикс многофункционален и действует на различных уровнях языка — от морфологии до семантики. На основе анализа обширного материала делаются выводы о высокой продуктивности та-марбутой как словоизменительного и словообразовательного форманта, позволяющего передавать целый ряд уточняющих значений, а не просто аффикса женского рода. Уточняются лексико-грамматические разряды слов, которые участвуют в словообразовании вместе с этим аффиксом — масдары определенных пород глагола, имена собирательные, относительные прилагательные, реже качественные прилагательные и др. Все это в конечном итоге говорит об арабском языке как языке современном и развитом, способном передавать тончайшие смысловые оттенки, а также имеющем большой потенциал образования новых лексических единиц.

Ключевые слова: арабский язык, та-марбута, собирательные имена, аффикс женского рода, словообразовательные форманты, *субстантивация*

История статьи:

Дата поступления: 12.08.2020

Дата приема в печать: 15.09.2020

© Зарытовская В.Н., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Зарытовская В.Н. Та-марбута как грамматический и семантический показатель: харф или аффикс? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 4. С. 707—715. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-707-715

UDK: 811.411.21'36

Ta-Marbuta as Grammatical and Semantic Indicator: Harf or Affix?

Victoria N. Zarytovskaya

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN)
6, Miklukho-Maklaya, Moscow, Russia, 117198
zarytovskaya-vn@rudn.ru

Abstract. The article discusses the functional significance of such a graphic embodiment of the letter ta as ta-marbuta (ta-linked), which is not available in the Arabic alphabet. Traditionally included in Arabic studies in the phonetics-graphic section as a phenomenon specific to writing and reading rules, as well as a narrow grammar paragraph related to the female category indicator, ta-marbuta, as follows from the semantic comparison of the Arabic words selected by us, which in their own way morphological composition differ only in the presence of this affix, performs a more complex role in the language. The question is raised about the correctness of the name of ta-marbuta by letter (harf) or affix, the characteristics of which are inherent in it. The wide range of uses of ta-marbuta as a feminine affix, uniqueness affinity, substantiation, etc., as well as open and systematized semantic distinguishing shades of words with the same basis with ta-marbuta and without it, allow us to say that this affix has to be established as multifunctional and operates at various levels of the language — from morphology to semantics. Based on an analysis of the vast material, conclusions are drawn about the high productivity of ta-marbuta as an inflectional and word-formation formant, which allows transmitting a number of qualifying values, and not just a female affix. The lists of words that participate in word formation along with this affix are clarified — masdars of certain types of the verb, collective names, relative adjectives, less often high-quality adjectives, etc. All this ultimately speaks of the Arabic as a modern and developed language that can convey the most subtle semantic nuances, as well as having great potential for the formation of new lexical units.

Keywords: Arabic, ta-marbuta, collective names, feminine affix, word formants, substantiation

Article history:

Received: 12.08.2020

Accepted: 15.09.2020

For citation:

Zarytovskaya, V.N. (2020). Ta-Marbuta as Grammatical and Semantic Indicator: Harf or Affix? *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (4), 707—715. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-707-715

Введение

Арабский язык, согласно традиционной морфологической классификации, определяется как флективный с элементами фузии и агглютинации и согласно традиционной синтаксической классификации — как синтетиче-

ский. Все разнообразие арабских аффиксов было отмечено Ф.Ф. Фортунатовым, который выделил его в семье семитских языков «в особый промежуточный класс флективно-агглютинативных языков с особым флективно-агглютинативным составом производных слов. К сожалению, идеи Ф.Ф. Фортунатова не нашли должной поддержки среди лингвистов и не получили дальнейшей разработки, в связи с чем арабский язык по-прежнему рассматривается как язык флективный» [1. С. 1].

Уникальные системные фонетические (ударение, полная и паузальная формы слова, чередование длинных и коротких гласных и др.) и грамматические (интерфиксы, без которых невозможно глагольное словообразование пород со второй по десятую, ломаных моделей множественного числа, масдары (отглагольные существительные со значением процесса названного действия), сохранившееся у всех частей речи формы двойственного числа и др.) категории арабского языка остаются объектом изысканий как зарубежных, так и отечественных исследователей [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9].

Однако своеобразие арабского языка составляют и другие явления, не имеющие аналогов в европейских языках, которые принято относить исключительно к области графики. Так, при изучении арабского языка как иностранного обращает на себя внимание такая его особенность, как двоякое написание буквы **та** (соответствует русскому звуку [т]) — либо в виде т.н. в арабской языковедческой традиции вытянутой **та** — **ت** — та-мамдуда, либо в виде т.н. связанной **та** — **ط** — **та-марбута**, при начертании которой концы длинной **та** как бы соединяются друг с другом. Причем последняя не выделяется в составе алфавита, стоит только в конце слова, когда вытянутое **та** появляется во всех трех позициях в слове — *начальной срединной и конечной*. Закономерно возникает вопрос: *хотя та-марбута и определяется в качестве харфа (буквы), не обладает ли она на самом деле всеми характеристиками аффикса? Кроме того, та-марбута не имеет традиционного для арабских харфов числового значения. В потоке речи этот знак читается как обычный звук [т], а при остановке, паузальной форме чтения и произношения (на письме — перед знаками препинания) превращается в звук, близкий к южнорусскому г. С графическим его обозначением, буквой ха, та-марбута сходна — ه, если не считать двух диакритических точек над корпусом буквы та, отсутствующими над ха. Характерно, что ошибочное написание ه вместо ط часто встречается у носителей арабского языка как родного.*

Если ограничиться потребностями графики арабского языка, в алфавит которого входят 28 букв-харфов, обозначающих согласные звуки, и правилами выразительного классического чтения с чередованием полных и паузальных форм слов, невозможно объяснить настоятельную необходимость введения этого дополнительного знака для **та** в язык. Закономерно предположить, что разные графические варианты **та** и особые условия употребления та-марбуты несут как минимум какую-то разграничительную функцию на более сложных уровнях языка, как грамматический или смысловой.

Материалы и результаты исследования

При анализе массива идентичных слов без та-марбуты и с ней, извлеченных в том числе из арабско-арабского словаря-тезауруса, известного в арабистике как "Аль-мунджид" [10], на предмет грамматических категорий, в них содержащихся, и совпадения-несовпадения в их наборах сем, становится очевидно, что таких функций несколько:

1) графический показатель имени на письме

Нет сомнения, что та-марбута, при условии, что в арабском на письме пропускаются гласные звуки (огласовки при необходимости проставляются поверх строки), стала дополнительным ориентиром, помимо порядка следования членов предложения, помогающим читающему определить функции слов в предложении. Та-марбута некоторым образом выступила как компенсация за пропуск гласных на письме, затрудняющий понимание — только по внешней уже форме слова на первом этапе восприятия текста, зрительном его охвате, в арабском возможно отделить имена (существительные, прилагательные, причастия) от глагола (написание которого через та-марбуту исключено, глагол женского рода пишется с та-мамдутой на конце), и тем самым безошибочно осмыслить сообщение, производя меньшее количество мыслительных операций. Аналог этой распознавательной функции та-марбуты трудно подобрать в европейских языках. Ср.:

Она приняла гостей.	أنها قابلت الضيوف
Она способна на гостеприимство.	إنها قابلة علي أحسن الضيافة
Она с радушием приняла Али в гостях.	إنها قابلت علي أحسن الضيافة
или	
Ты напечатал для него?	طبعته له؟
У него особый характер .	له طبيعة خاصة.

2) словоизменятельный **аффикс женского рода и единственности** одновременно. С его помощью имена, способные менять род (одушевленные существительные, прилагательные, действительные и страдательные причастия) приобретают категорию другого рода в единственном числе, оставаясь по сути словом с тем же самым значением, не приобретая никаких коннотаций или меняя случаи употребления в контексте. В арабском таких слов больше, чем в русском, т.к. слова общего рода практически не встречаются. Т.е. для арабского органичны и нейтральны такие слова, как *пассажирка*, *врачиха*, *профессорша* и т.д. Более того, употребить в отношении женщины *врач* или *директор* в м.р. неприемлемо:

учитель — учительница	مدرس — مدرسة
ученик — ученица	تلميذ — تلميذة
новый — новая	جديد — جديدة
быстрый — быстрая	سريع — سريعة
читающий — читающая	قارئ — قارئة
жареный — жареная	مقلي — مقالية

3) показатель единичности в определенных лексических группах

Та-марбута служит также для обозначения единичности собирательных имен, указания на их часть, а не на общее понятие в целом. В семантический состав слова с та-марбутой, которое с приобретением этого графического знака автоматически становится женского рода, встраивается сема «часть, кусок, брусок, зернышко» и т.д. Прежде всего это касается таких лексических разрядов, как названия овощей, фруктов, растений, животных, материалов и т.д., представляющих довольно широкий лексический пласт языка, особенно в арабском, где частотны именно образования с та-марбутой, нежели словосочетания типа *ватный диск, зернышко кунжута* и др. :

коровы (а) — корова	بقرة — بقر
совы (а) — сова	بومة — بوم
огурцы — огурец	خيار — خيار
тыквы (а) — тыква	قرع — قرعة
оливки — оливка	زيتون — زيتونة
кунжут — кунжутное зернышко	سمسم — سمسة
деревья — дерево	شجر — شجرة
кирпич — кирпичик	أجر — آجرة
мясо — кусок мяса	لحم — لحمة
хлопок — кусочек ваты	قطن — قطنة
страна — деревушка	بلد — بلدة
сахар — кубик сахара	سكر — سكرة

4) показатель единичности действия

Именно **та**-марбута выполняет ту же роль в арабском языке, что и некоторые аффиксы русских отглагольных существительных, указывающих на единичность действия. Логично, что **та**-марбута указывает не только на единичность имени, но и действия. Как известно, арабское отглагольное существительное — масдар, обозначающий действие как процесс, традиционно мужского рода для всех пород правильных глаголов, кроме 3-й. Для выражения единичности действия масдар меняет род на женский с помощью добавления к нему связанной **та**, и далее от новообразования со значением единичного действия уже можно образовывать формы множественного числа для обозначения повторяемых единичных действий, что исключено для масдара (он существует только в единственном числе). При этом форма множественного числа при таком вторичном словообразовании, как здесь, так и в лексических группах, о которых речь шла в предыдущем пункте, конструируется строго по правильной модели, не ломающей основу слова. Данное правило образования глаголов единичного действия распространяется не на все глаголы в силу их смысловых особенностей, поэтому на практике касается не всех пород арабского глагола, а только 1-й, 7-й и 8-й.

улыбка — улыбка — улыбки	ابتسام — ابتسامة — ابتسامات
волнение — восстание — восстания	انتفاض — انتفاضة — انتفاضات
смешки — смех — смешок	ضحك — ضحكة — ضحكات
врагья — ложь	كذب — كذبة

5) часть словообразовательного аффикса абстрактного существительного

В арабском языке слово с абстрактным значением часто, но не всегда, образуется от относительного прилагательного, которое в свою очередь образовано от существительного, по следующей схеме: существительное — относительное прилагательное (добавлен суф. **ийй**) — абстрактное существительное (добавлен суффикс **ат**):

слово + **ي** + **ة**

участие — социалистический — социализм	اشتراك — اشتراكى — الاشتراكية
вечность — вечный — бесконечность	أبد — أبدي — الأبدية
монастырь — монашеский — монашество	دير — ديرى — ديرية
изобретение — креативный — креатив	ابتكار — مبتكر — مبتكرية

Иногда словообразование следует цепочке: глагол — страд.прич. — абстрактное сущ. с тем же формантом:

опекаемый, фаворит — опека, фаворитизм	حسب — محسوب — محسوبة
--	----------------------

6) словообразовательный аффикс инструмента

Та-марбута также выступает аффиксом, с помощью которого образуются имена-инструменты от модели профессии (деятеля) *fa*a:l*. От других моделей слова, называющие инструменты, образуются по-другому:

подслушивающий (человек) — телефонная трубка	سماع — سماعة
пахарь — плуг	حراث — حراثة
летчик — самолет	طيار — طيارة
пропольщик — инструмент для прополки	قلاعة — قلاعة

7) словообразовательный аффикс с различными уточняющими смежными значениями

У арабского масдара, который, как уже упоминалось, как правило, представляет слово м.р., есть возможность стать основой для образования еще одного существительного с помощью такого форманта, как **та**-марбута. Аналогичные возможности открыты и для неотглагольных существительных, но такие случаи не столь частотны. Спектр дополнительных, вносимых при словообразовании, оттенков значений велик. Это может быть причина — следствие, действие — результат, материал — изделие, слово с более узким значением, применяемое в определенной сфере — *экономика, медицина, религия* и др. Члены словообразовательного ряда могут быть связаны также по смежности в пространстве, какой-то внешней схожести, основанной на метафоре, как например название происхождения от слова излом огласовки кясры, соответствующей короткому звуку [и], при произнесении которого губы искривляются, как бы ломаются, *и др.*:

волна, всплеск недовольства и др.

(туризма, начало (действия) —	انطلاق — انطلاقا
забота, внимание — знак внимания	التفات — التفاتة
описание — рецепт	وصف — وصفة
заклинание — амулет	تعويذ — تعويذة
ожирение (как процесс) — полнота (как результат)	تخم — تخمة

возвращающийся — доход	عائد — عائدة
свинец — пуля	رصاص — رصاص
уголок глаза — плач	مأق — مأقة
тишина, бездвижение — удар, insult	سكت — سكتة
экономия, хранение средств — средства на хранении	خزن — خزنة
взгляд — мгновение	لحظ — لحظة
смешение — смесь	لبك — لبكة
парашютист — сталактит	هابط — هابطة
покой, бездвижение — парусная лодка	سكون — سكونة
бросок — накидка, покрывало	طرح — طرح
офис — библиотека, книжный магазин	مكتب — مكتبة
разрушение — отклонение (от веры)	خرب — خربة
излом — ясра	كسر — كسرة

8) В некоторых случаях та-марбута выступает **словообразовательным аффиксом для слов совершенно другого семантического поля**. Таким образом, в словообразовательном гнезде собираются слова, не связанные общей семантикой:

кролик — кончик носа	أرنب — أرنب
обмакивание — крученая нить	مرس — مرسة
маринад — високосный год	كبيس — كبيسة
хранение, сохранение — гнев	حفظ — حفظة
часть (ночи) — проступок, преступление	جرح — جنحة

9) аффикс субстантивации

Ряд причастий, в основном производных пород на *му-*, и качественных прилагательных арабского языка (модель *fa*i:l*) при сращении с та-марбутой субстантивируются. Образованные от качественных прилагательных существительные, как видно из примеров, становятся более конкретными значениями и, соответственно, узкого употребления:

запутывающий — проблема	مشكل — مشكلة
усложняющий — проблема, дилемма	معضل — معضلة
ставящий в тупик — неловкая ситуация	مخرج — مخرجة
утяжеляющий — утяжелитель	متقل — متقلة
организованный — организация	منظم — منظمة
регистрирующий — магнитофон, диктофон	مسجل — مسجلة
годный для проживания, населенный —	
заселенные территории, Земля	معمور — المعمورة
скороспелый — почки, ростки	بكير — بكيرة (بكاثر)
редкий, удивительный — свежая новость	طريف — طريفة
зеленый — газон	خضير — خضيرة

Выводы и обобщения

Таким образом, на основе проанализированного нами материала возникает вопрос о корректности определения самой та-марбуты как лингвистическо-

го термина в качестве харфа (буквы) или аффикса арабского языка. Традиционное арабское языкознание, как известно, не дает нам ответа на этот вопрос, поскольку относит к категории харфа (буквы) все единицы языка, кроме глагола и имени, которые не имеют самостоятельного корня, не различая таким образом букв от предлогов, не говоря уже об аффиксах. В российской и западной арабистике принято именование та-марбуты в качестве особого варианта написания буквы **та**, что закрепилось, как можно предположить, на основе одинакового звучания **та** и та-марбуты, а также общих элементов графики. При этом вопрос о том, что это полноценный суффикс, выраженный звуком [т], графически отличающийся от остальных букв алфавита, не рассматривался, за исключением образования форм женского рода.

Описанные нами 9 функций употребления та-марбуты в арабском языке указывают на то, что данный знак является не просто графическим вариантом написания **та** в определенных простых грамматических случаях, не только показателем женского рода, а продуктивным словоизменительным и словообразовательным формантом, имеющим все признаки суффикса: фонологический облик, закрепленное следование за корнем, противопоставление материальной сущности слова и др. Слова, образованные с помощью та-марбуты, кроме изменения грамматической категории рода на женский, в большинстве случаев трансформируются семантически. Спектр возможных дополнительных значений для образований весьма широк. Все это, на наш взгляд, обогащает словарь арабского языка и позволяет причислить его к наиболее выразительным развитым мировым языкам современности, способным к передаче тончайших оттенков смысла.

Кроме того, арабская та-марбута еще раз подтверждает закономерность: чем больше словоформ выделяется в языке, тем с меньшим количеством значений связана каждая из них, и наоборот, чем меньше словоизменительных форм в структуре языка, тем больше элементов смысла передает каждая из них.

Библиографический список

1. Вавичкина Т.А. Морфологическая структура глагольного слова в арабском и русском языках (типологический анализ). Автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 2003.
2. Versteegh K. The Arabic language. NY: Columbia University Press, 2001.
3. Sawaiе M. Fundamentals of Arabic grammar. London: Routledge, 2014.
4. Яковенко Э.В. Неправильные глаголы арабского языка. М.: Восточная литература, 2000.
5. Дубинина Н.В. Глаголы арабского языка. Правильные и неправильные корни. М.: Восток-Запад, 2005.
6. Шелестова О.В. Сопоставительный анализ способов словообразования аффиксальных глаголов английского и арабского языков // Вестник Вятского государственного университета. 2008. no 3. С. 122—126.
7. Аль-Фоади Р.А., Зарытовская В.Н. К вопросу о внутренней флексии корней в арабском и русском языках (флективный анализ структуры корня) // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. 2019. Т. 19. no 3. С. 268—275.

8. Аль-Фoadи Р.А. О канонической фонограмматической близости двойственного числа в русском и арабском языках // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. no 2. С. 157—161.
9. Dugalich N.M. Universal and Culturally Specific Features and Linguistic Peculiarities of The Political Cartoon in the Arabic and French Languages // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2020. no 11 (3). P. 479—495.
10. *Al Munjid*. Arabic-Arabic dictionary Beirut: Dar al-Mushriq, 2000.
11. Аффикс. Лингвистический энциклопедический словарь. Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html> (дата обращения: 01.05.2020).

References

1. Vavichkina, T.A. (2003). *Morphological structure of the verb in Arabic and Russian (typological analysis)* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
2. Versteegh, K. (2001). *The Arabic language*. N.Y.: Columbia University Press.
3. Sawaie, M. (2014). *Fundamentals of Arabic grammar*. London: Routledge.
4. Yakovenko, E.V. (2000). *Irregular verbs of the Arabic language*. Moscow: Vostochnaya Literatura. (In Russ.).
5. Dubinina, N.V. (2005). *Verbs of the Arabic language. Right and wrong roots*. Moscow: Vostok-Zapad. (In Russ.).
6. Shelestova, O.V. (2008). *Comparative analysis of word formation methods for affix verbs in English and Arabic*. *Vyatka State University Bulletin*, 3, 122—126. (In Russ.).
7. Al-Foadi, R.A. & Zarytovskaya, V.N. (2019). On the issue of internal root inflection in Arabic and Russian (inflective analysis of the root structure). *Bulletin of the Saratov University. Series: Philology. Journalism*, 19 (3), 268—275. (In Russ.).
8. Al-Foadi, R.A. (2015). On the canonical phonogrammatic proximity of the dual in Russian and Arabic. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University*, 2, 157—161. (In Russ.).
9. Dugalich N.M. (2020). Universal and Culturally Specific Features and Linguistic Peculiarities of The Political Cartoon in the Arabic and French Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (3), 479—495.
10. *Al Munjid* (2000). Arabic-Arabic dictionary Beirut: Dar al-Mushriq. (In Arab.).
11. Affix. Linguistic Encyclopedic Dictionary. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html> (accessed: 05/01/2020) (In Russ.).

Сведения об авторе:

Зарытовская Виктория Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН; *сфера научных интересов*: сопоставительное языкознание, функциональная грамматика и лексикология арабского языка, методика преподавания арабского языка, современная арабская литература; *e-mail*: widaad@yandex.ru. SPIN-код: 4434-9391, Orchid: 0000-0001-9910-7913.

Information about the author:

Victoria N. Zarytovskaya, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences of the RUDN University. The sphere of research includes: comparative linguistics, functional grammar and lexicology of the Arabic language, methods of teaching the Arabic language, modern Arabic literature; *e-mail*: widaad@yandex.ru. SPIN-код: 4434-9391, Orchid: 0000-0001-9910-7913.

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-716-732

УДК: 811.411.21'36

Научная статья / Research article

Особенности просодической организации некоторых понятийных элементов эвфемизма

С.А. Логвина

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
*просп. Академика Вернадского, д. 4, г. Симферополь, Республика Крым,
Российская Федерация, 295007*
svet.logvina@mail.ru

Данная статья посвящена анализу просодических особенностей оформления языковых форм в пределах номинативного процесса эвфемизма. Психолингвистический потенциал эвфемизма формирует сложный феномен с образными, вербальными, невербальными, а также силенциальными составляющими и имеет своеобразное интонационно-просодическое оформление, что маркирует эвфемизмы в устной речи и, как следствие, влияет на уровень приоритетности воспринимаемой информации в коммуникативном акте. В основу исследования легли полусинтетические высказывания, содержащие элементы эвфемистического характера, а именно «эвфемизмы-автоматизмы». Отдельные монологические утверждения, взятые из интервью, были проанализированы с акцентом на такие просодические характеристики, как ритмическая организация высказывания и паузация до и после эвфемизма-автоматизма. Аудио- и акустический анализ позволил нам прийти к выводам, что при формировании ритмического рисунка эвфемистического высказывания определяющее значение имеет драматизация как субъективный психолингвистический фактор. При усиливающейся драматизации действия растет ритмическое напряжение и изменяется распределение ударностей. Ритмический рисунок эвфемистических высказываний имеет равномерный, четкий и последовательный узор. Паузация используется для усиления значимости базового денотативного значения, однако этот процесс не отличается регулярностью и зависит от внешних и внутренних условий, в которых реализуется эвфемистическое высказывание. Пауза *до* коррелирует с объемом затраченных на создание «эвфемизма-автоматизма» когнитивных усилий индивида. Пауза *после*, по мнению автора, выступает как компенсация лексической «примитивности» и рассчитана на усиление эвфемистического прагматического эффекта с помощью экстралингвистических компонентов. Это свидетельствует о том, что в тех случаях, когда эвфемистический прагматический потенциал достигается не за счет лексической составляющей, он компенсируется посредством просодической маркировки. Подводя итоги, автор полагает, что построение однозначного единого алгоритма фонетического оформления эвфемизмов-автоматизмов в речи не представляется возможным.

Ключевые слова: эвфемистическое высказывание, полусинтетическая речь, паузация, ритмическая организация речи, языковая социализация, инкультурация, эвфемизмы-автоматизмы

© Логвина С.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 10.04.2020

Дата приема в печать: 15.09.2020

Для цитирования:

Логвина С.А. Особенности просодической организации некоторых понятийных элементов эвфемизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 4. С. 716—732. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-716-732

UDK: 811.411.21'36

Euphemism: Prosodic Organization of Conceptual Components

Svetlana A. Logvina

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

4, Prospekt Vernadskogo, Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation, 295007

svet.logvina@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the formation of linguistic forms within the nominative process of euphemism. The psycholinguistic potential of euphemism forms a complex phenomenon with figurative, verbal, non-verbal, as well as silence components, has a peculiar intonational-prosodic design, which marks euphemisms in oral speech and, as a result, affects the level of priority of the information used in the communicative act. The study was based on semi-synthetic statements, elements of a euphemistic nature, namely “euphemisms-automatisms”. Selected monologic statements taken from interviews were analyzed with an emphasis on prosodic characteristics such as rhythmic utterances and pauses before and after euphemism-automatism. Audio and acoustic analysis allows us to conclude that in the formation of a euphemistic utterance, dramatization is of decisive importance as a subjective psycholinguistic factor. Increasing dramatization contributes to the growth of rhythmic tension and the distribution of stress. The rhythmic pattern of euphemistic utterances has a steady and consistent design. Pause is used to enhance the significance of the basic denotative meaning; however, this process does not differ in regularity and depends on what happens by internal and internal factors. The pause *before* correlates with the volume of the individual’s cognitive efforts spent on creating the “euphemism-automatism”. The pause *after*, according to the author, offers compensation for the lexical “primitiveness” and is designed to enhance the euphemistic pragmatic effect with the help of extralinguistic components. This indicates that in cases where the euphemistic pragmatic potential is not provided due to the lexical component, it is compensated by means of prosodic labeling. Summing up, the author provides that the construction of an unambiguous unified algorithm for the phonetic design of euphemisms-automatisms in speech is not possible.

Key words: euphemistic utterance, semi-synthetic speech, pause, rhythmic organization of speech, linguistic socialization, inculturation, euphemisms-automatisms

Article history:

Received: 10.04.2020

Accepted: 15.09.2020

For citation:

Logvina, S.A. (2020). Euphemism: Prosodic Organization of Conceptual Components. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (4), 716—732. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-716-732

Введение

Современные исследования в области психолингвистики характеризуются повышенным интересом как отечественных, так и зарубежных исследователей к различным функциям естественного языка, которые остаются неэмулируемыми, т.е. исключительно человеческими, и приобретают особое значение в эру информационных технологий. Основную сложность для эмуляции функций естественного языка составляет его социализация, которая характеризуется освоением речевых норм социальной среды, речевых традиций, стереотипов, а также элементов и структуры языка и их последующей, не имеющей четких параметров, инкультурацией. Изучение особенностей языковой социализации, включая совокупность факторов, регулирующих реализацию устного общения, имеет значительную теоретическую и методологическую базу, что дает представление о динамике изменений, вовлекающих говорящих и их культуры, определяя процесс их социализации в языке и через язык [1; 2; 3; 4].

Одним из инструментов инкультурации индивида является эвфемизм, генезис и эволюция которого сопряжены не только с биопсихологическим своеобразием индивида, но и имеют ценностные ориентации, обусловленные особенностями переживания фактора адаптации к окружающей действительности, т.е. демонстрирует безусловную социальную детерминацию [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11 и др.].

Эвфемистический код живого языка представляет собой уникально организованную систему языковых знаков и фонических маркировок, сублимацию процессов познания и преобразования действительности через призму личного опыта, эмоциональных переживаний, сложных психических и психологических процессов, экстериоризируя внутренние интенции путем создания семантических коррелятов, тождественных результату аналитической деятельности, удовлетворяющей потребности гармоничного социального взаимодействия индивида в конкретной ситуации.

Психолингвистический потенциал эвфемизма формирует сложный феномен с образными, вербальными, невербальными, а также силенциальными составляющими и, как мы полагаем, имеет своеобразное интонационно-просодическое оформление, что маркирует эвфемизмы в устной речи и, как следствие, влияет на уровень приоритетности воспринимаемой информации в коммуникативном акте. Кроме того, заметим, что «паузы, выделяющие тропы в основном речевом потоке, будут примерно одинаковыми (от нескольких десятых секунды до нескольких секунд). Длина таких пауз зависит от множества причин (темы, ситуации коммуникации и т.д.), в том числе от лонгитюдности процесса означивания и дешифровки тропа. Кроме того, нами выявлена следующая особенность: в момент создания тропа интонация повышается и эмоциональность высказывания нарастает. Подчеркнем, что мелодика высказывания не остается константной во время произнесения

тропа, в частности, самые значимые лексемы высказывания выделяются интонаемой» [12. С. 123]. Полагаем, что эти выводы вполне применимы и для эвфемизма, принадлежащего к образной страте языковой системы и имеющего в своей основе механизм метафоризации.

Очевидно, что норма речевого взаимодействия предполагает свой ритм, при котором элементы чередуются в определенном семантически, синтаксически и просодически в обусловленном порядке без противоречий (когерентность). Компиляция релевантности и когерентности представляет собой сложную систему и коррелирует с языковой и речевой нормой, а также с речеповеденческой нормой, нарушения которой (даже преднамеренная нейтрализация стигматичных характеристик исходного концепта) в реальном общении носят маркированный дискурсивно-риторический и эмотивно-прагматический характер и могут служить индикаторами иносказательности и выразительности в рамках языкового содержания и речевого поведения.

Кодируя свое эвфемистическое высказывание, говорящий, наряду с лингвистическими, использует и экстралингвистические средства (просодические, кинетические, проксемические, а также визуальные), которые дополнительно экспонируют эвфемистическую интенцию автора.

Нами было замечено, что на просодическом уровне функционирование эвфемистических единиц сопровождается: изменениями тональности, вербализацией на фоне пауз до и после произнесения, особой сегментацией текста, также может сопровождаться различными психофизиологическими явлениями (плач, кашель, смех, вздох и т.д.), которые коррелируют с индивидуально-психологическими качествами индивида и процессами его когнитивной деятельности. *Целью* данной статьи является анализ принципов просодической сегментации устной полусинтетической речи для выявления особенностей фонетического оформления эвфемизмов, которые выделяют их из общего потока речи и привлекают внимание слушателя. Полагаем, что результаты анализа помогут в дальнейшем составить план проектирования эвфемистического дискурса посредством систематизации и последующей формализации интонационно-просодической спецификации (уникальности) элементов, образующих эвфемистический код языка.

Эвфемистический апеллатив

Несмотря на многократные попытки ученых выделить четкие критерии идентификации эвфемизмов в рамках языкового поля, параметры и границы этих критериев остаются размытыми и не являются универсальными, а отнесение слов и выражений к эвфемистическим далеко не всегда является однозначным и бесспорным. Учеными исследуются различные как по объему, так и по составу наборы признаков идентификации эвфемизмов, что связано с изучением данного явления в отдельно взятом аспекте. Наше исследование направлено на изучение характеристик просодического оформления элементов эвфемистического апеллатива в речи в зависимости от категориальных

признаков. Согласно нашим наблюдениям эвфемистический апеллятив представляет собой все многообразие вербальных форм, возможных к созданию в рамках одного понятия как результат синтеза трех составляющих — понятия, образа и оценки, где понятийный субстрат отражает денотативную основу концепта, перцептивно-образный фиксирует его ассоциативный и метафорический фон (который включает как общие значения, так и уникальные) в языковом сознании, а оценочный компонент указывает на место, которое это понятие занимает в лингво- и этнокультуре индивида. Эвфемистический апеллятив располагает мощным вербальным ресурсом (синонимические ряды, лексико-семантические поля, метафорические образы, символы, материализующие объекты материальной и духовной культуры), предлагаемым языковой системой и речевой практикой. Масштаб реализации эвфемистического апеллятива напрямую связан со значимостью понятия для лингвокультурного сообщества, а также с аксиологической перспективой или теоретической ценностью того внеязыкового явления, которое воплощено во всем его когнитивно-семантическом объеме.

Учитывая опыт ученых в области классификации эвфемизмов, мы предлагаем свою классификацию эвфемизмов, которая носит интралингвистический характер, т.е. основывается непосредственно на процессах обработки информации, пополнения и модификации структур эвфемистического знания, что дает представление о способах анализа, структурирования и концептуализации как конкретных, так и абстрактных признаков эвфемизма.

Согласно развиваемой нами теоретической концепции такой феномен как эвфемизм, может быть представлен следующими подгруппами:

- эвфемизмы-автоматизмы. Так, если реализованный индивидом однажды лингвистический знак (в эвфемистической функции) имел желаемый эффект или индивид стал свидетелем такого эффекта, то он автоматически освобождается (свойство психики) от дополнительной иннервации, необходимой для создания эвфемизма «по случаю». Употребляя эвфемистические выражения, находящиеся «на поверхности», индивид затрачивает минимум интеллектуальных усилий, что тождественно отражается на количестве и качестве когнитивных процессов.

- эвфемистические симулякры — знаки, прагматические функции которых носят исключительно симулятивный характер, именуются псевдоэвфемизмами, или эвфемистическими симулякрами. К таким симулякрам можем отнести социально-политические манипулятивные обороты (как правило, такие встречаются в политической, военной, рекламной и корпоративной сферах, например, *зачистка* или *операция* — о военных действиях), которые вводят в заблуждение, прикрывая негативные социальные проблемы лингвистическими конструкциями, похожими на эвфемизм, но таковыми не являются. В таком случае создается только видимость обмена информацией, однако адресату умышленно не дают понять, о чем же на самом деле идет речь, искажая истинную суть явлений, пытаясь манипулировать оценкой и

восприятием тех или иных событий, тем самым отвлекая его от важных аспектов реальной жизни.

- собственно эвфемизмы — знаки, которые представляют собой сложный интеллектуальный объект, при кодировании которого индивид всегда идет на преодоление автоматизма в выборе средств из числа уже готовых, опираясь на принцип гуманности. Такое творческое отношение к созданию эвфемизма, в терминах научного подхода, называется каузальным, т.е. созданным для конкретного случая. Такой эвфемизм имеет высокий прагматический потенциал, а также сознательную вовлеченность индивида в его формирование, что требует повышенной мозговой активности и, полагаем, может отражаться на временном хронометраже, а в речи иметь характерное просодическое оформление.

Просодическое оформление эвфемистической номинации

Первичному анализу подлежит дифференциация просодического оформления при оформлении эвфемистической подгруппы «эвфемизмы-автоматизмы» в полусинтетической речи в жанре интервью. Для полусинтетической речи, которая является «промежуточным звеном» между спонтанной и подготовленной типами речи, характерны просодические особенности как спонтанной, так и подготовленной речи. Поскольку задача интервьюера в рамках интервью состоит в том, чтобы получить как можно больше информации о «госте» и цель достигается путем постановки большого количества личных вопросов, спикер часто может предсказать эти возможные вопросы и аспекты, которые будут обсуждаться во время интервью. Однако говорящий не может постоянно контролировать самопроизвольную речь из-за недостаточной подготовленности и возможных неожиданных вопросов от интервьюера, что приводит к ряду пауз в колебаниях. Паузы появляются в полусинтетической речи, когда формирование мысли происходит одновременно с речевым выражением. Паузы используются говорящими, чтобы найти желаемое слово или выражение, желаемый порядок слов, чтобы выразить чувства. Частота использования пауз зависит от индивидуальных особенностей человека, его физического и психического состояния, от того, насколько хорошо говорящий понимает содержание, и т.д. [13. С. 492].

Локализация интонационных границ в озвучиваемом тексте составляет одну из главных задач акцентно-интонационного транскриптора, который является обязательным блоком в любой системе автоматического синтеза речи. В этом же блоке для каждой интонационной границы решается вопрос об оформлении границы физической паузой, и в случаях, где это признается необходимым, паузе приписывается ее категориальная длительность [14; 15], поэтому продолжительность паузы считается важным критерием их классификации. Стоит отметить, что длительность паузы имеет особое значение в спонтанной и полусинтетической речи [16; 17]. Это зависит от многих пере-

менных, таких как сложность и стиль высказывания, индивидуальная манера говорящего, отношения между говорящим и интервьюером и т.д. В настоящем исследовании мы опираемся на следующую градацию паузы: удлиненная — более 2000 миллисекунд (||||); длинная — 500—2000 мс (|||); средняя — 300—500 мс (||); короткая — 100—300 мс (|); очень короткая — до 100 мс (|).

Для проведения такого анализа нами было проработано 160 англоязычных речевых ситуаций, содержащих высказывания группы «эвфемизмы-автоматизмы», которые являются частью ответов в ходе интервью. В качестве анализируемой базы данных использовались видеоматериалы свободного доступа, взятые на видеохостинге YouTube, которые преобразовывались через онлайн видеоконвертер. Анализ включал такие просодические параметры, как характер интонационной шкалы, терминальный тон и особенности приостановки речи информаторов. Акустический анализ проводился с помощью компьютера. Просодические характеристики полусинтетической речи проводила программа PRAAT 5.3.8 [18], которая облегчает акустический анализ с помощью интонограмм, автоматически регистрируемых компьютерной программой PRAAT. Информаторы были представлены случайной выборкой.

Для наглядности предоставим выборку из десяти примеров нашего анализа.

Таблица 1

Эвфемизм (выделены ударные сегменты)	Пауза до, сек.	Пауза после, сек.	Интенсивность
<i>people who look like me</i>	()	()	средняя
<i>in between jobs</i>	()	() 0,566	высокая
<i>the n-word</i>	()	()	средняя
<i>a person of colour</i>	() (вместо паузы — соединительный <i>as</i>)	()	средняя
<i>underground business</i>	() <i>this is like you know</i>	() (после вступает соединительный <i>well</i>)	высокая, в конце фразы
<i>people that are comfortable with racism</i>	() 0,393	()	средняя
<i>an inclusive world</i>	()	() 0,416 (в связи с тем, что э. в конце предложения)	слабая (заядерная позиция)
<i>special chairs</i>	()	() 0,409 (в связи с тем, что э. в конце предложения)	высокая, ядерная позиция
<i>different lessons</i>	()	() 0,181 (после вступает соединительный <i>ehm</i>)	средняя
<i>broke with the protocol</i>	() 0,87 (диктор новостей делает паузы перед сказуемым)	() 0,221	средняя

Одним из важных элементов, создающих ритм полусинтетической речи, является динамика слогов, чередование акцентно-ритмических фигур (АРФ). Для ритмических рисунков эвфемизмов-автоматизмов характерно присутствие правильных АРФ разных типов в пределах фразы, это значит, что ударную позицию занимают чаще всего самостоятельные части речи, а реже служебные. Рассмотрим подробно две ситуации в качестве примера.

Пример 1: В данном примере респондентом является женщина средних лет, ученый мусульманского вероисповедания Даля Могад, во время интервью она одета в черный хиджаб, что ярко экспонирует ее национальную принадлежность и традиции в одежде. Наряду с внешней символикой проблема восприятия мусульман сегодня в мире активно обсуждается в ходе самого интервью. Приведем отрывок из интервью.

— *What do you think when you look at me? What do you see: A woman of faith? An expert, a mom, may be even a sister? Or oppressed, brainwashed, potential terrorist? Or just airport security line delay... If some of your perception were negative, I don't blame you. That's just how the media has been portraying people who look like me.* Перевод с англ. — Что вы думаете, когда смотрите на меня? Что вы видите: верующую женщину? Эксперта, маму, может быть, даже сестру? Или угнетенную, с промытыми мозгами, потенциального террориста? Или просто виновника задержки на линии безопасности в аэропорту ... Если некоторые из перечисленных именовании были вами восприняты негативно, я не виню вас. Именно таким образом масс-медиа изображает **таких людей, как я** (здесь и далее переводы выполнены нами — Л.С.).

В этом примере очевидными являются два стигматичных компонента, которые можно отнести к одному понятию «мусульманка», а именно: роль женщины-мусульманки в современном мире (стереотип в современном сознании затворницы, которая занимает подчиненное положение в семье и обладает ограниченными социальными правами), и восприятие представителей мусульманской веры в международном сообществе. В свете трагических террористических событий во всем мире понятие «мусульманин» приобрело отрицательное значение для представителей другого вероисповедания, поэтому выражение «*people who look like me*» в данном контексте можно считать эвфемизмом по отношению к понятию «мусульманка».

В приведенном нами отрывке представлены несколько вариантов вторичной номинации данного понятия, среди которых есть эвфемизмы: *a woman of faith* (верующая мусульманская женщина) и *just airport security line delay* (причина задержки на линии безопасности в аэропорту) и дисфемизмы *oppressed, brainwashed, potential terrorist*. Примером эвфемизма-автоматизма является лишь выражение «*people who look like me*», поскольку для создания такой эвфемистической замены автор прибегает лишь к простым механизмам сравнения (базовый когнитивный механизм), не вдаваясь в детали и не создавая никаких ассоциативных образов, затрачивая при этом минимум усилий.

Этот «механический» характер лексической трансформации отражается и в фонетическом оформлении высказывания, не выделяя (ни тоном, ни ударением) эвфемизм-автоматизм из общей структуры предложения. Проинтонируем предложение, в состав которого входит эвфемизм-автоматизм. *That's just how the media has been portraying people who look like me.*

Из интонограммы видно, что эвфемизм-автоматизм не выделяется из общей тональности предложения. Ударную позицию занимает глагол *look*, что соответствует стандартным моделям чередования акцентно-ритмичных фигур повествовательного предложения английского языка.

Пример 2: В этом примере негативные коннотации содержатся в лексеме «инвалид». В этом интервью респондент, будучи человеком с ограниченными способностями, рассуждает на тему адаптации и взаимодействия окружающего мира и людей с ограниченными физическими способностями и о проблемах, которые стоят на пути такого взаимодействия. Опираясь на свой опыт, немолодой мужчина использует термин *inclusive*, который имеет положительное значение «всесторонний, всеохватывающий», как, например, в выражении *all inclusive* (с англ. «все включено»), что ассоциируется с системой обслуживания в отелях, при которой питание, напитки и многие виды услуг включены в стоимость проживания. Однако термин *inclusive* в сочетании с *education* обозначает образование детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью. Выражение *inclusive world* в интервью использовалось для определения условий окружающей среды, адаптированной для комфортного проживания лиц с ограниченными возможностями здоровья с учетом особенностей их психофизического развития и индивидуальных возможностей. Как видно из примера, устойчивое выражение «доступная среда» *inclusive environment* трансформировалось в *inclusive world* за счет синонимии и расширения первоначального значения (генерализации). В отличие от *environment* — с англ. «окружающая среда» — лексическая единица «мир» имеет более широкую семантику (используется для описания человеческой истории и опыта). Эвфемистический эффект высказывания в таком случае достигается благодаря тому, что репрезентация концепта базового уровня происходит за счет обращения к средствам репрезентации концепта суперординатного уровня, для которых не характерна оценка, т. е. обращение к этим концептам позволяет нейтрализовать негативную оценку исходной номинации. По нашему мнению, такого рода преобразования носят усеченный характер, что позволяет отнести это выражение к группе эвфемизмов-автоматизмов.

Приведем интонаграмму предложения, которое содержит эвфемизм-автоматизм. I often fail in adapting to the requirements of an *inclusive world*. (перевод с англ. — Я часто терплю неудачу, адаптируясь к требованиям инклюзивного мира.)

Ядерный компонент оформлен убывающей АРФ, что следует логике интонирования повествовательного предложения и позволяет не выделять эвфемистическое высказывание из общего потока, не создавая при этом контрастного противопоставления с просодической организацией соседних фраз, о чем свидетельствует преимущественно средняя интенсивность предъявления эвфемистических высказываний, отмеченная в таблице.

Намного реже ударное положение занимают служебные части речи, те, которые влияют непосредственно на значение высказывания, например: *in between jobs* — ударным является предлог «между», который, будучи составной частью идиоматического высказывания *to be in between jobs*, определяет смысловую нагрузку всего высказывания. *We will discuss some tips and tricks to stay positive and motivated even during the stressful period when we are in between jobs.* — (с англ. Мы обсудим некоторые советы и приемы, которые помогут оставаться позитивными и мотивированными даже в период стресса, когда мы находимся без работы.) Понятие «безработица» притеняется за счёт положительного упоминания лексической единицы «работа» (без предлогов без- и не-) и предлога «между», который сигнализирует об обязательном наличии последующей работы, что позволяет рассматривать нынешнее состояние (без работы) как перерыв между работами, тем самым формируя значение эвфемизма. Однако по причине частого использования вероятность этого эвфемистического апеллятива быть воспринятым как эвфемизм уменьшается. Используя эвфемистические выражения, находящиеся «на поверхности», индивид затрачивает минимум интеллектуальных усилий, что позволяет отнести его к группе эвфемизмов-автоматизмов.

Как видно из примеров, ритмический рисунок эвфемистических высказываний имеет равномерный, четкий и последовательный узор. По мнению экспертов, ритмическая организация речи отражает существенные, глубинные механизмы ее порождения и функционирования, а ритмическое напряжение достигается концентрацией ударностей с малой дистанцией между ними с тенденцией к перемещению на начало строки [19. С. 15]. В проанализированных нами выражениях отмечено равномерное распределение ударностей, что свидетельствует о слабом напряжении.

Влияние речевого ритма на аудиторию весьма значительно, учитывая тот факт, что ни слушатели, ни сам Говорящий зачастую не предают ритмической структуре полусинтетической речи особого значения. Это значит, что

информация, структурированная с помощью ритмических средств, воспринимается слушающим без предварительного анализа и сознательной оценки. Ритмические элементы, которые сегментируют эвфемистическое высказывание, не меняют выразительность речевого материала, что транслирует уверенность Говорящего и влияет на степень его комфортного восприятия слушателями, что, по мнению ученых, обеспечивает оптимальное влияние на аудиторию [20. С. 7].

Наибольшую интенсивность имеют эвфемизмы-автоматизмы, которые находятся в ядерной позиции в конце высказывания, как например: «*We can keep them safe. Uh ... and we can make sure that uh... you know if this is like some **underground business** ... well they should pay taxes as well.*» (с англ. Мы можем сохранить их безопасность. Э-э ... и мы должны убедиться, что ... вы понимаете, если это как какой-то подпольный бизнес ... ну, они тоже должны платить налоги.) В данном случае оформление эвфемизма-автоматизма *underground business*, которое является вторичной номинацией понятия «проституция», характеризуется употреблением целого ряда соединительных междометий и междометных выражений: *uh., you know, well, like*, что впоследствии приводит к длинной паузе — 500—2000 мс (||||) или может быть приравнено к длинной паузе по причине долготы звучания. Соединительные междометия *as, ehm, well* и т.п., которые предваряют или завершают эвфемистическое высказывание, могут быть приравнены к паузации, поскольку они не несут смысловую нагрузку.

Анализ эмпирического материала показывает, что паузы присутствуют как перед, так и после эвфемизма-автоматизма. Паузация *до* преимущественно представлена короткими (до 100 мс.) интервалами, что свидетельствует о когнитивной основе формирующегося эвфемизма, однако длина паузы подтверждает наше предположение о том, что частые актуализации «эвфемизмов-автоматизмов» связаны не только с культурным и социальным набором условий, но и подчинены законам биологической эволюции, как умение следовать выученным алгоритмам, складывать интеллектуальные объекты в рамках определённой и отработанной однажды задачи, что приводит к минимизации интеллектуальных усилий и тождественно отражается на количестве и качестве когнитивных процессов, а также имеет как фоническую, так и хронометрическую спецификацию. Паузация *после* имеет значительно увеличенные показатели (наличие длинных пауз до 560 мс.).

Мультимодальный характер эвфемистического апеллятива

В терминах и определениях научного подхода мультимодальной (мультимодальной) лингвистики, которая «изучает все реальное многообразие «живой» коммуникации между людьми: слова, интонацию, жестикуляцию, направление взгляда, мимику» [21. С. 136], эвфемистический апеллятив представляет собой совокупность всех компонентов, факторов и характеристик, на которые опирается адресат при кодировании и адресант при деко-

дировании эвфемизма как знака. Учитывая формальную близость единиц разных модальностей (вокальная модальность (вербальный и просодический каналы), движения глаз (окуломоторный канал), жесты головы (цефалический канал) и жесты рук (мануальный канал), участвующих в формировании и выражении смысла эвфемизма, считаем рациональным дальнейшее исследование эвфемизма на основе временной координации [22. С. 161] разномодальных единиц на общей временной шкале. Рассматривая модальный характер эвфемизма не изолированно, а во взаимодействии разнородных каналов, необходимо учитывать ряд важных закономерностей. Одной такой закономерностью является интегральное опережение (преимущество) ранних жестикуляционных единиц, соответствующих им вокальных единиц [23; 24; 25], что нашло отражение во внедрении трех критериев соответствия жестикуляционных единиц речевым: два вида т.н. относительной точности пересечения и гармоническое среднее [26. С. 289]. Считается, что жестикуляция не только дублирует информацию, которая передается через речь, но и передает дополнительную информацию [27. С. 302], тем самым расширяя объем эвфемизма.

Ученые доказали, что невербальные характеристики (кинетическое поведение, просодическая вариативность и т.д.) коммуникативного акта [28. С. 8] так же, как и вербальные, во многом определяются темой разговора, которая предрасполагает к определенным типам жестов и относительному положению собеседников и т.д. [29. С. 139]. Такая тематическая обусловленность апеллятива и многоканальность средств выражения смысла позволит нам в дальнейшем развивать научную теорию эвфемистического дискурса как «единства текста и коммуникативной ситуации» [30. С. 233].

Обратимся к нашему первому примеру¹, в котором женщина-ученый мусульманского вероисповедания кодирует свое высказывание на нескольких уровнях: лингвистическом — семантическом и грамматическом — и экстра и паралингвистическом — просодическом, кинетическом и визуальном (акцентирует, ставит в ударную позицию «люди, которые выглядят, как я»). В этой части нашей работы обратимся непосредственно к экстра- и пара-лингвистическим околоречевым элементам, которые придают высказыванию эвфемистическую «тональность». Подробно остановимся на каждом из них:

- просодические средства выражения, находясь в прямой зависимости от психологических характеристик и когнитивных процессов индивида, транслируют эмоциональное состояние Говорящего. В нашем примере, несмотря на обсуждение «болезненной» для себя темы, спикер избрал ровную тональность и стандартное для повествовательного предложения чередование акцентно-ритмических фигур, демонстрируя уверенность в содержательном

¹ Mogahed, D. What it's like to be a Muslim in America // TEDx Talks. URL: https://www.youtube.com/watch?v=wzkFoetp_M.

компоненте своего высказывания. Спикер не использует характерных дополнительных просодических элементов, таких как вздох, смех, кашель и т.д.;

- кинетические средства — в рамках данного интервью спикер пытается держать непрерывный визуальный контакт с аудиторией (не отводя взгляд в сторону, не опуская глаза ниц и т.д.), чем формирует доверительное отношение к беседе. Что же касается мимических характеристик, то очевидным является тот факт, что вербальному эвфемизму-автоматизму предшествует выражение «озадаченности» (приподнятые и сведенные над переносицей брови) на словах «как описывает массмедиа», и на моменте произнесения самого автоматизма мимика меняется (широко открытые, даже немного выпученные глаза), что, по нашему мнению, призвано выразить возмущение и несогласие с данным фактом. С точки зрения жестового оформления мы видим, что автоматизм произносится на фоне жеста, который указывает на самого Говорящего (две руки указывают в центр груди, ладонями к телу). Такой жест «руки, прикладываемые к груди» помимо указаний на самого себя, по мнению ученых [31], расценивается как открытость и честность, что в очередной раз призвано убедить аудиторию в искренности спикера;

- проксеимические — организация пространства в данном примере обусловлена самим типом беседы, когда Говорящий противопоставляет себя всей аудитории. Но важным фактом для анализа этого примера является именно место проведения интервью. Это сцена конференции TED talks, идея которых заключается в распространении уникальных идей науки, искусства, политики и т.д. В список выступающих на этой сцене попали такие известные личности, как президенты, нобелевские лауреаты и прочие выдающиеся деятели. Так, спикер, указывая на себя, демонстрирует не только «стигматичный» компонент — «мусульманская женщина», но и свой «приоритет» перед теми, кто сидит в этом зале, как ученый и выдающаяся личность, заслужившая право выступать на этой сцене;

- визуальные средства, транслируемые спикером, в анализируемой сегменте активно апеллируют к мусульманской религии и ее роли в мировом пространстве. Атрибуты одежды спикера соответствуют всем канонам ислама, чем неоспоримо демонстрируют ее религиозную позицию.

Выводы

Подводя итоги наших наблюдений, полагаем, что эвфемистический апеллатив как совокупность всех компонентов, факторов и характеристик, имеющих своей главной задачей «смягчение, улучшение и притенение» исходной информации, в рамках философской гуманистической концепции, реализуется посредством компенсаторного механизма «возмещения», когда рефлексорные реакции направлены на устранение или ослабление функциональных сдвигов системы, что позволяет усиливать одни компоненты при ослаблении других. В рамках нашего примера мощным противопоставлением

образу «мусульманки-террористки» служит образ «мусульманки-ученого и незаурядной личности» (выступает на сцене TED), имеющей высокое социальное признание. Такой сильный визуальный эвфемистический компонент позволил «ослабить» как вербальный, так и просодический элементы апеллятива. Эвфемистическим апеллятивом является совокупность всех средств и способов, регулирующих за счет механизма «возмещения», способных выразить эвфемистическую интенцию автора.

Резюмируя результаты проведенного нами просодического анализа подгруппы «эвфемизмы-автоматизмы», мы приходим к выводам, что, апеллируя к сфере автоматических поведенческих реакций и привычек, обусловленных этнической психологией, группа «эвфемизмов-автоматизмов» не демонстрирует единства в фонетическом оформлении. Большинство единиц не выделяются в речи паузами или акцентом, как мы полагаем, имеют более выраженные элементы эвфемистического апеллятива, способные передать эвфемистическую интенцию автора, используя вербальный компонент в минимальном объеме. При формировании ритмического рисунка высказывания определяющее значение имеет драматизация как субъективный психолингвистический фактор; так, при усиливающейся драматизации действия растет ритмическое напряжение и изменяется распределение ударностей. Говорящий использует паузу для усиления значимости базового денотативного значения, однако этот процесс не отличается регулярностью и зависит от внешних и внутренних условий, в которых реализуется высказывание. Это свидетельствует о том, что в тех случаях, когда эвфемистический прагматический потенциал достигается не за счет лексической составляющей, он компенсируется посредством просодической маркировки. В связи с вышеописанными результатами исследования не представляется возможным построение однозначного единого алгоритма фонетического оформления эвфемизмов-автоматизмов в речи. Перспективу исследования видим в анализе экстралингвистических компонентов (вдох, жест и т.д.), участвующих в формировании эвфемистического понятия.

Библиографический список

1. *Duff P.* Language Socialization, Participation and Identity: Ethnographic Approaches // *Martin-Jones M., Mejjia A-M.de, Hornberger N.* (Eds.). *Encyclopedia of Language and Education*. Vol. 3: Discourse and Education. New York: Springer, 2008. pp. 107—119. DOI: https://doi.org/10.1007/978-0-387-30424-3_65.
2. *Legardez A.* L'enseignement de questions sociales et historiques socialement vives // *Le Carrefour de Cléo*. 2003. no 3. P. 245—253.
3. *Morita N.* Discourse Socialization through Oral Classroom Activities in a TESL Graduate Program // *TESOL Quarterly*. 2000. Vol. 34. P. 279—310. DOI: <https://doi.org/10.2307/3587953>.
4. *Ochs E., Schieffelin B.B.* The Theory of Language Socialization // *The Handbook of Language Socialization*. New Jersey: Wiley-Blackwell. 2011. P. 1—21. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781444342901.ch1>.
5. *Ларин Б.А.* Об эвфемизмах // *История русского языка и общее языкознание*. М.: Просвещение, 1977. С. 101—114.

6. *Кацев А.М.* Эвфемизмы в современном английском языке: опыт социолингвистического описания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1977.
7. *Крысин Л.П.* Эвфемистические способы выражения в современном русском языке // Рус. яз. в шк. 1994. no 5. С. 76—82.
8. *Москвин В.П.* Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. М.: ЛЕНАНД, 2010.
9. *Сеничкина Е.П.* Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта; Наука, 2008.
10. *Саакян Л.Н.* Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
11. *Порохницкая Л.В.* Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, французского, испанского и итальянского языков): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014.
12. *Zubkova O.S., Burak M.A.* The empirical research of prosodic organization of tropes in spontaneous public speech // Russian Linguistic Bulletin. 2016. 3 (7). P. 122—124. DOI: 10.18454/RULB.7.10.
13. *Коротаев Н.А.* Просодическая организация сложноподчиненных конструкций // Кибрик А.А., Подлеская В.И. (ред.) Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: ЯСК. 2009. С. 488—522.
14. *Кибрик А.А., Кодзасов С.В., Худякова М.В.* Просодическая транскрипция: уровни детализации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009». М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2009. 8. С. 143—148.
15. *Кривнова О.Ф.* Ритмизация и интонационное членение текста (опыт теоретико-экспериментального исследования): дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГУ, 2007.
16. *Козьма М. П.* Роль ремарки и паузы в создании подтекста (на материале английских и американских художественных текстов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. no 3—2 (69). С. 113—116.
17. *Белицкая А.А.* О роли хезитационных пауз в спонтанной речи // Филология и литературоведение. 2014. no 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philology.snauka.ru/2014/02/697> (дата обращения: 20.03.2020).
18. *Voersma P., Weenink D.* Praat: Doing Phonetics by Computer (Version 5.3.8), 2012 [Computer software]. Режим доступа: <http://www.fon.hum.uva.nl/praat> (дата обращения: 20.03.2020).
19. *Величкова Л.В.* Речевой ритм: механизм психолингвистического исследования // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. no 1. С. 13—23.
20. *Беличенко Л.Г.* Роль и место просодии в системе средств речевого воздействия: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М.: МГПИИЯ им. В.И. Ленина, 1990.
21. *Кибрик А.А.* Мультиmodalная лингвистика // Когнитивные исследования. IV. М.: ИП РАН, 2010. С. 134—152
22. *Федорова О.В., Кибрик А.А., Коротаев Н.А., Литвиненко А.О., Николаева Ю. В.* Временная координация между жестовыми и речевыми единицами в мультиmodalной коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 1—4 июня 2016 г.). no 15 (22). С. 159—170.
23. *Коротаев Н.А.* О временной координации жестикуляционных и речевых единиц в неподготовленной устной коммуникации // Слово и жест: Научная конференция, посвященная памяти Е.А. Гришиной («Гришинские чтения»). Отв. ред. С.О. Савчук. 2018. С. 10—13.
24. *Loehr D.* Temporal, Structural, and Pragmatic Synchrony between Intonation and Gesture // Laboratory Phonology. 2012. Vol. 3 (1). Pp. 71—89. DOI: <https://doi.org/10.1515/lp-2012-0006>.
25. *Переверзева С.И., Гришина Е.А.* Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М.: Языки славянской культуры, 2017.
26. *Кибрик А.А., Коротаев Н.А., Федорова О.В., Евдокимова А.А.* Единая мультиканальная аннотация как инструмент анализа естественной коммуникации // Компьютерная лингви-

- стика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 29 мая — 1 июня 2019 г.). 2019. no 18 (25). С. 265—280.
27. Hostetter A.B. When Do Gestures Communicate? A Meta-Analysis // *Psychological Bulletin*. 2011. Vol. 137 (2). Pp. 297—315. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0022128>.
 28. Litvinenko A.O., Kibrik A.A., Fedorova O.V., Nikolaeva J.V. Annotating Hand Movements in Multichannel Discourse: Gestures, Adaptors and Manual Postures // *The Russian Journal of Cognitive Science*. 2018. Vol. 5 (2). P. 4—17.
 29. Budennaya E.V., Evdokimova A.A., Nikolaeva J.V., Sukhova N.V. Referential Phenomena in Speaker's Kinetic Channels // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. 2020. no 2. С. 133—146. DOI: 10.28995/2075-7182-2020-19-133-146.
 30. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
 31. Ильин Е.П. Психомоторная организация человека. СПб: Питер, 2003.

References

1. Duff, P. (2008). Language Socialization, Participation and Identity: Ethnographic Approaches. In Martin-Jones M., Mejia A-M.de, Hornberger N. (Eds.). *Encyclopedia of Language and Education*. Volume 3: Discourse and Education. New York: Springer. pp. 107—119. DOI: https://doi.org/10.1007/978-0-387-30424-3_65.
2. Legardez, A. (2003). L'enseignement de questions sociales et historiques socialement vives. *Le Cartable de Clio*, 3, 245—253.
3. Morita, N. (2000). Discourse Socialization through Oral Classroom Activities in a TESL Graduate Program. *TESOL Quarterly*, 34, 279—310. DOI: <https://doi.org/10.2307/3587953>.
4. Ochs, E. & Schieffelin, B.B. (2011). The Theory of Language Socialization In *The Handbook of Language Socialization*. New Jersey: Wiley-Blackwell. pp. 1—21. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781444342901.ch1>.
5. Larin, B.A. (1977). On Euphemisms In: *History of the Russian Language and General Linguistics*. Moscow: Prosveshcheniye publ. pp. 101—114. (In Russ.).
6. Katsev, A.M. (1977). *Euphemisms in Modern English: An Experience of Sociolinguistic Description* [dissertation] Leningrad. (In Russ.).
7. Krysin, L.P. (1994). Euphemistic Ways of Expression in Modern Russian. *Russkii yazyk v shkole*, 5, 76—82. (In Russ.).
8. Moskvina, V.P. (2010). *Euphemisms in the Lexical System of the Modern Russian Language*. Moscow: LENAND. (In Russ.).
9. Senichkina, E.P. (2008). *The Dictionary of Euphemisms of the Russian Language*. Moscow: Flinta; Nauka. (In Russ.).
10. Saakyan L.N. (2010). *Euphemism as a Pragmalinguistic Category in the Discursive Practice of indirect verbal persuasion* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
11. Porokhnitskaya, L.V. (2014). *Conceptual Basis of Euphemism in the Language* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
12. Zubkova, O.S. & Burak, M.A. (2016). The Empirical Research of Prosodic Organization of Tropes in Spontaneous Public Speech. *Russian Linguistic Bulletin*, 3 (7), 122—124. DOI: 10.18454/RULB.7.10.
13. Korotaev, N.A. (2009). Prosodic Organization of Complex Structures In *Night Dream Stories: A corpus study of spoken Russian discourse*. Moscow: Languages of Slavonic Culture Publ. pp. 488—522. (In Russ.).
14. Kibrik, A.A., Kodzasov, S.V. & Khudyakova, M.V. (2009). Prosodic Transcription: Levels of Detail. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, 8, 143—148. (In Russ.).
15. Krivnova, O.F. (2007). *Rhythmization and intonation division of the text (the experience of theoretical and experimental research* [dissertation]. Moscow: Moscow State University Publ. (In Russ.).

16. Koz'ma, M.P. (2017). The Role of Remark and Pause in Subtext Creation (by the Material of the English and American Literary Texts). *Philological Sciences*, 3—2 (69), 113—116. (In Russ.)
17. Belitskaya, A.A. (2014). On the Role of Hesitation Pauses in Spontaneous Speech. *Philology and Literature*, 2. URL: <http://philology.snauka.ru/2014/02/697> (accessed: 20.03.2020). (In Russ.).
18. Boersma P., Weenink D. (2012). Praat: Doing Phonetics by Computer (Version 5.3.8) [Computer software]. URL: <http://www.fon.hum.uva.nl/praat>. (accessed: 20.03.2020).
19. Velichkova, L.V. (2002). Speech Rhythm: the Mechanism of Psycholinguistic Research. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 1, 13—23. (In Russ.).
20. Belichenko, L. G. (1990). *The Role and Place of Prosody in the System of Means of Speech Influence* [dissertation]. Moscow: V.I. Lenin Moscow State Pedagogical Institute. (In Russ.).
21. Kibrik, A.A. (2010). Multimodal linguistics. *Cognitive studies*. Moscow, Institute of Psychology Publ., IV, 134—152.
22. Fedorova, O.V., Kibrik, A.A., Korotaev, N.A., Litvinenko, A.O., & Nikolaeva, J.V. (2016). Temporal coordination between gestural and speech units in multimodal communication. *Computational linguistics and intellectual technologies*, 15 (22), 159—170. (In Russ.).
23. Korotaev, N.A. (2018). On the Temporal Coordination of Gestural and Speech Units in Unprepared Oral Communication In *Word and Gesture: Scientific conference dedicated to the memory of E.A. Grishina*. Moscow: Russian Language Institute Publ. pp. 10—13. (In Russ.).
24. Loehr, D. (2012). Temporal, Structural, and Pragmatic Synchrony between Intonation and Gesture. *Laboratory Phonology*, 3(1), 71—89. DOI: <https://doi.org/10.1515/lp-2012-0006>.
25. Pereverzeva, S.I. (2017). *Russian Gestures from a Linguistic Perspective*. Moscow: Yazyki Slavjanskoj Kultury Publ. (In Russ.).
26. Kibrik, A.A., Korotaev, N.A., Fedorova, O.V. & Evdokimova, A.A. (2019). Unified Multi-channel Annotation: A Tool for Analysing Natural Communication. *Computational linguistics and intellectual technologies*, 18 (25), 265—280. (In Russ.).
27. Hostetter, A.B. (2011). When Do Gestures Communicate? A Meta-Analysis. *Psychological Bulletin*, 137 (2), 297—315. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0022128>.
28. Litvinenko, A.O., Kibrik, A.A., Fedorova, O.V. & Nikolaeva, J.V. (2018). Annotating Hand Movements in Multichannel Discourse: Gestures, Adaptors and Manual Postures. *The Russian Journal of Cognitive Science*, 5, 2, 4—17 <http://www.cogjournal.ru/5/2/pdf/LitvinenkoetalRJCS2018.pdf>.
29. Budennaya, E.V., Evdokimova, A.A., Nikolaeva, J.V. & Sukhova, N.V. (2020). Referential Phenomena in Speaker's Kinetic Channels. *Computational linguistics and intellectual technologies*, 2, 133—146. DOI: 10.28995/2075-7182-2020-19-133-146.
30. Karasik, V.I. (2004). *Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
31. Пыин, Е.Р. (2003). *Psychomotor Organization of Man*. Saint-Petersburg: Peter. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Логвина Светлана Андреевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 4 Института иностранной филологии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»; сфера научных интересов: семиотика, прагмалингвистика, когнитивная лингвистика; e-mail: svet.logvina@mail.ru.

Information about the author:

Svetlana A. Logvina, PhD of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign languages No. 4, Institute of Foreign Philology, V.I. Vernadsky Crimean Federal University; Research interests: semiotics, pragmalinguistics, cognitive linguistics; e-mail: svet.logvina@mail.ru.

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-733-744

УДК: 811.161.1'276.6:32:316.77

Научная статья / Research article

Средства имплицитности в жанре русскоязычных политических блогов

Н.Ю. Видинеева

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Пензенский государственный университет
ул. Красная, 40, Пенза, Российская Федерация, 440026
ya.natashavidineeva@yandex.ru

Исследование посвящено описанию жанровых особенностей блога, а также анализу языковых средств, актуализирующих имплицитные смыслы в политических блогах. Непрерывное развитие средств коммуникации ставит перед исследователями задачи изучения особенностей новых медиа. С точки зрения лингвистики одним из наиболее обоснованных подходов к такого рода исследованиям является жанровый подход. Мы полагаем, что прагматическое жанроведение наиболее полно удовлетворяет потребности изучения блогов, т.к. направлено на диалогичность жанра и позволяет учитывать фактор адресанта и адресата. Блог является гибридным жанром, произошедшим из жанра личных дневников. Мы считаем, что блоги могут считаться гипержанром, объединяющим в себе жанр блогерской заметки и жанр комментария. В статье приводятся основные характеристики блога как жанра компьютерно-опосредованной коммуникации. Теория языковых средств имплицитности активно разрабатывается многими учеными.

Нашей целью стало исследование средств имплицитности, к которым прибегают авторы русскоязычных политических блогов. Актуальность изучения проблемы имплицитности и имплицитных смыслов заключается в отсутствии согласованного мнения относительно природы имплицитности. Кроме того, нам представляется актуальной разработка типов языковых средств, реализующих имплицитные смыслы. Описание особенностей языковых средств имплицитности, характерных для интернет-жанров, в частности, жанра блога, также является актуальной исследовательской задачей.

Исследование проводилось качественными общенаучными и лингвистическими методами. Результаты показали, что русскоязычные блогеры склонны использовать стилистически сниженную лексику, фразеологические выражения и аллюзии для выражения негативной имплицитной оценки политическим деятелям и событиям.

Ключевые слова: интернет-жанр, блог, компьютерно-опосредованная коммуникация, политика, имплицитность, сниженная лексика, фразеология, аллюзия

История статьи:

Дата поступления: 15.05.2020

Дата приема в печать: 20.07.2020

© Видинеева Н.Ю., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Видинева Н.Ю. Средства имплицитности в жанре русскоязычных политических блогов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 4. С. 733—744. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-733-744

UDK: 811.161.1'276.6:32:316.77

Means of Implicitness in Russian Political Weblogs

Natalya Yu. Vidineeva

Federal State Government-financed Establishment Penza State University
40, Krasnaya Str., Penza, Russian Federation, 440026
ya.natashavidineeva@yandex.ru

Abstract. The study concerns genre characteristics of weblogs as well as the analysis of linguistic means of implicitness in political weblogs. The ongoing communication media development challenges researches with the investigation of its features. From the linguistic standpoint, the genre approach to media studies seems to be the most relevant. We assume that pragmatic genre studies meet the needs of weblogs investigation in the best possible way. This is due to taking into consideration the genre interlocutory nature and the factors of the speaker and the recipient. A weblog is a hybrid genre originating from personal diaries. We argue that weblogs can be considered a hypergenre which combines a weblog entry and commentaries to it. The theory of linguistic means of implicitness is developed by a number of researches. We aim at investigating the means of implicitness which bloggers tend to use. The relevance of implicit meaning studies lies in the lack of consensus on the nature of implicitness. Moreover, we consider it relevant to develop types of linguistic tools that implement implicit meanings. One more pressing research task is the description of linguistic means of implicitness typical of the Internet genres, specifically of the weblog genre. The study was conducted using qualitative general scientific and linguistic methods. The results show that Russian-speaking bloggers tend to use connotative words, idioms and allusions to implicate a negative assessment of political figures and events.

Key words: Internet genre, weblog, computer-mediated communication, politics, implicitness, connotative vocabulary, phraseology, allusion

Article history:

Received: 15.05.2020

Accepted: 20.07.2020

For citation:

Vidineeva, N.Yu. (2020). Means of Implicitness in Russian Political Weblogs. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (4), 733—744. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-733-744

1. Вводные положения

Непрерывное развитие технологической стороны жизни общества с каждым годом всё больше привлекает исследователей из различных сфер научного знания. Для языковедов интерес представляют особенности коммуникации, опосредованной электронными средствами общения. Компьютерно-опосредованная коммуникация (КОК) некоторыми лингвистами рас-

считается как отдельный речевой жанр, и такой подход позволяет учитывать прагматику воспроизводства и восприятия текстов [1].

Жанры КОК характеризуются особым языком коммуникации между пользователями. В.В. Дементьев отмечает, что «принципиальная установка на несерьезность обуславливает совершенно особые правила коммуникации в интернет-жанрах, в частности использование речевых средств, которые делают несерьезным обычное общение, — правила использования языковой игры и иронии» [2. С. 279].

Наши предыдущие исследования демонстрируют, что и языковая игра, и ирония наряду с другими языковыми средствами являются инструментом актуализации имплицитных смыслов в англоязычных блогах [3. С. 64—75], [4. С. 35—39]. Изучение языковых средств, актуализирующих скрытые смыслы, представляет научный интерес, поскольку позволяет продемонстрировать, какие типы смыслов пользователи Интернета предпочитают не выражать напрямую.

Целью данной статьи является описание блога как жанра КОК. Кроме того, мы рассмотрим средства реализации имплицитности на материале русскоязычного сегмента КОК.

Материалом исследования стали 60 записей русскоязычных политических блогов на платформах ЖивойЖурнал и Яндекс.Дзен. Выборка материала производилась посредством поиска записей по тегам #политика, #обществоиполитика.

Методология исследования основана на качественных методах. Мы привлекали общенаучные методы наблюдения, обобщения, описания, интерпретации. Кроме того, мы использовали лингвистический метод дефиниционного анализа (С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова «Толковый словарь русского языка», А.И. Федоров «Фразеологический словарь литературного русского языка», В.П. Белянин, И.А. Бутенко «Живая речь. Словарь разговорных выражений»). Изучение имплицитности, по мнению исследователей, невозможно без учета контекста [5. С. 42—44], поэтому мы применяли метод контекстного анализа.

2. Характеристики блога как жанра КОК

Жанровый подход к исследованию текстов КОК позволяет, по мнению М. Бауман, решить сразу несколько трудностей, возникающих при анализе письменного текста: проблему неустойчивости форм текстов, проблему новой грамотности, проблему отношений между читателем и автором, а также вопрос о том, где заканчивается грамотность и начинается технологическое мастерство [6. С. 270]. М. Бауман отмечает, что написанный текст — это продукт процесса изменений. Одним из наиболее эффективных методов работы с такими продуктами является жанровая теория [6. С. 270].

Теория речевых жанров принадлежит М.М. Бахтину. Он утверждал, что любое высказывание из всего речевого многообразия обладает определен-

ным тематическим содержанием, стилем и композиционным построением, которые определяются особенностями сферы общения. Относительно устойчивые типы высказываний М.М. Бахтин определил как речевые жанры [7. С. 159].

Мы полагаем, что при исследовании блога как жанра КОК следует опираться на принципы прагматического жанроведения, так как, по словам В.В. Дементьева, прагматическое жанроведение в большой степени ориентировано на диалог, на взаимодействие, помещенное в определенные социокультурные условия [2. С. 54]. Мы считаем такой подход обоснованным по ряду причин.

Блог является гибридным жанром, то есть, по мнению Е.И. Горошко и Т.Л. Поляковой, возникшим из традиционного жанра личного дневника под влиянием технологического прогресса [8. С. 120]. Однако несмотря на то, что исходный для блога жанр дневников напрямую не направлен на диалог, гибридный жанр блога благодаря техническим возможностям предполагает обмен мнениями между автором и читателями, что предполагает учет фактора и адресата, и адресанта при исследовании блогов. Как отмечает М. Бауман, интернет-жанры дают почву для появления новых типов взаимоотношений между автором и адресатом [6. С. 273].

А.Г. Кириллов указывает, что «в большинстве работ по интернет-дискурсу в отечественной науке термин “гипержанр блога” описывает единство жанров блога и комментариев к нему» [9. С. 262]. Мы заимствуем этот термин-понятие и считаем, что в дальнейшем оно предоставит нам право анализировать не только сами авторские записи блогов, но и комментарии читателей к ним как семантическое целое.

Электронный формат коммуникации в блогах отразился и на структурных параметрах организации блоговой страницы. С. Херринг описывает некоторые из них: отсутствие гостевой книги, большого количества графического материала, наличие календаря (не во всех случаях) и архива записей. На домашней странице, как демонстрирует ее исследование, записи располагаются в обратной хронологической последовательности [10. С. 154—155]. Сами записи сопровождаются датой публикации и временем, названием записи и именем автора. Кроме того, запись, помимо текста, может содержать мультимодальные компоненты, например, изображения, а также гипертекстовые элементы в виде ссылок на другие блоги или сайты [10. С. 156—158].

Несмотря на многообразие блогов в сети Интернет, все они объединены определенным набором прагматических характеристик. Анализ теоретической литературы позволил нам выделить основные из них:

1. полидискурсивность [11. С. 265];
2. интерактивность [11. С. 265], [12. С. 129];
3. дистантность [11. С. 265];
4. добровольность контактов [11. С. 265];
5. гипертекстовость [11. С. 265], [12. С. 129];
6. диалогичность [13. С. 97], [9. С. 264], [14. С. 133], [10. С. 156];

7. асинхрония общения [13. С. 99], [12. С. 129];
8. широкий тематический диапазон коммуникации, ориентированный на личность адресанта [13. С. 101];
9. единственность адресанта и реальность/потенциальность адресата [12. С. 129—130];
10. целеориентированность: информационная [13. С. 102], [9. С. 264] и фатическая [12. С. 130].

Такие характеристики жанра, как интерактивность, диалогичность, ориентированность в выборе тематической ориентированности на фактор адресанта, как мы полагаем, свидетельствуют о том, что блоги находятся в сфере интересов прагматического жанроведения. Изучение языка жанра блогов мы также основываем на этих характеристиках.

3. Имплицитность в российских политических блогах

При анализе имплицитности в жанре блогов мы опираемся на толкование этого феномена, предложенное Е.В. Ермаковой: «Имплицитность — это свойство речевого сообщения оживлять и делать ощутимыми для сознания такие связи единицы/единиц сообщения, которые в других ситуациях находятся в латентном состоянии, а также создавать такие связи, которых ранее единицы языка не имели» [15. С. 59]. Однако мы считаем, что имплицитность потенциально реализуется не только через единицы лексического уровня. Для нас бесспорным является также и то, что на реализацию имплицитности оказывает влияние контекст речевого сообщения — лингвистический или экстралингвистический.

В проанализированном нами речевом материале имплицитность реализуется на лексико-семантическом уровне языка (стилистически сниженные формы имен собственных и фразеологизмы), а также посредством средств выразительности (аллюзии). Во всех случаях для инференции заложенного адресантом смысла мы были вынуждены прибегать к учету не только словарных дефиниций, но и особенностям функционирования значений в определенных контекстах.

3.1. Стилистически сниженные формы имен собственных

Стилистически сниженные формы имен собственных представляют отдельную группу в общем классе стилистически сниженной лексики. Стилистически сниженная лексика эксперссивна, и одной из ее задач является оценка предмета разговора. Экспрессивность и оценочность сниженной лексики отмечают И.А. Аржанова и М.В. Абрашкина [16. С. 125], А.В. Меликян [17. С. 175—176], О.Ф. Куликова [18. С. 23—27], У.О. Малярчук-Прошина [19. С. 41].

Стилистически сниженные формы имен собственных в блогах, на наш взгляд, способны имплицитно оценивать восприятие пользователями того или иного политического деятеля:

Какие они всё-таки жалкие в своём неприкрытом холуйстве... О ком я? О российской либиизе и их коллективном, кхм, истечении по поводу выступления королевы-прабабушки Лизы Второй.

[https://alexandr-rogers.livejournal.com/1286649.html?utm_source=popular]

В данном отрывке официально используемое имя британской королевы Елизаветы II было намеренно изменено на исконно русскую краткую форму имени Лиза. Нетипичность употребления кратких имен по отношению к официальным политическим лицам снижает стилистическую окраску этого имени в конкретном контексте. Эмоциональная негативная оценочность королевы усиливается эксплицитными негативными характеристиками людей, поддерживающих ее действия: «жалкие», «холуйство», «либииза».

Чуть ниже автор добавляет пренебрежительной оценочности по отношению к королеве:

На мой же взгляд речь бабы Лизы была откровенно серая и постная.

[https://alexandr-rogers.livejournal.com/1286649.html?utm_source=popular]

Лексема «баба» словарем С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой определяется в т.ч. как «то же, что бабушка». Данное значение имеет помету «прост.»¹. Так, сочетание просторечного титула и стилистически сниженной формы имени собственного имплицитно выражает пренебрежительное отношение к политическому лицу.

В российских политических блогах имена собственные могут получать имплицитное значение благодаря значительной компрессии самой формы имени:

Вы знаете, я иногда боюсь, что г-н Н-ный и Ко — это такой профессор Снегг из седьмой части «Гарри Поттера».

[<https://lijababaeva.livejournal.com/86139.html>]

В данном случае инферировать значение выделенного элемента позволяет графическое изображение, прикрепленное к записи, изображающее оппозиционного политика Алексея Навального. Таким образом «Н-ный» разворачивается до «Навальный». В условиях блога не существует потребности в сокращении слов, так как платформа не устанавливает лимит символов для одной записи. Сокращая фамилию подобным образом, автор может имплицитно выражать свое нежелание прямо называть политика, чья деятельность не вызывает одобрения в российских политических кругах.

3.2. Фразеологизмы

Фразеологизмы также представляются инструментом выражения оценки и эмоций. С.В. Лескина указывает, что фразеологизмы актуализируют эмоции разных полярностей: и положительной, и отрицательной [20. С. 172]. Импликационный потенциал фразеологических выражений, как утверждает М. Арсено, связан с несоответствием буквального значения фразеологизма

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1996. С. 33

речевой ситуации, в которой он употребляется. Знание конвенционального значения всего фразеологизма без разделения его на отдельные слова и учет контекста способствует корректной интерпретации имплицитного смысла [21. С. 70].

Мы полагаем, что фразеологизмы в анализируемых нами блоговых записях следует анализировать, исходя из их словарных дефиниций и того, как значения функционируют в контексте:

Например, журналисту советской газеты на вопрос, в чем секрет его остроумия, Рейган на голубом глазу ответил, что в детстве ему подавали сборник русских пословиц, и он выучил его наизусть.

[https://dombusin.livejournal.com/65581.html?utm_source=popular]

Фразеологизм «на голубом глазу» словарем В.П. Белянина и И.А. Бутенко определяется как «*притворяясь незнающим, наивным*»². Значение выражения не зависит от конвенциональных значений его составляющих, а следовательно, фразеологизм несет имплицитный смысл. В приведенном примере инферирован смысл «*Рональд Рейган, притворяясь наивным, рассказал, что своё остроумие позаимствовал из сборника русских пословиц*».

На вопрос автора приведенной выше записи «*Как относитесь к нему?*» один из посетителей блога оставил комментарий:

Хорошо отношусь. С него все как с гуся вода.

[https://dombusin.livejournal.com/65581.html?utm_source=popular]

Фразеологизм «как с гуся вода» А.В. Федоровым определяется как «*совершенно безразлично, никак не действует на кого-либо*»³, что открывает имплицитный смысл: «*На Рональда Рейгана никакие формажоры не оказывали отрицательного влияния*». Кроме того, комментирующий эксплицитным выражением «*хорошо отношусь*» подчеркивает, что неподверженность внешним факторам он считает положительным качеством.

Фразеологизм «манна небесная» в

И правда, развитие России в первом десятилетии 2000х было довольно быстрым и интенсивным. Кратное увеличение цен на недвижимость как раз говорит об этом. Этот период манна небесная — земля обетованная для современных ватников.

[https://taxfree.livejournal.com/2730939.html?utm_source=popular]

происходит из текста Библии, где изначально это понятие воспринималось буквально. С течением времени выражение перешло из текста Библии в повседневную речь, потеряло своё конвенциональное значение и теперь

² Белянин В.П., Бутенко И.А. На голубом глазу // Живая речь. Словарь разговорных выражений. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/live-speech/fc/slovar-205.htm#zag-1021> (дата обращения: 16.04.2020).

³ Федоров А.И. Как с гуся вода // Фразеологический словарь русского литературного языка. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/fc/slovar-202-3.htm#zag-5230> (дата обращения: 16.04.2020).

толкуется как «что-либо крайне необходимое, желательное, ожидаемое»⁴. Таким образом, имплицитный смысл высказывания состоит в том, что период с 2000 по 2010 годы в плане экономического развития России патриоты (которых автор иронично называет «ватники») хотели бы повторить.

3.3. Аллюзии

Импликационный потенциал аллюзии как тропа описан многими литературоведами. Аллюзия понимается как намеренная отсылка читателя к прецедентному феномену⁵. Схожим образом определяет аллюзию и Дж. Каддон [22. С. 25].

Несмотря на то, что аллюзия считается литературным приемом, пользователи блогов склонны использовать ее в своих текстах. При анализе аллюзии необходимо обладать экстралингвистическими знаниями о субъекте, к которому отсылает автор. Импликационный потенциал, на наш взгляд, состоит в особенностях функционирования аллюзии в конкретном контексте:

Многие оценивают соглашение ОПЕК+, как новый Брестский мир на энергорынке.

[https://kungurov.livejournal.com/265115.html?utm_source=recent]

Аллюзия «Брестский мир» является отсылкой к Брестскому мирному договору 1918 года. Согласно ему Россия по итогам своего участия в Первой Мировой войне потеряла значительную часть своих территорий, а также была вынуждена выплачивать контрибуции. Кроме того, этот мирный договор усилил конфронтацию между политическими силами внутри страны и стал шагом на пути к Гражданской войне. Таким образом, имплицитно задается идея о том, что последние энергетические соглашения для России могут иметь такие же негативные последствия, как и Брестский мирный договор столетие назад.

Аллюзия на известную личность может быть представлена в виде собирательного нарицательного имени:

Уже тогда можно было предположить, что после многих лет страданий, вызванных «трудами» Горбачёва, Ельцина и прочих гайдаров, произойдет то же, что было после Ленина: уничтожение «демократов» первой волны.

[<https://zen.yandex.ru/media/kadmiy/eto-hitryi-plan-putina-mojno-poverit-5ebf3ef4d965b421effcd390>]

В данном случае имя собственное «Гайдар» было сведено до собирательного нарицательного «гайдары», что в контексте описания социально-экономической обстановки в России 90-х годов XX века является аллюзией

⁴ Федоров А.И. Манна небесная // Фразеологический словарь русского литературного языка. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/fc/slovar-204-1.htm#zag-6203> (дата обращения: 16.04.2020).

⁵ Белокурова С.П. Аллюзия // Словарь литературоведческих терминов. Режим доступа: <https://rus-literary-criticism.slovaronline.com/14-аллюзия> (дата обращения: 16.04.2020).

на одного из инициаторов экономических реформ того времени Е.Т. Гайдара. Проведенные реформы привели к экономическому спаду и снижению уровня жизни населения. Таким образом, аллюзия «гайдары» имплицитно прочитывает других политиков, причастных к экономическим изменениям 90-х годов. Кроме того, мы полагаем, что переименование имени собственного в разряд имен нарицательных имплицитно пренебрежительно авторскую оценку данному политическому деятелю.

Заключение

Таким образом, рассматриваемый нами жанр блога представляет собой гибридный жанр. Его трансформация из жанра личных дневников связана с технологическим развитием общества. Теперь пользователи могут не только вести онлайн-дневники в форме блогов, но и делиться своими мыслями с практически неограниченным количеством пользователей. Кроме того, жанр блога диалогичен, что способствует обмену мнениями между автором и комментаторами. Мы считаем, что жанр блога и жанр комментария возможно рассматривать как единое целое. Такое единство записи и комментариев манифестирует гипержанр блога.

В гипержанре русскоязычного политического блога пользователи склонны использовать языковые средства имплицитности для выражения оценок описываемым людям и событиям. Наш анализ выявил лексические средства, которые представлены стилистически сниженными именами собственными и фразеологизмами. Еще одним типом средств является аллюзия на прецедентные события или известных персоналий.

Дальнейшее изучение и описание средств имплицитности в жанре блога послужит целью наших будущих исследований.

Библиографический список

1. *Щипицина Л.Ю.* Гибридность как характерное свойство компьютерно-опосредованной коммуникации // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. no 3—1 (40). С. 91—95.
2. *Дементьев В.В.* Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010.
3. *Видинеева Н.Ю.* Принципы выделения речевой имплицитности (на материале британского медиадискурса) // Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблема метода: сб. науч. ст. по материалам 3-й Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. / под общ. ред. Т.В. Дубровской. Т. 1. Пенза, 2019. С. 35—39.
4. *Видинеева Н.Ю.* Языковые средства выражения имплицитности в жанре блогов о проблеме Brexit // Политическая лингвистика. 2019. no 5 (77). С. 64—75. DOI: 10.26170/pl19-05-06.
5. *Yule G.* Pragmatics. Oxford: Oxford Univ. Pr., 1996.
6. *Bauman M.L.* The Evolution of Internet Genres // *Computers and Composition*. 1999. no 16. P. 269—282. DOI: 10.1016/S8755-4615(99)00007-9.
7. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5. М.: Русские словари, 1997. С. 159—206.
8. *Горошко Е.И., Полякова Т.Л.* К построению типологии жанров социальных медий // Жанры речи. 2015. no 2 (12). С. 119—127.

9. Кириллов А.Г. Трансформация жанра блога в программах обмена мгновенными сообщениями // *Жанры речи*. 2017. no 2 (16). С. 260—267. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-260-267.
10. Herring S.C., Scheidt L. A., Wright E., Bonus S. (2005). Weblogs as a bridging genre. *Information Technology and People*. 2005. no 18(2). P. 142—171 DOI: 10.1108/09593840510601513. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/220436990_Weblogs_as_a_bridging_genre (дата обращения 05.08.2019).
11. Кириллов А.Г. Дискурс блогосферы: ключевые понятия и категории блогов как гипержанра компьютерно-опосредованной коммуникации // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 12*. Орёл: Орловский государственный университет искусств и культуры, 2014. С. 260—270.
12. Баженова Е.А., Иванова И.А. Блог как интернет-жанр // *Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология*. 2012. no 4 (20). С. 125—131.
13. Колокольцева Т.Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // *Жанры речи*. 2016. no 2. С. 97—105. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-96-104.
14. Меликян С.В. Современные тенденции интерактивного взаимодействия с аудиторией в сети Интернет // *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: социально-гуманитарные науки*. 2013. no 2. С. 130—136.
15. Ермакова Е.В. Многоаспектность проблемы имплицитности: имплицитность в языке и речи // *Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология*. 2009. no 1. С. 58—61.
16. Аржанова И.А., Абрашкина М.В. Отличительные особенности и критерии выделения разговорной и стилистически сниженной лексики // *Иностранные языки в диалоге культур: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием)*. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 2018. С. 122—126.
17. Меликян А.В. Функционирование стилистически сниженной лексики в современном политическом дискурсе США // *Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: Материалы V Международной научно-практической конференции*. Ростов-на-Дону: Изд-во «Донское книжное издательство», 2015. С. 171—177.
18. Куликова О.Ф. Стилистически сниженная лексика в языке газеты (на материале газеты «Тихоокеанская звезда») // *Амурский научный вестник*. 2019. no 2. С. 23—27.
19. Мальярчук-Прошина У.О., Крапалева У.Е. Стилистически сниженная лексика в текстах печатных СМИ // *Тенденции развития науки и образования*. 2018. no 43—5. С. 39—43.
20. Лескина С.В. Актуализация принципа достоверности отрицания в русских и английских фразеологизмах в процессе взаимодействия категорий пейоративности и эмотивности // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2012. no 1. С. 171—181.
21. Arsenault M. (2014). An Implicature Account of Idioms // *International Review of Pragmatics*. 2014. no 6.1. P. 59—77. DOI: 10.1163/18773109-00601004.
22. Cuddon J. *Dictionary of Literary Terms and Literacy Theory*. Wiley-Blackwell, 2013.

References

1. Shipitsina, L.Y. (2012). Hybridity as a characteristic property of computer-mediated communication. *Cherepovets State University Bulletin*, 3—1 (40), 91—95. (In Russ.)
2. Dementiev, V.V. (2010). *Theory of speech genres*. Moscow: Znak. (In Russ.)
3. Vidineeva, N.Yu. (2019). Principles of speech implicitness distinguishing (based on British media discourse) In *Modern trends in linguistics and language teaching: the problem of the method. Materials of the III International scientific and practical conference*. Vol. 1. Penza. pp. 35—39. (In Russ.)

4. Vidineeva, N.Yu. (2019). Implicit linguistic means in the genre of blogs on brexit. *Political Linguistics*, 5, 64—75. DOI: 10.26170/pl19-05-06. (In Russ.).
5. Yule, G. (1996). *Pragmatics*. Oxford: Oxford Univ. Pr.
6. Bauman, M.L. (1999). The Evolution of Internet Genres. *Computers and Composition*, 16, 269—282. DOI: 10.1016/S8755-4615(99)00007-9.
7. Bakhtin, M.M. (1997). The problem of speech genres In *Bakhtin M.M. Collected works*. Vol. 5. Moscow: Russian Dictionaries. pp. 159—206. (In Russ.)
8. Goroshko, E.I. & Polyakova, T.L. (2015). The construction of a typology of social media genres. *Speech Genres*, 2, 119—127. (In Russ.).
9. Kirillov, A.G. (2017). Transformation of the blog genre in the programs for instant messaging. *Speech Genres*, 2, 260—267. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-260-267. (In Russ.).
10. Herring, S.C., Scheidt, L.A., Wright, E. & Bonus, S. (2005). Weblogs as a bridging genre. *Information Technology and People*, 18(2), 142—171. DOI: 10.1108/09593840510601513. [Electronic resource] URL: https://www.researchgate.net/publication/220436990_Weblogs_as_a_bridging_genre (accessed: 05.08.2019).
11. Kirillov, A.G. (2014). Discourse in the blogosphere: the key concepts and categories of blogs as hypergene of computer-mediated communication In *Genres and types of text in scientific and media discourse: Interuniversity collection of scientific papers*. Vol. 12. Orel. p. 260—270. (In Russ.).
12. Bazhenova, E.A. & Ivanova, I.A. (2012). Blog as an Internet genre. *Bulletin of Perm University. Series: Russian and foreign philology*, 4, 125—131. (In Russ.).
13. Kolokoltseva, T.N. (2016). The dialogue in the genres of Internet communication (chat, forum, blog). *Speech Genres*, 2, 97—105. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-96-104. (In Russ.).
14. Melikyan, S.V. (2013). Current trends in interaction with the audience on the Internet. *Scientific Bulletin of Voronezh state University of architecture and civil engineering. Series: social and humanitarian sciences*, 2, 130—136. (In Russ.).
15. Ermakova, E.V. (2009). Multiple aspects of implicitness: implicitness in language and speech. *Proceedings of Saratov University. Series: Sociology. Political science*, 1, 58—61. (In Russ.).
16. Arzhanova, I.A. & Abrashkina, M.V. (2018). Distinctive features and criteria for identifying colloquial and stylistically reduced vocabulary In *Foreign languages in the dialogue of cultures. Materials of the all-Russian scientific and practical conference (with international participation)*. Saransk. pp. 122—126. (In Russ.).
17. Melikyan, A.V. (2015). Functioning of stylistically reduced vocabulary in the modern political discourse of the United States In *Language and law: actual problems of interaction. Materials of the V International scientific and practical conference*. Rostov-on-Don. pp. 171—177. (In Russ.).
18. Kulikova, O.F. (2019). Stylistically reduced vocabulary in the language of the newspaper (based on the material of the “Pacific star”). *Amur scientific bulletin*, 2, 23—27. (In Russ.).
19. Malyarchuk-Proshina, U.O. & Krapaleva, U.E. (2018). Stylistically reduced vocabulary in print media texts. *Trends in the development of science and education*, 43, 39—43. (In Russ.).
20. Leskina, S.V. (2012). Actualization of the principle of the reliability of negation in Russian and English phraseological units in the process of interaction between the categories of pejorative and emotive. *Bulletin of the Leningrad state University named after A. S. Pushkin*, 1, 171—181. (In Russ.).
21. Arsenault, M. (2014). An Implicature Account of Idioms. *International Review of Pragmatics*, 6.1, 59—77. DOI: 10.1163/18773109-00601004.
22. Cuddon, J. (2013). *Dictionary of Literacy Terms and Literacy Theory*. Oxford: Wiley-Blackwell.

Сведения об авторе:

Видинеева Наталья Юрьевна, преподаватель кафедры «Английский язык» Историко-филологического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пензенский государственный университет»; *сфера научных интересов*: семантика, жанроведение, прагматика; *e-mail*: ya.natashavidineeva@yandex.ru. Идентификатор ORCID: 0000-0002-4412-7631. eLIBRARY SPIN-код: 9672-5775.

Information about the author:

Natalya Yu. Vidineeva, junior lecturer of the English Language Department Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education “Penza State University”; *Research interests*: semantics, genre studies, pragmatics; *e-mail*: ya.natashavidineeva@yandex.ru. Идентификатор ORCID: 0000-0002-4412-7631. eLIBRARY SPIN-код: 9672-5775.

Когнитивные исследования Cognitive Research

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-745-759
УДК: 811.161.1'37:801.73:004.8

Научная статья / Research article

Искусственный «интеллект» и человеческий ум: футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты)

В.В. Волков

Тверской государственный университет
ул. Желябова, 33, Тверь, Российская Федерация, 170100
volk7valery@yandex.ru

Цель исследования — моделирование семантических процессов при герменевтической интерпретации русского терминологического словосочетания *искусственный интеллект* в сопоставлении с существительным *ум*. Актуальность работы обусловлена тем, что «наивные» (то есть не обладающим специальными познаниями) носители языка склонны отождествлять (1) ум, (2) интеллект, (3) те имитации когнитивной деятельности человека, которые связаны с использованием автоматов и компьютерной техники. Семантика существительного *ум* соотносится со всем, что связано с *сознанием* во всех его проявлениях; в этом смысле понятие «ум» оказывается в числе «первичных», которые корректному определению не поддаются. Слово *интеллект* фиксирует лишь некоторую «часть ума», а именно — мыслительные способности. Человеческий ум, сознание — вне возможностей компьютерной имитации; интеллект, понимаемый как «мыслительные способности», техно-электронному моделированию частично поддается. Термин *искусственный интеллект* выстроен как «двойная синекдоха»: 1) часть вместо целого (*интеллект* как часть — *ум* как целое); 2) целое вместо части (*интеллект* как целое — репрезентирующий это целое набор электрических импульсов в компьютере — *механизме для работы с данными*). Семантический результат составляет основание идеологии трансгуманизма, которая базируется на отождествлении ума, интеллекта, компьютерных имитаций. Термин *искусственный интеллект* в стилистическом и культурологическом отношении: 1) персонификация механизма (робота, автомата, компьютера), 2) деперсонификация личности (человека); в целом — деперсонифицирующая травестия. Персонификация виртуального имитационного «интеллекта» и деперсонификация реального, подлинного интеллекта / ума интерпретируется как нейтрализация привативной антонимической оппозиции, как формирование виртуального «среднего члена», что соотносится с «расчеловечиванием человека» как фундаментальной проблемой современности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, когнитивная лингвистика, филологическая герменевтика, синекдоха, травестия, манипуляция сознанием

© Волков В.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 12.08.2020

Дата приема в печать: 15.09.2020

Для цитирования:

Волков В.В. Искусственный «интеллект» и человеческий ум: футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. по 4. С. 745—759. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-745-759

UDK: 811.161.1'37:801.73:004.8

Artificial “Intelligence” and the Human Mind: Futuristic Synecdoche and Reality (Linguistic and Linguomental Aspects)

Valery V. Volkov

Tver State University

St. Zhelyabova, 33, Tver, Russian Federation, 170100

volk7valery@yandex.ru

Abstract. The study aims to make a model of the semantic processes taking place during hermeneutic interpretation of the Russian terminological word-combination *искусственный интеллект* (*artificial intelligence*) in comparison with the noun *ум* (*mind*). The relevance of the work is due to the fact that “naïve” (i.e., who does not have special knowledge) native speakers tend to identify (1) mind, (2) intelligence, (3) those imitations of human cognitive activities that are associated with the use of automata and computer equipment. The semantics of the noun *ум* (*mind*) refers to everything that is connected with *consciousness* in all its manifestations; in this sense, the concept of “mind” is among the “primary concepts” that cannot be correctly defined. The word *интеллект* (“intelligence”) captures only a certain “part of the mind”, namely, the cognitive abilities. The human mind, consciousness is beyond the capabilities of computer imitation; intelligence, understood as “cognitive abilities”, is partially amenable to techno-electronic modeling. The term *искусственный интеллект* (*artificial intelligence*) is constructed as a “double synecdoche”: 1) a part instead of a whole (“intelligence” as a part — “mind” as a whole); 2) a whole instead of a part (“intelligence” as a whole — representing this whole set of electrical impulses in the computer — “a mechanism for working with data”). The semantic result is the basis of the transhuman ideology, which is based on the identification of the mind, intelligence, and computer simulations. The term “artificial intelligence” in stylistic and cultural aspects: 1) personification of the mechanism (robot, automaton, computer), 2) depersonification of the person (human); in general — depersonificational travesty. The personification of virtual simulation “intelligence” and depersonification of real, authentic intelligence / mind are interpreted as the neutralization of privative antonymic opposition, as the formation of a virtual “middle element”, which is related to the “dehumanization of human race” as a fundamental problem of our time.

Key words: artificial intelligence, cognitive linguistics, philological hermeneutics, synecdoche, travesty, consciousness manipulation

Article history:

Received: 12.08.2020

Accepted: 15.09.2020

For citation:

Volkov, V.V. (2020). Artificial “Intelligence” and the Human Mind: Futuristic Synecdoche and Reality (Linguistic and Linguomental Aspects). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (4), 745—759. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-745-759

Введение

Постановка проблемы и ее актуальность. В самых разнообразных публичных и профессиональных дискурсах последовательно углубляется тенденция к отождествлению искусственного «интеллекта» и человеческого ума, компьютера/робота как материальных носителей программируемого (искусственного) «интеллекта» и человека как биосоциодуховного существа. Специалисты понимают, что это отождествление условно, что на деле это не собственно отождествление, но лишь уподобление по некоторым параметрам, связанным с накоплением, хранением, обработкой, систематизацией и использованием каких-либо данных («человеческие» корреляты машинных данных — это *сведения, информация*) в целях оптимизации управления производственными и социальными процессами. Тем не менее смысловые смещения в массовом восприятии, понимании и интерпретации фундаментальной оппозиции «машина — человек» усиливаются. Компьютеризированные механизмы, наряду с ролью помощников человека, все чаще оказываются фактическими организаторами и руководителями, вытесняют своих создателей на обочину жизни. Сотрудничество или соперничество? Или более жёстко: замещение и вытеснение? Так теперь нередко формулируется давняя проблема «человек и машина», на острие которой — «искусственный интеллект», как понятие и как реальность.

Объект данного исследования — понятие «искусственный интеллект» и лингвистически опредмечивающее его словосочетание *искусственный интеллект*, которые рассматриваются как семантически оппозитивные в двух типах дискурса — константном (с профессиональной точностью отображающем реальное положение дел) и виртуальном («наивном» дискурсе предположений и домыслов) — в существенно различающихся значениях и смыслах, которые ставят это словосочетание на грань между расходящейся междискурсивной синонимией и омонимией.

Цель исследования — семантическое моделирование процессов понимания и герменевтической интерпретации русского терминологического словосочетания *искусственный интеллект*. Достижение данной цели основывается на решении следующих задач: 1) пошаговое истолкование словосочетания *искусственный интеллект* на основе выявления существа семантических оппозиций *интеллект — ум, искусственный — естественный*; 2) реконструкция смыслов данного словосочетания в профессиональных дискурсах (компьютерная техника, программирование) в оппозиции виртуальным дискурсам (непрофессиональные пользователи, сторонние «наивные» наблюдатели, не обладающие специальными познаниями); 3) интерпретация полученных результатов (феноменолого-герменевтический синтез).

Методы. Процессы понимания и интерпретации моделируются на основе методов когнитивной лингвистики и филологической герменевтики как «искусства постижения смысла и значения знаков» [1. С. 144], базирующе-

гося на лексико-семантическом анализе (толкования авторитетных словарей, компонентный анализ семантики и т.д.).

Теоретической базой исследования является лингвистическая семантика, филологическая и философская герменевтика, в особенности работы М.М. Бахтина («участное мышление» [2]), Г.-Г. Гадамера [3] и традиции тверской герменевтической школы [4], нашедшие отражение, в частности, в работах автора о лингвокультурном концепте «Человек» [5], понятии «цифровая экономика» [6] и др.

Теоретическую основу данной работы составляет оппозиция «константное — виртуальное» и понятие «превращенная форма», фиксирующее когнитивный механизм перехода от константного к виртуальному. Термин *константная реальность* мы используем в значениях типа «объективная реальность», «то, что дано в непосредственном эмпирическом наблюдении», с тем чтобы отграничить от «реальности» виртуальной (предполагаемой, воображаемой, фантазийной). Соответственно противопоставляем константный и виртуальный дискурс — как речь / высказывание о реальном / воображаемом. Необходимость такого разграничения сопровождает человечество во всей его истории, в настоящее время становится все более острой. Исторически дальний аналог константного и виртуального — разграничение Аристотелем в «Поэтике» истории (факт) и рассказа (вымысел), противопоставление «историка» и «поэта», когда «один говорит о том, что было, а другой — о том, что могло бы быть» [7. С. 655]. По удачной формулировке М.К. Мамардашвили, «...с точки зрения научного знания превращенная форма является воспроизведением предмета в виде представления о нем...» [8. С. 261]. В нашем случае это «превращенное» (виртуализованное) представление о машинном интеллекте как эквиваленте человеческого ума, которое опирается, в свою очередь, на «превращенное» представление о человеческом уме лишь как о способности выполнять когнитивные операции, поддающиеся формализации.

1. Интеллект, «интеллект» и человеческий ум

У существительного *интеллект* много синонимов — через сущ. *ум* как доминанту синонимического ряда, еще больше квазисинонимов и синонимоподобных слов (симиляров) — опять-таки через *ум*, уже как дескриптор неопределенно обширного лексико-семантического поля. Лингвистически тонкие семантические различия между, например, *ум*, *разум*, *рассудок*, *Логос*, *мышление*, *сознание*, *понимание*, *интеллект* — в рамках других областей гуманитарного (и не только) знания предстают как некие «разграничительные пропасти», что отчетливо проявляется уже в сочетаемости — приемлемой и неприемлемой, ср.: *разум Вселенной* / *вселенский разум*, *разумная Вселенная* — при очевидной некорректности (если не языковая игра, а «сфера серьезного») **ум Вселенной* или **умная Вселенная*; *абстрактное мышление* — при **абстрактный рассудок* как «лексической ошибке»; нако-

нец, то, что интересует нас в данной работе в первую очередь: узуальное терминологизированное словосочетание *искусственный интеллект* — при неприемлемости **искусственный ум*.

Узуальность — недопустимость словосочетаний *искусственный интеллект* — **искусственный ум* можно использовать как «точку входа» в задачу разграничения (собственно) *ума* — и *интеллекта* как некоей «умственной» способности, как задачу лингвистически (точнее, лингвогерменевтически) корректного выяснения, чем *интеллект* от *ума* существенно отличается. Чаемая исследовательская перспектива — ответ на вопрос, почему *искусственный интеллект* (если не отождествлять с *умом*, то можно в этом словосочетании *интеллект* писать и без кавычек) может быть сконструирован и успешно конструируется, тогда как **искусственный ум* никакой электронной (компьютерной) имитации не поддается.

Словари пасуют перед задачей строгого толкования существительного *ум*: гиперонима нет, синонимы типа *рассудок* неудовлетворительны, отсюда — толкования через действия / процессы, каузатором / средством реализации которых является *ум*, ср.: «Ум... Способность человека логически мыслить, понимать, познавать что-л.» [9. С. 1385]. Заметим: *мысль / мыслить, понимать / понимание, познавать / познание* — это **продукты** деятельности *ума*, из которых совершенно не ясно, что же такое «сам» *ум*. И ещё: в цитированном толковании *ум* — это «способность человека», — именно *способность* и именно *человека*, потому что только у человека есть *способности* (если говорят «способности» о машине, то имеют в виду «функции») и есть *ум* (специфически человеческий).

Вывод: *ум* — в числе так называемых «первичных понятий», которые интуитивно ясны, однако поддаются лишь *разъяснению*, но не *определению* (таковы, наряду с *умом, сердце* в его интимно-духовном смысле, *Истина* — с заглавной буквы, *душа* и т.д.).

В качестве разъяснения можно привлечь межъязыковой древнегреческий синоним *ума*, иногда используемый в качестве философского термина. Энциклопедическое определение А.Ф. Лосева: «Нус (греч. νοῦς — ум, разум) — одна из основных категорий античной философии, представляющая собой обобщение всех смысловых, разумных и мыслительных закономерностей, царящих в космосе и в человеке» [10. С. 104]. Таким образом, *ум*, если его понимать как *нус*, — это «обобщение» всего, что связано с разумом, со смыслами, с целостным человеческим сознанием.

Интеллект — некоторая «выделенная» для каких-то вполне обозримых целей «часть» целостного *ума*, по словарному толкованию — «мыслительные способности человека» [9. С. 395]. Существо деятельности *интеллекта* можно усмотреть в латинском этимоне, ср.: *intellectus* ‘ощущение, восприятие; разумение, понимание; понятие, рассудок; смысл, значение’ — от *intellegere* ‘ощущать, воспринимать, подмечать, замечать; познавать, узнавать, мыслить’ < *intel-* / *inter-* ‘между, посреди’ > внутри > взаимно...’ + *legere*

‘собирать; выщипывать, вынимать, извлекать; сматывать, наматывать, скручивать; подбирать, выбирать, набирать; принимать; видеть, различать взором’ [11. С. 540—541, 584]. Таким образом, в семантическом этимоне *интеллекта* как «мыслительной способности» в качестве ключевых выступают компоненты «собирать воедино» то, что может быть подмечено, найдено, «выщипано» из доступного наблюдению.

Вывод: интеллект работает с частями, аналитически, — это когнитивный механизм для оперирования с «отдельностями» внутри целого; о наличии целого интеллект все-таки «знает», но его смыслов «своими собственными силами» не схватывает. Со значением и смыслами целого работает ум. По отношению к *уму* как свойству **всего** человека, превышающему его одни только «мыслительные способности», *интеллект* — лишь малая часть. У человека много атрибутов, фиксируемых терминологизирующими именованиями типа *homo sapiens / religiosus / socialis / politicus / creativus* и т. д. (подробнее см.: [5]); все они требуют *ума* в его способности видеть мир и себя в нем как **целое**, — при вспоможении интеллекта с его способностью «выщипывать» и «собирать воедино» частности.

Вечная антиномия анализа и синтеза: разобрать на части *интеллект* (= *рассудок*) может что угодно, а вот «собрать заново» что-то мало-мальски сложное — задача для него непосильная. Примеры: любой живой организм, государство, художественное произведение (если оно настоящее), сакральные смыслы мировых религий... Только *ум* человеческий с этим как-то справляется.

2. Искусственный «интеллект» и «естественный» ум

В словосочетании *искусственный «интеллект»* существительное «*интеллект*» — в кавычках, в целях акцентировки, что в данном случае «интеллект» не следует отождествлять с *умом*; в лексически некорректном словосочетании «*естественный ум*», которое в работе школьника учитель пометил бы как речевую ошибку, в кавычках прилагательное — в целях акцентировки, что автор допускает «ошибку» намеренно, с тем чтобы подчеркнуть: «естественность» — неотъемлемое свойство *ума*, его атрибут, сема ‘естественный’ в значении слова *ум* и без того незримо присутствует. Словосочетанию **искусственный ум язык* тоже сопротивляется, хотя по-другому: это оксюморонная бессмыслица — «сочетание несочетаемого», как *сухая жижа* или *мокрый самум*. Разумеется, можно говорить, к примеру, об *искусственной мудрости*, но только с тем, чтобы иронически отметить: это никакая не мудрость, а симуляция.

Национальное русское сознание, опредмеченное в языке и закономерностях использования его единиц, свидетельствует: 1) **ум не может не быть естественным**, откуда и плеонастичность — семантическая тавтология лексически неприемлемой конструкции **естественный ум*; 2) **интеллект мо-**

жет быть искусственным, но только если он «не совсем ум», — если он сконструирован как бы из детских кубиков — алгоритмических ходов, наподобие любых других изделий, продуктов изобретательного человеческого ума. Иными словами: *искусственный «интеллект»* — плод деятельности человеческого ума, тогда как «сам ум» — органичный атрибут человека, сущностно неотъемлемое его качество.

Различие между «естественным» умом и искусственным «интеллектом» — частный случай оппозиции органического (естественного) и механического (искусственного), *живого и неживого, организма — изделия*. В любой изготовленной человеком вещи, в отличие от естественного организма, при всем возможном внешнем сходстве, — в любой *изготовленной* вещи, по мудрому замечанию в ранней работе В.В. Розанова, недостает *жизни* [12. С. 238]. Есть имитация подлинного бытия, — но не само бытие. Поскольку, однако, эта очевидность в современных условиях неочевидна, необходимы разъяснения.

Искусственный «интеллект» часто ассоциируют с *роботом*. По академическому толкованию, *робот* — «автоматизированное устройство, предназначенное для замены человека при выполнении монотонных или опасных работ» [9. С. 1125]. Как видим, ничего об «интеллекте».

Предположим, что академический словарь дает упрощенное толкование. Спросим: какой механизм можно считать роботом — то есть устройством, способным к выполнению каких-либо работ без участия человека? Приведем простой (обобщение из научно-популярной литературы), без каких-либо специальных подробностей вариант объяснения, провокативно включающей такие стандартизованные метафорические характеристики деятельности робота, которые подспудно отождествляют его с человеком. Механизм — робот, если он может автономно выполнять следующие операции: 1) «восприятие действительности» (снимая метафору «восприятие», получаем: «(автоматический) ввод данных о положении дел в действительности»); 2) обработка данных и принятие решения (снимая метафору, получаем: «принятие решения» = «(выводные) данные о действиях, необходимых при наличном положении дел»); 3) (автоматическое) выполнение действий по реализации «решения».

Этим критериям соответствует огромное количество механизмов, в том числе имеющих в большинстве современных домашних хозяйств, например: холодильник, способный автоматически включаться-выключаться в целях поддержания необходимой температуры; стиральная машина, на основе заданной программы регулирующая подачу воды, температуру, и др. Все это можно называть (и всё чаще в последнее время называют) «интеллектуальными системами». Технически точные названия — без метафорического или метонимического отождествления с человеком, акцентирующие его «неприсутствие», — термины советских времен *автопилот, автоматизированная система управления (АСУ), станок с числовым программным управлением*

(ЧПУ), в космонавтике — *полет в автоматическом режиме*, новое сочетание с прил. *беспилотный: беспилотный летательный аппарат (БПЛА)* и т. д.

Лингвогерменевтическая некорректность использования понятия «интеллект» применительно к различным автоматизированным системам основывается прежде всего на отождествлении понятий «информация» и «сигнал» (материальная «оболочка» информации). Искусственный «интеллект» (= робот) не «воспринимает информацию», — ему поступает *входящий сигнал*. *Информация* как сведения о чем-либо обладает актуальной бытийностью тогда и только тогда, когда есть тот, кто ее **воспринимает**, — а это человек. «Интеллектуальный» механизм, компьютер, — *получает сигналы* в виде набора электронных импульсов, в которых закодирована информация.

Выводы: 1) **информации** как «сведений», имеющих некоторый смысл, **для машины** (для компьютера, любой степени «совершенства», любой их совокупности) **не существует**; машина имеет дело с наборами электрических импульсов, «смысл» которых находится за пределами «компетенции» машины; 2) **мыслить** (как человек) **машина не может**, поскольку мыслить — значит, обладая (само)сознанием, иметь дело с информацией, а не с наборами электрических импульсов и набором (сколь угодно сложных) команд по их преобразованию; 3) выполнять отдельные **операции с электрическими импульсами** (которые человек воспринимает как информацию) **машина может**.

Отсюда: 1) если понятие «искусственный интеллект» мы соотносим с якобы наличной у машины способностью мыслить как человек, то «искусственный интеллект» — симулякр, броский словесный ярлычок, не отражающий существа машинной «начинки» и существа производимых ею действий; 2) если понятие «искусственный интеллект» мы соотносим с наличными у машины возможностями преобразовывать наборы электрических импульсов, которые для человека соотносятся с понятием «информация», то «искусственный интеллект» — полезная реальность.

Особого внимания заслуживает (квази)терминологическая метафора *умный дом*. По сути — автоматизированная система для управления механизмами, которые есть в здании / квартире. Однако определение *умный* провоцирует представления именно об «интеллекте» (искусственном). Поясним кратко: обычный дом, где живет обычная хорошая семья, «умён» не потому, что напичкан электронными приспособлениями и общей системой правления, а потому, что — говоря метафорически — напичкан доброй душевной энергией живущих в нем людей. Электронными приспособлениями дом может быть (лишь) механизирован, — но не одушевлён (умом).

3. Термин *искусственный интеллект* как футуристическая синекдоха, деперсонализирующая травестия

Термин *искусственный интеллект* выстроен как специфическая разновидность метонимии — синекдоха, причем как «двойная синекдоха»:

1) часть вместо целого (*интеллект* как часть — *ум* как целое); 2) целое вместо части (*интеллект* как целое — репрезентирующий это целое «набор электрических импульсов в компьютере — машинном носителе “интеллекта”»). Синекдоха, часто выступающая как регулярная метонимия (ср. метонимизации со стертой образностью типа *сто голов скота, лучшая ракетка сезона* и т. п.), плохо идентифицируется языковым сознанием именно как троп; автоматизмы семиозиса на выходе восприятия дают безобразно-референциальные семантизации, ср.: *сто голов скота* > «сто (сельскохозяйственных) животных», *лучшая ракетка сезона* > «лучший теннисист сезона». В случае словосочетания *искусственный интеллект* семантические изменения (прежде всего метонимическое расширение / сужение значения сущ. *интеллект*) как «двойная синекдоха» не осознаются, в силу чего словосочетание *искусственный интеллект* неосознанно воспринимается / семантизируется как некий «машинный ум», в смешении (собственно человеческого) *ума* и компьютерной программной «начинки».

Результат: «наивное сознание» (1) склонно отождествлять искусственный «интеллект» с человеческим умом и, соответственно, машину (какой-то «особый» автомат, компьютер) и человека; коррелятивная стилистическая фигура — олицетворение, **персонификация механизма** (робота, автомата, компьютера); (2) склонно отождествлять человека с механизмом, воспринимать человека как некий «биологический недокомпьютер»; коррелятивная стилистическая фигура — овеществление, **деперсонификация организма / личности** (человека).

«Константное», профессионально выверенное (объективное) значение термина *искусственный интеллект* в профильной литературе трактуется через ключевую сему ‘имитация’, как проблема разработки программных средств для «оперирования структурами символов»; ограничимся двумя иллюстрациями: «**Искусственный интеллект...** Область информатики, занимающаяся научными исследованиями и разработкой методов и средств для правдоподобной имитации отдельных функций человеческого интеллекта с помощью автоматизированных систем» [13. С. 222]; «...научная проблема создания методов, позволяющих использовать человеческие представления для оперирования структурами символов; кибернетические устройства, создаваемые для решения этой проблемы» [14. С. 409].

Искусственный интеллект как часть информатики — междисциплинарной области знания и практики, основывающейся на программировании / компьютерном моделировании, на использовании компьютерной техники, — не что иное, как «машина (компьютер) + базы данных + программные средства» («хард + софт») для выполнения операций с формализованной информацией (данными); в части «софт» — совокупность алгоритмов (в том числе алгоритмов, позволяющих создавать / пересоздавать алгоритмы, что метафорически именуют словом *обучение*) для обработки квантов формализованной (представленной в двоичном коде) информации (данных).

Важно подчеркнуть: искусственный «интеллект» обрабатывает не собственно информацию (= содержание знаков), но «оболочки» знаков (= план выражения), материальные репрезентанты (в естественном языке — последовательности звуков или букв, в машинном коде — символы двоичной, шестнадцатеричной или иной системы счисления), которые формально опредмечивают содержания, делают их пригодными для машинной обработки. Содержание знаков — вне возможностей искусственного «интеллекта», по отношению к нему содержание (= информация) находится в совершенно иных измерениях бытия.

Термин *искусственный интеллект* — если воспринимать его не в константном, профессионально выверенном значении, а в значении виртуальном, футуристически-оптимистически отождествляющем человека и машину (человеческий ум и машинный «интеллект»), оказывается органичной частью языкового обеспечения трансгуманистического дискурса. Главная опасность трансгуманизма — не в потенциальной «замене» человека машиной (хотя эта опасность велика), но в **идеологии расчеловечивания человека**. Резко и точно об этой опасности пишет С.С. Хоружий: «Действительная опасность — отнюдь не прогресс науки, а явно обозначившаяся, упорная игра Человека на понижение (самого себя). <...> Этак зайти можно далеко! — и вот уже ситуация обретает колорит трагикомический и трагедийный. В проекте — невообразимое, не снившееся никогда усиление мощи интеллекта, создание “суперинтеллекта”, — но вести нас к суперинтеллекту собираются, похоже, крикливые пиарщики с куриным интеллектом и одержимые с интеллектом, развитым вдоль одной прямой линии, — убежденные, по свидетельствам, что “человек — машина из мяса, носящая в черепе компьютер”» [15. С. 30].

«Двойная синекдоха» термина *искусственный интеллект*, в стилистическом отношении представляющая как совмещение персонификации и деперсонификации, в культурологическом отношении (в литературоведческой, искусствоведческой и других гуманитарных проекциях) может быть интерпретирована как **деперсонифицирующая трагедия**. Основание такой аналогии в следующем. В литературоведении **трагедия**: «Тип комической имитации, при которой автор заимствует темы, сюжетные мотивы или отдельные образы известного чужого сочинения и посредством неподходящих, “низких” литературных форм трансформирует его смысл» [16. С. 1079]. Когда говорят, например, *Компьютер думает*, — это деперсонифицирующая трагедия по отношению к глаголу *думать*, пресуппозитивно включающему сему ‘человек’.

Аналогия: комбайн, «убирающий» пшеницу, так сказать, «понятия не имеет», что именно оказывается объектом его манипуляций, — что это за материальные объекты, которые срезаются, обмолачиваются, какие-то части из обмолоченного (зерно) провеиваются и перемещаются в бункер, а какие-то другие части (солома) отправляются в другую сторону. Что представляет

собой зерно, что солома, комбайну совершенно «не интересно»: есть алгоритм (автоматика), и этот алгоритм выполняется. Подобно комбайну, компьютер — это не интеллект, а интеллект — это не ум.

4. Искусственный «интеллект» как виртуальный «средний член» привативной оппозиции

Лингвистическая составляющая проблемы искусственного «интеллекта» фундируется оппозицией «константное (реальное) — виртуальное». Характерная примета нашего времени — размытость границ между реальным и виртуальным. Прилагательное *реальный* входит в ряд узуальных, крепко утвердившихся в системе языка антонимических оппозиций комплементарного, «дополнительного» характера, существо которых (напомним), в отличие от контрарных, — в отсутствии «среднего члена» [17. С. 15—17]. Если, например, у пары *толстый* — *тонкий* есть «средний член» и разные градуальные вариации (*претолстый*, *тонковатый* и т. п.), то отношения *реального* со своей противоположностью строятся в логике «или — или»: *реальный* — *идеальный*, *нереальный*, *фантастический*, *сказочный*, *вымышленный* и т. д., в современном общем случае — *виртуальный*. Субстанциальной «середины» нет; если она появляется, то как плод человеческих мечтаний и фантазий, часто — порождение «сумерек разума».

Комплементарные (привативные) антонимические оппозиции «естественное — искусственное», «реальное — виртуальное», равно как и их более очевидный аналог «живое — мертвое», не могут включать так называемый «средний член», поскольку *мертвый* = «неживой», ср.: *полумертвый* или *полуживой* — это «всё-таки живой», а не некое существо «между (биологической) жизнью и смертью». Аналогично: виртуальное (нарисованное, воображаемое и т. д.) яблоко — это *не* реальное яблоко, поскольку реального яблока, которое можно понюхать и съесть, — нет, есть только изображение (воспоминание о..., мечта о...) яблоке, но не самó (реальное) яблоко. Так же точно и с другими феноменами «виртуальной реальности».

«Средний член» появляется при трансформации комплементарной оппозиции в контрарную («между» тем и другим, со свойствами того и другого одновременно). Трансгуманистическая идеология расчеловечивания человека проявляется как нейтрализация привативных оппозиций — разупорядочение, «семантический паралич», погружение в десемантизованный «средний член». Разупорядоченная виртуальность — «недобытие», «последствие», «вместобытие»? Показательный пример из триллеров, компьютерных игр и т. п.: место «среднего члена» в оппозиции «живое — мертвое» занимают виртуальные «живые мертвецы» — *зомби*. Оксюмороны типа *живой труп*, *оживший мертвец* обретают виртуально-референциальное конкретно-предметное означаемое. Печально: ныне все больше людей, которые убеждены в приближении реального «зомби-апокалипсиса», даже готовятся к

нему. Заметим: в проекции на вопрос об искусственном «интеллекте» представляет интерес лингвогерменевтическое исследование модных современных лексем *зомбировать / зомбирование* (например, *политическое зомбирование населения*); общее решение может иметь следующий вид: *зомбирование* (как средство ментального воздействия на человека / население) = «отключение ума при (частичном) сохранении интеллекта».

Применительно к искусственному «интеллекту»: он «живой» или «неживой»? Другими словами: он есть (в пространстве реального) или его там нет? Или он в промежутке «между»? Если этот «промежуток» (виртуальный «средний член» привативной оппозиции) на наших глазах формируется, то применительно к «естественному» уму следует предположить, что налицо пошаговая «виртуализация» ума через ряд «превращенных форм», иными словами — ниспадение ума (и «целого» человека) из константного (реального) в виртуальное, ср.: (собственно) *ум* → *интеллект* → *искусственный интеллект*. В параллель этим трем ступеням: («целый») *человек* → *интеллектуал* → *компьютер / робот*. Заметим: в академическом толковании сущ. *интеллектуал* («Человек с высокоразвитым интеллектом, занимающийся интеллектуальным трудом» [9. С. 395]) сема ‘ум’ не представлена. Следствие: если *интеллект* — это «частичный» ум, то *интеллектуал* — человек с таким же «частичным» умом. Дальнейшие соображения: если *зомби* — «оживший мертвец» (путь к середине привативной оппозиции «от мертвого»), то, во встречном движении, *робот* — носитель «омертвевшего интеллекта» (к середине «от живого»).

По представлениям, идущим из античности, вещь («материя») обретает определенность через форму, которая дает вещи смысл, а значит — существование. Если убрать из вещи смысл, она исчезнет. Если «вещь» лишь симулирует присутствие смысла, подобно тому, как искусственный «интеллект» симулирует присутствие ума, то приходится спрашивать: а существует ли эта вещь? Так вопрос о нейтрализации привативной оппозиции «реальное — виртуальное» смыкается с вопросом не только о «расчеловечивании человека», но и о самом его существовании.

Заключение

Содержание слова «наивное» языковое сознание склонно воспринимать как содержание (объективного) мира. Однако слово может сообщать не только о константном (реальном), но и о виртуальном (предполагаемом, фантазийном). Какое именно содержание схватывается сознанием?

«Наивное» сознание склонно отождествлять *интеллект* с *умом*, воспринимать эти слова как полные синонимы. Однако *ум* как понятие «первичное», не поддающееся внятному определению, доступное лишь косвенному, «намекающему» объяснению, значительно шире *интеллекта*, который представляет собой лишь часть ума, а именно — «мыслительные способности».

Если писать словосочетание *искусственный интеллект* без кавычек, отождествляя при этом *интеллект* (искусственный) с человеческим *умом* (естественным), то мы имеем дело с фантазийной (виртуальной) реальностью, с воображаемым феноменом, поскольку искусственный «интеллект» работает не с информацией как таковой, но лишь с сигналами о ней — с материальной оболочкой смыслов, восприятие и понимание которых — вне возможностей, вне «компетенции» искусственного «интеллекта», который де-факто имеет дело лишь с электрическими импульсами и набором команд по оперированию с ними.

Искусственный «интеллект», трактуемый как сообразный человеческому или даже его превосходящей, — результат аберрации восприятия, когнитивное заблуждение, продукт «превращенного сознания» («превращенной формы сознания»).

Термин *искусственный интеллект* — футуристическая «двойная синекдоха»: с одной стороны, сущ. *интеллект*, именующее лишь «часть» ума, используется в значении целого; с другой стороны, сущ. *интеллект* в сочетании с *искусственный* используется как именование «целого» интеллекта, тогда как на деле речь идет о наборе электрических импульсов в компьютере.

В стилистическом отношении эта «двойная синекдоха» выступает как фигура персонификации механизма (компьютера) и деперсонификации личности (человека) соответственно. В лексико-семантическом отношении персонификация виртуального «интеллекта» и деперсонификация константного (реального) интеллекта / ума интерпретируется как нейтрализация комплементарной (привативной) антонимической оппозиции, как формирование виртуального «среднего члена», что в более общем плане соотносится с «расчеловечиванием человека» как фундаментальной проблемой современности.

Выявленные особенности семантики именованного *искусственный «интеллект»* побуждают спросить: в чем источник аберрационных лингвоментальных явлений? Коллективное бессознательное, плененное новым техно-электронным «могуществом» и теми соблазнами (гипер)благоустройства, которыми оделяет людей нынешний цивилизационный техноцентризм, — или какие-то социальные / профессиональные группы, какие-то личности / гласные или негласные лидеры мнений?

Думается, существо пути в поисках ответов — в прекрасной формулировке А.Ф. Лосева («Философия имени»): «Чтобы пробиться к предмету слова, к предметной сущности, мы должны были пройти сквозь слой идеи...» [18. С. 647]. В нашем случае: пробиться от наивно-виртуальных (футуристически-фантазийных) представлений об искусственном «интеллекте» как некоем машинном варианте человеческого ума — к пониманию, что же такое человеческие ум и интеллект «на самом деле» и чем его / их носители (люди) радикально отличаются от любого «мыслящего» механизма, сколь бы совершенным он ни представлялся.

Библиографический список

1. Микешина Л.А. Герменевтика // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+; Реабилитация, 2009. С. 144—145.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
4. Богин Г.И. Филологическая герменевтика в Тверском университете // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2001. no 5. С. 86—91.
5. Волков В.В. Семантическое ядро концепта «Человек» в зеркале латинских и латинизированных именовании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. no 1. С. 83—92.
6. Волков В.В. «Цифровая экономика»: лингвистический и лингвоментальный аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. no 7. С. 135—139.
7. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983.
8. Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. СПб.: Азбука-Аттикус, 2011.
9. Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008.
10. Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1967.
11. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976.
12. Розанов В.В. О Понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М.: Ин-т философии, теологии и истории Святого Фомы, 2006.
13. Дорот В.Л., Новиков Ф.А. Толковый словарь современной компьютерной лексики. СПб.: БХВ-Петербург, 2004.
14. Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складчиковой. М.: Эксмо, 2008.
15. Хоружий С.С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергической антропологии // Философские науки. 2008. no 2. С. 10—31.
16. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001.
17. Новиков Л.А. Русская антонимия и ее лексикографическое описание // Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. М.: Русский язык, 1984. С. 5—30.
18. Лосев А.Ф. Бытие — имя — космос. М.: Мысль, 1993.

References

1. Mikeshina, L.A. (2009). Hermeneutics. In: *Encyclopedia of epistemology and philosophy of science*. Moscow: Canon+; Rehabilitation. (In Russ.).
2. Bakhtin, M.M. (2003). *Collected works: in 7 vols*. Vol. 1. Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russ.).
3. Gadamer, H.-G. (1988) *Truth and method. The basics of the philosophical hermeneutics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
4. Bogin, G.I. (2001). Philological hermeneutics in Tver University. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 5, 86—91. (In Russ.).
5. Volkov, V.V. (2015). Semantic core of the concept “Human” in the light of Latin and Latinized nominations. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 1, 83—92. (In Russ.).
6. Volkov, V.V. (2020). “Digital economy”: Linguistic and linguoamental aspects. *Philology. Theory & Practice*, 7, 135—139. (In Russ.).
7. Aristotle (1983). *Works: in 4 vols*. Vol. 4. Moscow: Mysl. (In Russ.).
8. Mamardashvili, M.K. (2011). *Forms and content of thought*. Saint Petersburg: Azbuka-Attikus. (In Russ.).

9. *Latest large explanatory dictionary of the Russian language* (2008) / ed. S.A. Kuznetsov. Saint Petersburg: Norint. (In Russ.).
10. *Encyclopedia of philosophy* (1967). Moscow: Sovetskaya encyclopedia. Vol. 4. (In Russ.).
11. Dvoretzkiy, I.Kh. (1976). *Latin-Russian dictionary*. Moscow: Russian language. (In Russ.).
12. Rozanov, V.V. (2006). *On understanding. Experience in the study of nature, boundaries and internal structure of science as integral knowledge*. Moscow: Institute of philosophy, theology and history of St. Thomas. (In Russ.).
13. Dorot, V.L. & Novikov, F.A. (2004). *Explanatory dictionary of modern computer vocabulary*. Saint Petersburg: BHV-Petersburg. (In Russ.).
14. *Explanatory dictionary of the Russian language of the beginning of the XXI century: Current vocabulary* (2008) / ed. G. N. Sklyarevskaya. Moscow: Eksmo. (In Russ.).
15. Khoruzhiy, S.S. (2008). The problem of a posthuman, or transformative anthropology through the eyes of synergetic anthropology. *Filosofskie nauki*, 2, 10—31. (In Russ.).
16. *Literary encyclopedia of terms and concepts* (2001) / ed. & comp. A.N. Nikol'yukin. Moscow: Intelvak. (In Russ.).
17. Novikov, L.A. (1984). Russian antonymy and its lexicographic description. In: Lvov M.R. *Dictionary of Russian antonyms*. Moscow: Russian language. (In Russ.).
18. Losev, A.F. (1993). *Being — name — space*. Moscow: Mysl. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Волков Валерий Вячеславович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета; *e-mail*: volk7valery@yandex.ru. SPIN-code: 3792-6921.

Information about the author:

Valery V. Volkov, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language, Tver State University; *e-mail*: volk7valery@yandex.ru. SPIN-code: 3792-6921.

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-760-774

UDK: 811.111'276.6:33:1

Research article / Научная статья

Cognitive-Pragmatic Interpretation of Linguistic Personality (on the example of market-economic terminology)

Sofiya N. Semenova¹, Lyudmila G. Aksyutenkova²

^{1,2} Kuban State University
Stavropolskaya st., 149, Krasnodar, Russian Federation, 350040
¹sofiya.semenova75@yandex.ru

Abstract. The article presents a conceptual apparatus of conceptualization on the example of economic cognitive sphere. The relevance of this work can be considered from the point of view of “language of the market” study as an accumulative sphere of fixation of “market-economic” surrounding reality, and a cognitive-pragmatic aspect of human consciousness’ development. The aim was to evaluate the language of market economy from cognitive-derivational position as well as problems connected with the usage of borrowed foreign words. The authors solved the tasks: 1) analyzed and interpreted “language of the market” special vocabulary in English and Russian; 2) understood the scientific and the professional picture of the world through the “economic” language; 3) identified the specific expression of external and internal state of its participants; 4) found out the borrowed foreign words; 5) described the collected information. During the study of the material the authors used: 1) the component analysis method; 2) the continuous sampling method; 3) the analysis of terminological definitions; 4) the classification method. The researchers analyzed the concept, which was the main result and means of linguistic conceptualization of the world and the economic term as a result and means of conceptualization of the economic picture of the world. The main parameters of economic cognitive derivational system and borrowed foreign words spheres were described. A detailed analysis of terminological phrases allowed identifying the most common structural types of functioning in the economic cognitive sphere of composite economic terms and borrowed foreign words. It can be concluded that the study of the market economy language makes it possible to regard its evolution as a result of social, creative, spiritual activity of economic branch and science.

Key words: terminology, borrowed foreign words, subject area “language of the market”, cognitive, conceptualization, vocabulary, derivation, economic picture of the world

Article history:

Received: 20.06.2020

Accepted: 15.07.2020

For citation:

Semenova, S.N. & Aksyutenkova, L.G. (2020). Cognitive-Pragmatic Interpretation of Linguistic Personality (on the example of market-economic terminology). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (4), 760–774. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-760-774

© Семенова С.Н., Аксютенкова Л.Г., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

УДК: 811.111'276.6:33:1

Когнитивно-прагматическая интерпретация языковой личности (на примере рыночно-экономической терминологии)

С.Н. Семенова¹, Л.Г. Аксютенкова²

^{1,2}Кубанский государственный университет
ул. Ставропольская, 149, Краснодар, Российская Федерация, 350040

¹sofiya.semenova75@yandex.ru

В работе представлен комплексный анализ концептуализации на примере экономической когнитивной сферы. Актуальность данной работы можно рассматривать с точки зрения изучения «языка рынка» в виде аккумулятивной сферы фиксации, окружающей «рыночно-экономической» действительности, и когнитивно-прагматического аспекта развития человеческого сознания. Цель исследования — продолжение изучения языка рыночной экономики как с когнитивно-деривационной позиции, так и проблем, связанных с использованием заимствованных иностранных слов. Решены следующие задачи: 1) анализирован и интерпретирован массив специальной лексики «языка рынка» на английском и русском языках; 2) объяснена научно-профессиональная картина мира через «экономический» язык; 3) обозначено специфическое выражение внешнего и внутреннего состояния его носителей; 4) выделены заимствованные иностранные слова; 5) описана собранная информация. В исследовании материала авторы использовали: 1) метод компонентного анализа; 2) метод сплошной выборки; 3) анализ терминологических дефиниций; 4) классификационный метод. В работе анализирован концепт, являющийся основным результатом и средством языковой концептуализации мира и экономический термин как результат и средство концептуализации экономической картины мира. Представлены и описаны основные параметры деривационной системы и заимствования иностранных слов экономической когнитивной сферы. Согласно проведенному исследованию сделан вывод, что изучение языка рыночной экономики дает возможность расценивать ее эволюцию как результат социальной, креативной, духовной деятельности субъекта экономической сферы и науки.

Ключевые слова: терминология, заимствование иностранных слов, предметная область «язык рынка», когнитивный, концептуализация, вокабуляр, деривация, экономическая картина мира

История статьи:

Дата поступления: 20.06.2020

Дата приема в печать: 15.07.2020

Для цитирования:

Семенова С.Н., Аксютенкова Л.Г. Когнитивно-прагматическая интерпретация языковой личности (на примере рыночно-экономической терминологии) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2020. Т. 11. no 4. С. 760—774. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-760-774

Introduction

The interpretation of science language as a unique way of scientific consciousness being traces the relationship of the personal factor in the language

with the image of science subject. Many researchers working on this problem note that a deeper and broader language understanding is more needed than the perception of only signs' system. "Language is an intermediary means not only between the speaker and the listener, but also between a person and the world. Any language is constituted in the following triangle: Man — Reality — Real time." [1. P. 580].

The *relevance* of this work can be considered from the point of view of "language of the market" study as an accumulative sphere of fixation of "market-economic" surrounding reality, and a cognitive-pragmatic aspect of human consciousness' development.

The main *aim* was to evaluate the language of market economy from cognitive-derivational position as well as problems connected with the usage of borrowed foreign words.

In linguistic science, the period of the past fifty years was marked by a special interest in professional and business communication problems. The promotion of "language personality" phenomenon in the language theory indicates an increasing attention to a person, to his cognitive-pragmatic and creative-communicative activities, to his personal picture of the world. This viewpoint receives strong scientific support by Yu.N. Karaulov's position, who considered the conceptual field of "linguistic personality" term in three denotations:

1) a linguistic personality is personified for us as the owner of a certain national mentally-linguistic complex;

2) it is an identity of a philologist-specialist;

3) it is a scientific paradigm "man and language" [2. P. 5].

Thanks to the linguistic ideas of contemporary scientists, working in the same directions [3; 4], our observations of the phenomenon of speech personality assume that the essences of the phenomenon are paradigmatic, systematic, naturally manifesting in functioning, the ultimate idea of which we can explain as the communication, and not in common, but here and now. This judgment is supplemented by an additional link in the paradigm of real communication: a communicative person — a specific participant in a specific communicative act.

1. Linguistic Personality

1.1. The analysis of scientific literature and the "language of the market"

With the transition of Russian economy from the planned stage to the market one, there have been some changes and discussions in the economic, political and social spheres of society. As a consequence, the economic meta-language has also undergone significant changes, as there was an urgent need for a huge number of people to learn new scientific paradigms and communicate in a new language — the "language of the market". After all being a meta-language of the market economy science, the "language of the market" represents the professional and communicative aspect of the sociolect.

The most important conceptual parts of scientific knowledge are implemented by a system of specific term units that form the terminological system “Market economy” or “Language of the market”.

The actual problem of the study of the “language of the market” was determined both as an accumulative sphere of fixation and reflection of the surrounding “market-economic” reality and as a cognitive-linguistic aspect of the evolution of human consciousness at the beginning of the twenty-first century. Economic, scientific and professionally-oriented literature is a great help in texts studying with a specific sphere of terminology of the “language of the market” as the conceptual-epistemological sphere for specific purposes.

We can follow L.Yu. Buyanova in assuming that the “language of the market” is rapidly developing in the result of continuous changes in society’s social life [5. P. 19]. As the practice showed it happened in such a way.

1.2. External and internal connection of linguistic interpretation of a linguistic personality

Now we shall touch upon the issue concerning the understanding of the “language of the market”. Here it can be indicated its great importance in the context of studying the evolution factor of language. The term system of the “language of the market” is its material basis. A person (using certain term-forming means, models and parameters) creates the necessary market and economic terms for expressing his thoughts, representing ideas, for the exchange of scientific and professional information between members of a certain society. It can be assumed that the linguistic explication of economic market relations occurs due to term-making, immediately reflected in professional and communicative activity.

So, it is important to analyze and to interpret the special vocabulary of the “language of the market” taking into account the principle of anthropocentrism, which allows us to understand the scientific and professional picture of the world through the “language of the market” in order to designate a specific expression of the external and internal state of its participants.

Now-a-days the Market Economy as a science and a specific sphere of activity is to attract an increasing number of specialists. The Economy as a science is quickly socialized. More and more people are employed in the economic sphere. The number of denotations correlated with specific market and economic concepts constantly grows [6. P. 156; 7. P. 15]. In our opinion, it is interesting to analyze and to interpret the special vocabulary. We consider it appropriate to emphasize the economic value of the term as one of the most important mental-cognitive means of conceptualization reality. So in the present work we try to describe the conceptual framework of the conceptualization in the language theory. Problems of terminology are proposed in the scientific works on the language theory by such researchers as: G.P. Melnikov [8], L.Yu. Buyanova [9] and others [10; 11; 12].

A significant number of interpretations of the term (more than 2000) indicates the complexity of this concept's development. To know and to understand a scientific concept means to master its content, to base on its distinctive features in dictionary definitions.

According to many investigators' analysis on this problem, we consider it appropriate to note that "good" term units should be "separated" from polysemy, expressiveness and, consequently, from semantic processes of ordinary non-terminological words of the Russian literary language [13; 14]. However, it should be underlined that there is no connection between the term and the ordinary word. As our observations show, in language and logic there is an opposition of the concept "term" — "non-term". Economic terminology is not an exception in a constant functional and semantic exchange between terms and ordinary words.

2. Conceptual Apparatus of Conceptualization in the Language Theory

2.1. General characteristics of the conceptual apparatus of conceptualization

The conceptualization of the world is a complex linguistic process, which has not yet found its unambiguous solution in the language theory. Currently, the priority in linguistic science is the identification and interpretation of cognitive mechanisms that prevail in the original form in various types of cognitive processes. They (cognitive mechanisms) are fundamentally important for the study and understanding of human consciousness.

The "conceptualization" term is used in various scientific fields: Linguistics, Logic, Philosophy, Economics, etc. This process is a certain form of scientific knowledge structuring. It is strategically important to define it and to establish correlation with related concepts, such as: concept, term, non-term. In the language theory the "conceptualization" term is treated very ambiguously. As a rule, it is understood as the process of knowledge systematization and structuring accumulated in the process of mankind evolution. We are close to S.G. Vorkachev's theory, who believes that the conceptualization is a set of semantic representation methods of a lexical unit content that is various in different cultures [15]. It is significant that changes in the socio-political and socio-economic life of society cause differences in language and speech.

2.2. Terminological conceptualization of economic cognitive sphere

The second half of the twentieth century has witnessed the flourishing of the terminological conceptualization of the economic cognitive sphere. The number of borrowings of the economic terminological system in Russian is growing. The concepts of "Market", "Finance", "Credit", "Insurance", "Money" and "Exchange" are becoming dominant in the Russian economic cognitive sphere.

Thus, the described role of the language is very important both in the inter-correlation processes of language and society and in representation of the economic picture of the world in the conditions of Russian and world economy further modernization.

Developing the conceptualization theory, we think that simultaneously with the evolution of concepts' semantics, it is also interesting to study the derivational processes and borrowed foreign words taking place in concepts' formation.

In our research the received results proved that an objective reality is conceptualized step by step in the following way:

1) the subject of the reality surrounding us is objectified. It is filled with a certain meaning leading to the corresponding concept appearance in human brain;

2) the volume of the perceived information increases. As a result, the number of concepts multiplies and develops into specific conceptual structures and systems;

3) the comprehension of the information in the conceptual form leads either to the verbalization of concepts, or to rethinking and generation of new notions.

Based on the chosen scientific perspective we analyze the concept and the specificity of language material as one of the basic concepts and terms. Following V.I. Karasik's point of view, we believe: "conceptualization of reality is carried out as a designation, expression and description. ...and the description of the concept is a special research procedure for the interpretation of the meaning of the nearest designations" [16].

The theory of information is an important aspect of conceptualization's and concepts' study in the language theory. Conceptualization can also be seen as the way in which the reality is verbalized. Consequently, the same surrounding reality is experienced differently by various people. It can lead to the change of the semantic, lexical and grammatical systems of languages.

3. Terms in Economic Sphere

3.1. Derivational system of economic cognitive sphere

Due to the above said we suppose that it is important to analyze, firstly, the derivational system of the economic cognitive sphere and, secondly, borrowed foreign words. So, to describe the main parameters of the derivational system of the economic cognitive sphere, we have subjected to derivational analysis of about 10,000 terms taken from economic terminological literature (in English and Russian). The importance and evolution of the theory of derivation also contributed to the construction of various derivational models. A detailed analysis of terminological phrases allowed us to identify the most common structural types of composite economic terms. The received results of our investigation are given in the following table.

Table 1 / Таблица 1

**Structure of models participating in the formation of terms /
Структура моделей, участвующих в формировании терминов**

№	Term structure / Структура термина	Model / Модель	Example / Пример
1.	Two-element	Adj + N	non-cumulative dividend
		P + N	funded loan
2.	Three-element	Adj + Adj + N	private discount rate
3.	Four-element	Adj + N + Adj + N	gold content of the monetary unit
		N + Adj + Adj + N	gross national product deficit
		N + N + N + N	product range plan cycle
		N + P + Adj + N	the law of increasing time costs
		N + Adj + P + N	index of leading long-term indicators

The number of compound terms formed by Participle + Noun (P + N) models are quantitatively much less common than the structural type of: Adjective + Noun (Adj + N).

Among the three-element terminated phrases, the structural type is more often used in the processes of derivation: Adjective + Adjective + Noun (Adj + Adj + N).

When considering the four-element term combinations, it turned out that the most frequent is the structural type: Adjective + Noun + Adjective + Noun (Adj + N + Adj + N).

Thus, increasing the length of the phrase, the “Creator” of the economic term seeks to clarify the concept. In the process of further development of economic terminology, terms may be transformed in the meaning of the concept without the change. Among the main peculiar features of the studied terminology there are not a great number of term-phrases in which one of the elements is presented by an adjective-colorism [17]. To follow and prove that point of view we suggest our opinion of that idea in the following material, indicated in Tb. 2 and Fig. 1.

According to the information of the Tb. 2 we can conclude that the “universal color triad” of the “language of market” consists of the following colors: black, green and white. These data show that the economic term system has a “color”. On Fig. 1 each segment displays the number of examples found by us in the process of our research (the examples are on the Tb. 2). The derivation defines the term-forming potential of the language as a terminological conceptualization way of the economic cognitive sphere.

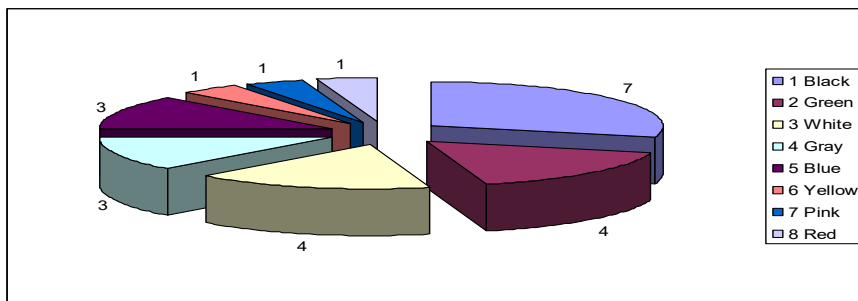

Fig. 1. Quantitative ratios of derived terms with adjective-colorism /
Рис. 1. Количественные соотношения производных терминов с прилагательным-колоризмом

Table 2 / Таблица 2

**Quantitative ratios of derived terms with adjective-colorism /
Количественные соотношения производных терминов
с прилагательным-колоризмом**

№	Color / Цвет	Examples / Примеры	Quantity of derived terms / Количество производных терминов
1.	Black	“black market”	7
		“black cash”	
		“black Friday”	
		“black return”	
		“black door”	
		“black capitalism”	
2.	Green	“green card”	4
		“green revolution”	
		“green money”	
		“green blackmail”	
3.	White	“white knight”	4
		“white collar”	
		“white elephant”	
		“white noise”	
4.	Gray	“gray wave”	3
		“gray collar”	
		“gray market”	
5.	Blue	the law of “blue skies”	3
		“blue collars”	
		“blue spines”	
6.	Yellow	“yellow commitment”	1
7.	Pink	emission of “pink form”	1
8.	Red	the price is “red”	1

**3.2. Borrowed foreign words used in economic cognitive sphere
in English and Russian**

In continuation of the above mentioned data and results of the present paper we think that it is necessary to show the following information also received in the process of studying of the economical sphere. We put the borrowed foreign words (terms) into 4 groups by their peculiar features as: the part of speech, the examples, the quantity and the percentage ratios in the Tb. 3.

Table 3 / Таблица 3

**Distribution of borrowed foreign words (terms) /
Распределение заимствованных иностранных слов (терминов)**

№	Part of speech / Часть речи	Examples / Примеры	Quantity / Количество	%
1.	<i>Noun</i>	Accuracy (<i>аккуратность</i>), activity (<i>активность</i>), adequacy (<i>адекватность</i>), agency (<i>агентство</i>), alimention (<i>поддержка</i>), assертance (<i>акцент</i>), alliance (<i>альянс</i>), analysis (<i>анализ</i>), apparatus (<i>аппарат</i>), assignation (<i>ассигнование</i>), assignment (<i>ассигнование</i>), assortment (<i>ассортимент</i>), bank (<i>банк</i>), banker (<i>банкир</i>),	109	68,6

№	Part of speech / Часть речи	Examples / Примеры	Quantity / Количество	%
		bank-note (банкнота), bankrupt (банкрот), blockage (блокировка), broker (брокер), business (бизнес), businessman (бизнесмен), calculator (калькулятор), capital (капитал), career (карьера), cashier (кассир), clerk (клерк), client (клиент), company (компания), computer (компьютер), concurrent (конкурент), conflict (конфликт), consultation (консультация), contract (контракт), control (контроль), copy (копия), corporation (корпорация), counselor (консультант), credit (кредит), creditor (кредитор), debit (дебит), decade (декада), declaration (декларация), deficit (дефицит), depositor (депонент), devaluation (девальвация), document (документ), double (дубликат), duplicate (дубликат), economics (экономика), economist (экономист), economy (хозяйство, экономика), equivalent (эквивалент), expert (эксперт), expertise (экспертиза), exporter (экспортер), fabric (фабрика), finance (финансы), financier (финансист), firm (фирма), fixation (фиксация), formula (формула), fragment (фрагмент), groupage (группировка), grouping (группирование), guarantee (гарантия), guarantor (гарант), hypothec (ипотека), hypothecation (ипотека), hypothecary (должник), idea (идея), importation (импорт), importer (импортер), industrialist (промышленник), inflation (инфляция), informer (информатор), infrastructure (инфраструктура), inspector (инспектор), investor (инвестор), marketing (маркетинг), merchant (торговец), milliard (миллиард), million (миллион), millionaire (миллионер), monetarist (монетарист), numeration (нумерация), pack (пакет), package (пакет), packet (пакет), personnel (персонал), perspective (перспектива), position (позиция), price-list (прайс-лист), privatization (приватизация), process (процесс), producer (продюсер, производитель), progress (прогресс), project (проект), proportion (пропорция), provision (провизия, снабжение), registration (регистрация), risk (риск), sanction (санкция), scale (шкала), segment (сегмент), statistics (статистика), structure (структура), system (система), tendency (тенденция), vacancy (вакансия), verification (верификация, проверка), voucher (ваучер, поручительство).		
2.	Adjective	Accepted (общепринятый), bank-book (банковская книжка), banking (банковское дело), budgetary (бюджетный), central (центральный), confidential (конфиденциальный), corporate (корпоративный), credit card (кредитная карточка), declarative (декларативный), economic (экономический), economical	33	20,7

№	Part of speech / Часть речи	Examples / Примеры	Quantity / Количество	%
		(экономный), effective (эффективный), effectual (эффективный), financial (финансовый), formal (формальный), functional (функциональный), individual (индивидуальный), informed (информированный), investment bank (инвестиционный банк), irrational (иррациональный), monetary (монетарный), nominal (номинал), positive (позитивный), private (приватный), productive (продуктивный), progressive (прогрессивный), rational (рациональный), relevant (релевантный), special (специальный), specific (специальный), structural (структурный), vacant (вакантный), value (валюта), valuta (валюта).		
3.	Verb	To accelerate (ускоряться), to accommodate (приспосабливать), to accumulate (аккумулировать), to administer (управлять), to agitate (агитировать), to block (блокировать), to calculate (калькулировать, считать), to devaluate (обесценивать), to economize (экономить), to expertize (проводить экспертизу), to formulate (формулировать), to invest (инвестировать), to recommend (рекомендовать), to reproduce (репродуцировать)	14	8,8
4.	Adverb	Periodically (периодически), personally (персонально), regularly (регулярно)	3	1,9
Total:			159	100

So due to the Tb. 3 and diagram (Fig. 2) we can see that the most frequent used part of speech was “Noun” (109 terms (68,6%)) and the least — “Adverb” (3 terms (1,9%)).

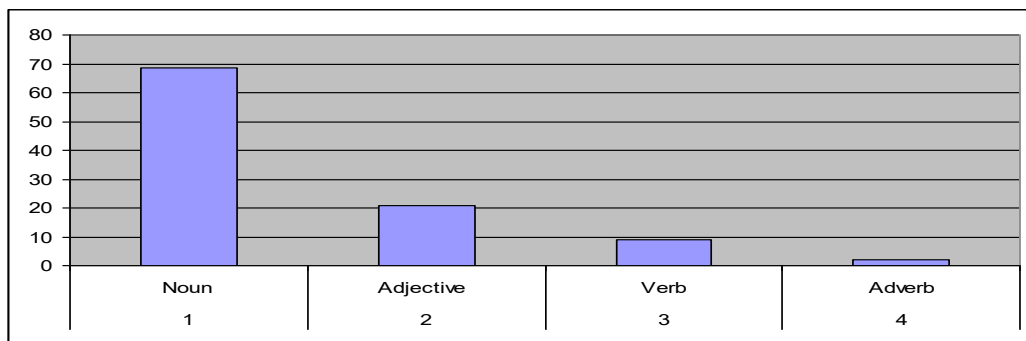

Fig. 2. Quantitative ratios of terms by their part of speech /
Рис. 2. Количественные соотношения терминов по их части речи

In the *Noun* column of the Tb. 3 we defined out such personalities (people) involved in the economic sphere as:

Banker (банкир), broker (брокер), businessman (бизнесмен), cashier (кассир), clerk (клерк), client (клиент), concurrent (конкурент), counselor (консультант), creditor (кредитор), economist (экономист), expert (эксперт),

exporter (*экспортёр*), financier (*финансист*), hypothecary (*должник*), importer (*импортёр*), industrialist (*промышленник*), informer (*информатор*), inspector (*инспектор*), investor (*инвестор*), merchant (*торговец*), millionaire (*миллионер*), monetarist (*монетарист*), personnel (*персонал*), producer (*продюсер, производитель*).

The next step of our investigation was to find synonyms and to classify them by their part of speech:

1. *Nouns*: assignation (*ассигнование*) — assignment (*ассигнование*), double (*дубликат*) — duplicate (*дубликат*), groupage (*группировка*) — grouping (*группирование*), hypothec (*ипотека*) — hypothecation (*ипотека*), pack (*пакет*) — package (*пакет*) — packet (*пакет*), value (*валюта*) — valuta (*валюта*).

2. *Adjective*: effective (*эффективный*) — effectual (*эффективный*), special (*специальный*) — specific (*специальный*).

As follows from the above written results and materials, the data of (the derived terms with adjective-colorism and the borrowed foreign words) were presented in the Excel table, where they were counted on the basis of quantitative ratios. Based on those data, the diagrams (Fig. 1, Fig. 2) were constructed in the same Excel programme. When we finished working in that programme, the tables (Tb. 2, Tb. 3) and diagrams (Fig. 1, Fig. 2) were copied in the text of the present article in Word programme, where their contents were illustrated and described.

3.3. Productivity of suffixes in borrowed foreign words

As it is widely known among scientists in language studies, affix system of English is presented by a set of suffixes and prefixes. But in the present paper only suffixes were studied and analyzed. So, all suffixes had different productivity. To simplify the understanding of the received information on the borrowed foreign words we decided to put it in the brackets after each suffix simultaneously with examples, classified by their part of speech. It has the following structure and content:

1. **Nouns**: **-ity** (1): activity (*активность*); **-acy** (2): accuracy (*аккуратность*), adequacy (*адекватность*); **-tion** (16): alimentation (*поддержка*), assignation (*ассигнование*), consultation (*консультация*), corporation (*корпорация*), fixation (*фиксация*), declaration (*декларация*), devaluation (*девальвация*), hypothecation (*ипотека*), inflation (*инфляция*), importation (*импорт*), position (*позиция*), proportion (*пропорция*), privatization (*приватизация*), registration (*регистрация*), sanction (*санкция*), verification (*верификация, проверка*); **-ance** (2): acceptance (*акцент*), alliance (*альянс*); **-ist** (2): economist (*экономист*), industrialist (*промышленник*); **-ure** (1): infrastructure (*инфраструктура*); **-age** (3): blockage (*блокировка*), groupage (*группировка*), package (*пакет*); **-ment** (2): assignment (*ассигнование*), assortment (*ассортимент*); **-ing** (2): grouping (*группирование*), marketing (*маркетинг*); **-ive** (1): perspective (*перспектива*); **-er** (7): banker

(*банкир*), broker (*брокер*), informer (*информатор*), producer (*продюсер*, *производитель*), exporter (*экспортер*), financier (*финансист*), importer (*импортер*); **-or** (3): inspector (*инспектор*), investor (*инвестор*), calculator (*калькулятор*).

2. **Adjective: -ed** (2): accepted (*общепринятый*), informed (*информированный*); **-ing** (1): banking (*банковское дело*); **-ary** (2): budgetary (*бюджетный*), monetary (*монетарный*); **-al** (11): central (*центральный*), confidential (*конфиденциальный*), economical (*экономный*), effectual (*эффективный*), financial (*финансовый*), formal (*формальный*), functional (*функциональный*), individual (*индивидуальный*), irrational (*иррациональный*), rational (*рациональный*), structural (*структурный*); **-ive** (5): declarative (*декларативный*), effective (*эффективный*), positive (*позитивный*), productive (*продуктивный*), progressive (*прогрессивный*).

3. **Adverb: -ly** (3): periodically (*периодически*), personally (*персонально*), regularly (*регулярно*).

On the results of the described analysis of above given suffixes with the examples of borrowed foreign words, we constructed Tb. 4, demonstrating the following inference:

Table 4 / Таблица 4

**Suffix formation in borrowed foreign words /
Суффиксальное образование в заимствованных иностранных словах**

№	Suffix / Суффикс	Quantity / Количество	%
1.	-acy	2	3
2.	-age	3	4,54
3.	-al	11	16,8
4.	-ance	2	3
5.	-ary	2	3
6.	-ed	2	3
7.	-er	7	10,7
8.	-ing	3	4,54
9.	-ist	2	3
10.	-ity	1	1,5
11.	-ive	1	1,5
12.	-ive	5	7,6
13.	-ly	3	4,54
14.	-ment	2	3
15.	-or	3	4,54
16.	-tion	16	24,24
17.	-ure	1	1,5
Total:		66	100

In that way all suffixes had different productivity due to data of the Tb. 4. We revealed that the most productive suffixes in borrowed foreign words were: **-tion** (16 terms (24,24%)) and **-al** (11 terms (16,8%)), the least productive suffixes were only in (1 term (1,5%)): **-ity, -ive, -ure**.

By the help of the computer programmes it was possible to conduct the research, to write the interpretation and the detailed analysis of the tables and the diagrams in revealing the main characteristics of the economic terms.

Conclusion

So we offer our vision of the linguistic phenomenon, considering the conceptualization as a method of conceptology, which has a dual structure of method and process, taking into account the existing definitions

Further investigations in the economic sphere will allow understanding of importance of modern society's activity.

Summing all up we came to the matter that the conceptualization is a set of specific actions for the study and description of human cognitive activity, consisting in the perception and interpretation of information on the surrounding reality and leading to the concepts' and conceptual systems' formations.

In future it will be perspective to put the materials, results and conclusions of this work into the practice and theory of the language.

References

1. Yurchenko, V.S. (1995). Some features of syntactic science of the XX century and prospects of its development In *Linguistics at the end of the XX century: Results and prospects*, 2. Moscow. pp. 580—581. (In Russ.).
2. Karaulov, Yu.N. (1989). *Preface. Russian language personality and the tasks of its study*. Moscow: Nauka. pp. 3—8. (In Russ.).
3. Krasina, E.A. & Gabballa, M.H. (2018). Switching codes: current state. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 403—415. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-403-415. (In Russ.).
4. Divjak, D., Levshina, N. & Klavan, J. (2016). Cognitive Linguistics: Looking Back, Looking Forward. *Cognitive Linguistics*, 27 (4), 447—463. doi: 10.1515/cog-2016-0095.
5. Buyanova, L.Yu. (2018). Terminology verbalization category of the subject of financial-economic activity: derivation aspect. *Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: "Philology and Arts"*, 2 (217), 17—21. (In Russ.).
6. Semenova, S.N. (2015). Characteristics of discourse term systems in the subject area "Mountain ecosystems". *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, 7 (2), 155—159. (In Russ.).
7. Aksyutenkova, L.G. (2011). Conceptual framework of the conceptualization in language theory: General characteristics. *Bulletin of the Stavropol State University*, 76, 13—19. (In Russ.).
8. Melnikov, G.P. (1991). *Fundamentals of terminology: Studies. Benefits*. Moscow: Peoples' Friendship University publ. (In Russ.).
9. Buyanova, L.Yu. (1996). *Terminological derivation in modern Russian language (meta-language aspect)*. Krasnodar: Krasnodar book publ. house. (In Russ.).
10. Zvegintsev, V.A. (1967). *Theoretical and applied linguistics*. Moscow: Prosveschenie publ. (In Russ.).

11. Aksyutenkova, L.G. (2010). Derivation, as a way of conceptualizing of economic terminological cognitive sphere. *Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: "Philology and Arts"*, 4, 65—69. (In Russ.).
12. Zhandarova, A.V., Semenova, S.N. & Aksyutenkova, L.G. (2018). *Modern problems of cognitive activity in the subject area "Entrepreneurship and Business"*. Krasnodar: Ekoinvest. (In Russ.).
13. Mak, W.M., Tribushinina, E. & Andreiushina, E. (2013). Semantics of Connectives Guides Referential Expectations in Discourse: an Eye-Tracking Study of Dutch and Russian. *Discourse Processes*, 50(8), 557—576. doi: 10.1080/0163853x.2013.841075.
14. Baranov, A.G. (1999). Cognitive formalisms of textual activities. *Bulletin of the Pyatigorsk Linguistic University*, 2, 34—37. (In Russ.).
15. Vorkachev, S.G. (2002). Methodological bases of linguoconceptology In *Aspects of meta-communicative activity*, vol. 3. Voronezh. pp. 79—96. (In Russ.).
16. Karasik, V.I. (2002). Language circle: personality, concept, discourse. Volgograd: Peremena publ. (In Russ.).
17. Butler, B. & Isaac, A. (2000). Finance: an Explanatory dictionary. Moscow: Infra-M Publishing house "Ves' Mir" publ. (In Russ.).

Библиографический список

1. Юрченко В.С. Некоторые особенности синтаксической науки XX века и перспективы ее развития // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы: Тез. междунаrod. конфер. М., 1995. Т. II. С. 580—581.
2. Караулов Ю.Н. Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 3—8.
3. Красина Е.А., Жаббалла М.Х. Переключение кодов: современное состояние // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. no 2. С. 403—415. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-403-415.
4. Divjak D., Levshina N., Klavan J. Cognitive Linguistics: Looking Back, Looking Forward // Cognitive Linguistics. Germany: Mouton de Gruyter, 2016. Vol. 27. no 4. Pp. 447—463. doi: 10.1515/cog-2016-0095.
5. Буянова Л.Ю. Терминологическая вербализация категории субъекта финансово-экономической деятельности: деривационный аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2018. Вып. 2 (217). С. 17—21.
6. Семенова С.Н. Характеристики терминосистем дискурса в предметной области «Горные экосистемы» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. no 7. Ч. 2. С. 155—159.
7. Аксютенкова Л.Г. Понятийный аппарат концептуализации в теории языка: общая характеристика // Вестник Ставропольского государственного университета. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2011. Вып. 76. С. 13—19.
8. Мельников Г.П. Основы терминоведения: Учеб. пособие. М.: Изд-во ун-та дружбы народов, 1991.
9. Буянова Л.Ю. Терминологическая деривация в современном русском языке (метаязыковой аспект). Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1996.
10. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М.: Просвещение, 1967.
11. Аксютенкова Л.Г. Деривация как способ терминологической концептуализации экономической когнитивной сферы // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2010. Вып. 4. С. 65—69.
12. Жандарова А.В., Семенова С.Н., Аксютенкова Л.Г. Современные проблемы когнитивной деятельности в предметной области «Предпринимательство и бизнес». Краснодар: Экoинвест, 2018.

13. Mak W.M., Tribushinina E., Andreiushina E. Semantics of Connectives Guides Referential Expectations in Discourse: an Eye-Tracking Study of Dutch and Russian // *Discourse Processes*. The USA: Ablex Pub. Corp. 2013. Vol. 50. no 8. Pp. 557—576. doi: 10.1080/0163853x.2013.841075.
14. Баранов А.Г. Когнитивные формализмы текстовой деятельности // Вестник Пятигорского лингвистического университета. Пятигорск: Пятигорский лингвистический университет. 1999. no 2. С. 34—37.
15. Воркачев С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии // *Аспекты метакommunikативной деятельности*. Межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 2002. Вып. 3. С. 79—96.
16. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
17. Батлер Б., Айзек А. Финансы: Толковый словарь. М.: Инфра-М Изд-во «Весь Мир», 2000. С. 5—455.

Information about the authors:

Sofiya N. Semenova, candidate of Philology, Associate Professor of English in professional sphere department of Roman-German Philology Faculty at the Kuban State University; *scientific interests*: sociolinguistics, theory of discourse, semantics; *e-mail*: sofiya.semenova75@yandex.ru.

Lyudmila G. Aksyutenkova, candidate of Philology, Associate Professor of English in professional sphere department of Roman-German Philology Faculty at the Kuban State University; *scientific interests*: theory of language, terminology, morphology of terms; *e-mail*: ludmila100@mail.ru.

Сведения об авторах:

Семенова Софья Новиковна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере факультета романо-германской филологии Кубанского государственного университета; *научные интересы*: социолингвистика, теория дискурса, семантика; *e-mail*: sofiya.semenova75@yandex.ru.

Аксютенкова Людмила Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере факультета романо-германской филологии Кубанского государственного университета; *научные интересы*: теория языка, терминология, морфология терминов; *e-mail*: ludmila100@mail.ru.

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-775-789

УДК: 811.161.1:801.73:94(47).05

Научная статья / Research article

Проявление категории образа автора в характеристике правления Петра Великого (на материале сочинения В.О. Ключевского «Русская история»)

О.И. Валентинова¹, Ван Лэлз²

^{1,2}Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Российская Федерация, 117198

¹valentinova-oi@rudn.ru

В статье анализируются особенности проявления категории образа автора в сочинении В.О. Ключевского «Русская история» на примере характеристики царствования выдающегося российского монарха — Петра I, чье правление, резко изменившее поступательное развитие русской жизни, оказало крайне противоречивое влияние на судьбу Российской империи вплоть до ее распада в 1917 году. Цель работы — доказать, что интерпретация текста с позиций категории образа автора как сверхкатегории, выступающей как организующее начало и средоточие сущности текста, позволяет раскрыть внутреннее единство текста не только художественного, но и научного, особенно такого сложного и нетривиального, как труд В.О. Ключевского, обладающий высочайшей познавательной, этической и эстетической ценностью. В ходе исследования — в результате соотнесения авторского *я* с вводимым *я* содержанием и установления принципа отбора фактов, подвергнутых в книге В.О. Ключевского анализу, — эксплицируется прямо не сформулированный в труде историка научный метод, позволяющий реконструировать образ автора как образ исследователя. Наблюдение над особенностями линейного развития текста позволяет обнаружить способы закрепления смыслов, оценить степень их закреплённости, а значит, актуализации, вывести закрепляемые смыслы, установить их общую содержательную направленность и на этом основании реконструировать ценностно-этическую сторону образа автора. Экстраполяция понятия образа автора, разрабатываемого В.В. Виноградовым для системного анализа художественного текста, призванного установить особенности каждого условно выделяемого уровня текста и принцип согласования всех уровней между собой, на научные тексты позволяет существенно расширить наши представления о сфере применения системных методов анализа.

Ключевые слова: категория образа автора, научный текст, В.О. Ключевский, «Русская история»

Благодарность:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00014 «Реконструкция концептуального содержания понятийных полей системной лингвистики».

© Валентинова О.И., Ван Л., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 20.04.2020

Дата приема в печать: 15.07.2020

Для цитирования:

Валентинова О.И., Ван Лэлэ. Проявление категории образа автора в характеристике правления Петра Великого (на материале сочинения В.О. Ключевского «Русская история») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 775—789. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-775-789

UDK: 811.161.1:801.73:94(47).05

Manifestation of the Author's Image Category in the Characteristics of the Reign of Peter the Great (based on the material of V.O. Klyuchevsky "Russian History")

Olga I. Valentinova¹, Wang Lele²

^{1,2}Peoples' Friendship University of Russia (RUDN)

6, Miklukho-Maklaya, Moscow, Russia, 117198

¹valentinova-oi@rudn.ru

Abstract. The article analyzes the features of the manifestation of the category of the author's image in the work of V.O. Klyuchevsky's "Russian History" on the example of the characteristics of the reign of the outstanding Russian monarch — Peter I, whose reign, which dramatically changed the progressive development of Russian life, had an extremely contradictory influence on the fate of the Russian Empire until its collapse in 1917. The purpose of the work is to prove that the interpretation of the text from the standpoint of the category of the author's image, as a supercategory serving as the organizing principle and focus of the essence of the text, reveals the internal unity of the text, not only artistic but also scientific, especially as complex and non-trivial as V.O. Klyuchevsky, possessing the highest cognitive, ethical and aesthetic value. In the course of the study, as a result of correlation of the author's self with the content being introduced and the establishment of the principle of selecting facts exposed in the book by V.O. Klyuchevsky analysis, the scientific method that is not directly formulated in the historian's work is explicated, which allows reconstructing the author's image as the image of a researcher. Observation of the features of the linear development of the text makes it possible to discover ways of reinforcing meanings, to assess the degree of their fixation, and therefore, to actualize, derive fixed meanings, establish their general meaningful orientation and, on this basis, reconstruct the value-ethical side of the author's image. Extrapolation of the concept of the image of the author, developed by V.V. Vinogradov for a systematic analysis of a literary text, designed to establish the features of each conditionally distinguished level of the text and the principle of matching all levels with each other, into scientific texts can significantly expand our understanding of the scope of application of systematic methods of analysis.

Keywords: category of the author's image, scientific text, V.O. Klyuchevsky, "Russian History"

Acknowledgment:

The reported study was funded by RFBR according to the research project No 19-012-00014 «Reconstruction of the content of the conceptual fields of systemic linguistics».

Article history:

Received: 20.04.2020

Accepted: 15.07.2020

For citation:

Valentinova, O.I. & Wang, Lele. (2020). Manifestation of the Author's Image Category in the Characteristics of the Reign of Peter the Great (based on the material of V.O. Klyuchevsky "Russian History"). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (4), 775—789. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-775-789

Введение

Категория образа автора разрабатывалась, как известно, в науке о языке художественной литературы, основания которой были заложены В.В. Виноградовым. Понимание категории образа автора как отражения «изобразителя в изображенном» идет от В.В. Виноградова [1. С. 113], но сама идея неразрывной связи субъекта мысли и познаваемого (изображенное и есть познаваемое) присутствовала в вершинных достижениях гуманитарной мысли и в иных формах выражения: текст — «плод от брака познающего автора и познаваемой реальности, в котором две разнородных энергии образуют неразрывное единство» [2. С. 282; 3. С. 174].

Размышляя над идеями В.В. Виноградова, профессор Л.А. Новиков писал: образ автора выступает одновременно и как «воплощение замысла писателя, и как аппарат исследователя» [4. С. 14—15]. Говоря иначе, образ автора представляет собой объект исследования как «концентрированное воплощение сути произведения», его «идейно-стилистическое средоточие», «фокус целого» [5. С. 118; 6. С. 24; 7. С. 253; 8. С. 203], и метод исследования этого объекта становится «наиболее адекватной категорией для постижения потока авторского сознания, для осуществления целостного всестороннего анализа текста» [9. С. 185; 10. С. 279].

Признавая самоочевидное, что «во всяком тексте есть субъект речи» [11. С. 48—49], а «самая способность изображать явления действительности без всякого отношения к самому себе — есть опять-таки выражение природы автора» [12. С. 56], будет верным полагать, что категория образа автора обладает высоким объяснительным потенциалом по отношению к текстам самой разной этиологии, а по отношению к научным текстам, особенно созданным выдающимися мыслителями в области гуманитарной науки, этот метод позволит в высокой степени достоверно эксплицировать смыслы, остающиеся не замеченными вне системного подхода.

В фокусе нашего внимания «Русская история» В.О. Ключевского (1841—1911), изданная в 1902 году. Эта книга, представляющая собой прочитанный в Московском университете курс лекций по истории России с древних времен до реформ Александра II, соединила XIX век — век исторической науки, время завершения оформления истории как научной дисциплины

плины и расцвета исторических школ, и начинающийся XX. Давая «новые ответы на старые вопросы» [13. С. 88], В.О. Ключевский утверждал новый метод в русской исторической науке, во многом полемичный концепциям Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева.

История — наука, особенно подверженная идеологизации, даже среди гуманитарных наук, испытывающих на себе наибольшее давление. Насколько удастся ученому освободиться от политического заказа, от внешних обстоятельств, от прямой и скрытой цензуры, устоявшихся стереотипов мысли и оценки тех или иных фактов? В преодолении или подчинении идеологизации проявляется *я* мыслителя, ученого. Так же, как оно проявляется и в принципе отбора фактов (исторических фактов, если речь идет об исторической науке), в способах (в том числе композиционных и языковых) их закрепления и интерпретации.

Особенности проявления образа автора в типе повествования от первого лица единственного числа

Сочинение историка, освещающего исторические факты и события и их внутреннюю взаимосвязь, представляет собой «общение повествующего субъекта (автора) с интеллектуальным читателем» [14. С. 248], а значит, представляет собой повествование, хотя — в отличие от художественного текста [15; 16; 17; 18] — и ограниченное в своих формах.

Внутренняя связь элементов повествования, их взаимодействие и общая смысловая направленность, выражая особое освещение события, особую точку зрения на него, станут проявлением образа автора. Образ автора будет проявляться и в смене типов повествования.

В системе типов повествования в художественном тексте отчетливо противопоставлены повествование от первого лица и повествование от третьего лица [19. С. 64]. Они различаются способом изложения, характером образа повествователя и, соответственно, особенностями проявления таких признаков, как субъективность/объективность, достоверность/недостоверность, ограничение изображаемого пространственно-временной точкой зрения повествователя/отсутствие этого ограничения [20]. «Типы повествования в больших эпических построениях вступают в разнообразные сочетания друг с другом, создавая сложную неоднородную систему текста» [21. С. 107].

Для стереотипного научного текста характерна безличностная форма изложения или иллюзорно личностное обобщающее *мы*. Если оставаться на позициях классической рациональности и полагать, что субъект познания отвлечен от объекта познания и безучастно вырабатывает и систематизирует объективные знания о мире, безличность будет восприниматься как показатель объективности. Однако понимание того, что получение объективного знания об объекте определяется разработкой (и/или выбором) методов и методик исследования, объяснением хода познавательной деятельности и уточнением собственно научных и общественных ценностей, делает все бо-

лее и более возможной организацию научного текста от первого лица единственного числа. Какие же функции выполняет этот тип повествования в сочинении В.О. Ключевского? Будет ли он использоваться, чтобы, как принято считать, заинтересовать читателя или подчеркнуть субъективность в изложении событий?

Анализ содержания, которое вводится повествованием от первого лица единственного числа, проясняет функцию этого типа повествования: так осуществляется выход на методологию исследования и разработанный и примененный ученым исследовательский метод. «И так как диалектика непременно предполагает тех, кто переговаривается, кто разговаривает, то методологическому Я соответствует методологическое же Мы и другие методологические *personae dramaticae dialecticae*. Ими-то и осуществляется некое *dia-*, *пере-*, *раз-*, т.е. методологическая среда, которая сливается с объектом свои личные энергии» [22. С. 825].

Научный метод, который можно сформулировать как сложное разнонаправленное сравнение, осуществляемое по двум осям — пространственной и временной, находит выражение в высказываниях, вводимых местоимением *я*.

Реформаторская деятельность Петра I рассматривается в трех аспектах:

«1. Что дала Петру дореформенная Россия; 2. Что он взял у Западной Европы; 3. Что оставил России, им преобразованной, точнее, что после него сделали из его дела, — вот три части, на которые распадается общий вопрос о значении реформы» [23. С. 658].

В центре рассмотрения оказывается не состояние дел, синхронное времени правления Петра I, а прошлое, питающее реформу, и будущее, искажившее замысел реформатора: дореформенная Россия (что дала Петру?), послереформенная Россия — как трансформировали реформу после смерти реформатора?

Важны для прояснения научного метода, в котором проявляется образ исследователя, и выделенные автором источники реформы: дореформенная Россия и Западная Европа, один из которых (*дореформенная Россия*) выступает как инициатор события (*дает*), а другой (*Западная Европа*) как пассивный объект, претерпевающий на себе действие субъекта: *Петр взял у Западной Европы*.

Реплика *«обращаюсь к третьей части вопроса»* [23. С. 665] возвращает слушателей и читателей к неявно сформулированному методу, свидетельствуя о значимости метода для автора.

Вводя формой первого лица единственного числа тему обсуждения (именно эту, а не иную), ограничивая ее рассмотрение той иной стороной вопроса или выстраивая порядок (по сути — иерархию) рассмотрения разных аспектов, исследователь проявляет себя как сознательно действующий субъект познания.

Образ исследователя проявится не только в методе, но и в отборе тем, и в ракурсе их изображения: «В подборе фактов и будет указание, как их понимать» [24. С. 104].

«Отлагая вопрос о финансовом значении подушной подати до чтения о финансовой реформе Петра, скажу теперь о ее социальном и народнохозяйственном действии» [25. С. 598], — в этом высказывании из реформ, инициированных Петром I, авторским я (личным окончанием глагола, отсылающим к инициатору действия) выделяется *реформа подушной подати*, разграничиваются направления влияния этой реформы и выстраивается иерархия этих направлений — социальное значение, народнохозяйственное и финансовое.

На первое место ставится *социальное действие*, ‘то, что влияет на общество’, Рассмотрение финансового значения *отлагается* — ‘переносится на более поздний срок’ [26. Т. 8. С. 1438]. Отлагая рассмотрение финансового значения подушной подати, автор уточняет приоритетные ракурсы анализа — влияние подушной подати на общество и на народное хозяйство.

Я — открытое проявление личной воли автора, хотя бы и сделанное в мягкой форме. *Я* ограничивает рассмотрение ученым преобразовательных мер Петра I:

«Я сделал далеко не полный очерк преобразовательной деятельности Петра, не коснулся ни мер по общественному благоустройству и народному образованию, ни перемен в понятиях и нравах. Эти меры и перемены или не входили в круг прямых задач реформы, или не успели обнаружить своего действия при жизни преобразователя, или, наконец, почувствовались только некоторыми классами общества» [23. С. 652].

Таким образом автор подчеркивает принцип отбора реформ, которые он анализирует: из всех реформ были отобраны те, которые входили в круг прямых задач преобразователя, обнаружили свое действие уже при жизни Петра I, затронули все классы общества. Важен и критерий конечной оценки реформ, который формулирует ученый, — соотнесение *исходного момента* и *конечной цели реформы*:

«Я говорил, что реформа по своему исходному моменту и по своей конечной цели была военно-финансовая, и я ограничил обзор ее [реформы] фактами, которые, вытекая из этого двойственного ее значения, коснулись всех классов общества, отозвались на всем народе» [23. С. 652].

Отлагая рассмотрение какого бы то ни было вопроса или свидетельствуя о нарушении педагогического правила (*не повергать слушателей в ‘мрачное, подавленное состояние духа; чувство гнетущей тоски, печали, скуки’* [23. С. 684]), автор актуализирует значимость того, о чем он будет говорить в первую очередь. В расстановке этих приоритетов проявляется образ автора:

«Я решаюсь нарушить педагогическое правило не повергать своих слушателей в уныние, знакомя вас с некоторыми чертами инструкции морской академии, утвержденной Петром в 1715 г.» [23. С. 677].

Оценка учрежденной при Петре I морской академии содержится прежде всего в ссылке к инструкции самой академии. Исторический документ сам свидетельствует против себя — еще один способ проявления образа автора:

«Для унятия крика и бесчинства выбрать из Гвардии отставных добрых солдат, и быть им по человеку во всякой каморе во время учения, и иметь хлыст в руках; и буде кто из учеников станет безчинствовать, оным бить, не смотря какой бы он фамилии ни был, под жестким наказанием, кто поманит» [27. С. 176].

Я повествователя актуализирует вводимое им содержание, хотя внешне выполняет механическую функцию — ограничивает тему обсуждения, или отмечает завершение обсуждения, или возвращает к сказанному ранее:

- «Как в торговом доме основой союза служило родство, так в комиссионном складстве — доверие. **Не говорю об артелях, представляющих соединение капитала и труда. Петр предоставил этим самородным союзам действовать как умеют, хотя и принимал их во внимание**» [23. С. 607].

Заметим, что в этом высказывании автор использует понятия, содержание которых сегодня требует дополнительного раскрытия, но В.О. Ключевский оперирует ими как уже известными его слушателям и читателям: *торговый дом*, *комиссионное складство*, *артель*. Критерием разграничения этих понятий становится основание, по которому люди объединяются в сообщества: *торговый дом* основывается **на родстве**, *комиссионное складство* — объединение купцов, основанное **на доверии**, *артель* — группа лиц, объединившихся для **совместной работы** и имеющих **общий капитал**. Я автора проявляется и в строгости научного разграничения предпринимательских объединений, основанного на едином критерии, и в индивидуально авторской характеристике артелей как *самородных союзов*.

— «Наконец **я кончил обзор реформ в управлении. Он мог бы быть гораздо короче, но я не заботился о его сокращении**» [25. С. 525].

— «Как вы припомните, **я сделал оговорку, что оно не вполне выражается в явлениях, наблюдаемых в пределах жизни Петра, что в оценку его дела должны войти следствия реформы, обнаружившиеся по смерти преобразователя**» [23. С. 665].

Припомнить — ‘приводить на память что-либо, напоминать о чем-либо’ [26. Т. 11. С. 686].

Оговорка — ‘разъяснительное замечание, поправка, дополнение к сказанному или написанному’ [26. Т. 8. С. 625]. Выражение *как вы припомните, я сделал оговорку* значимо в раскрытии образа автора: в оценке реформы преобразователя исследователь выводит на первый план следствия реформы, продолжавшие после смерти Петра I. В этом критерии оценки — научное кредо автора.

- «Излагая народные толки при Петре и про Петра, **я указывал, как оживленно пересуживали самые простые люди текущие явления, далекие от их ежесдневного кругозора**» [23. С. 689].

«Научные тексты не безличны, хотя степень их личностности значительно варьируется и зависит от целого ряда факторов» [28. С. 191]. Личность проявляется и в прямых свидетельствах автора о своем волеизъявлении

нии (я указывал, я кончил обзор, я ограничивал...), и в безличностных формах представления содержания. Однако внешние формы проявления личности не свидетельствуют о степени ее проявления. Механические принципы оценки не работают.

Так, степень личностности определяется не фактом появления я как субъекта речи, а соотношением я с тем содержанием, которое это я вводит. Авторское я в сочинении В.О. Ключевского «Русская история» становится показателем неявно сформулированного научного метода, представляя собой ключ к раскрытию образа автора как образа исследователя.

Средства выразительности в научном тексте как проявление образа автора

Образ автора научного текста проясняется и в использованных средствах выразительности [см также: 29. С. 112; 30. С. 142].

Резко отрицательное отношение к порядкам, принятым в созданной в 1715 году указом Петра I Морской академии, закрепляется в труде В.О. Ключевского подчеркнуто объективно: в отобранных для цитирования фрагментах Устава академии троекратно повторяется основной стимул всех действий воспитанников академии — наказание: *«Морская гвардия, как называются воспитанники академии, ежедневно ранним утром собирается в зале для молитвы, прося господ бога о потребной милости и о здравии его царского величества и о благополучии его оружия, под наказанием. Затем каждый должен сесть на свое место «без всякой конфузии, не досаждая друг другу, под наказанием. Ученики должны слушать, чему их будут учить профессора, и к оным надлежащее почтение иметь, под наказанием»* [23. С. 677]. Если соотнести стимул с действиями, к которым он побуждает, прояснится абсурдное несоответствие добродетельного действия и насильственного способа побуждения к нему: собираться для молитвы; просить Бога о милости, о благополучии, о здравии; не мешать другу; учиться; уважать профессоров — и все под страхом наказания.

Образ автора проявится и в противопоставлении номинаций, обозначающих один денотат: *морская гвардия — воспитанники академии*, делающие все под страхом наказания.

Принцип отбора фактов (достоверных фактов!) и способ их закрепления в тексте отражают и историческую действительность, и «изобразителя». Реконструкция и структура образа автора, проявляющегося в не прямой оценке исторической личности и исторических фактов и событий, часто много сложнее, чем реконструкция и структура образа автора, проявляющегося в прямых оценках, характерных, например, для С.М. Соловьева: *«...мы имеем полное право назвать [Петра I] величайшим историческим деятелем, ибо никто не может иметь большего значения в истории цивилизации. Петр не был вовсе славлюбцем-завоевателем и в этом явился полным представителем своего народа»* [31. С. 483].

Однако далеко не всегда прямая оценка вводит шаблонные или примитивно пропагандистские смыслы:

«В учебном ведомстве создавалась атмосфера, чуждая и даже враждебная науке <...>. Школа, превращавшая воспитание юношества в дрессировку зверей, могла только отталкивать от себя и помогла выработать среди своих питомцев своеобразную форму противодействия — побег, примитивный, еще не усовершенствованный способ борьбы школяров со своей школой» [23. С. 677].

Эпоха правления Петра I раскрывается через актуализацию несовместного: *учебное ведомство — атмосфера, чуждая и даже враждебная науке, воспитание — дрессировка, юношество — звери*. Такая школа могла только отталкивать, то есть ‘внушать неприязнь, отвращение к себе’ [26. Т. 8. С. 1641], и выработала пассивную форму противодействия, борьбы с собой — побег.

Образ автора раскрывается не только в неодобрении основанного на насилии устройства Морской академии, но и в интеллектуальном способе выражения этого неодобрения и в исторической аргументации как объективной обоснованности позиции ученого.

Прояснение характера и способов научной аргументации, формирующих историческую оценку того или иного исторического факта, выводит нас на категорию образа автора исторического сочинения и проясняет личную оценку ученым исторических лиц и их деяний.

Содержательная плотность текста обеспечивается высокой концентрацией экспрессивных средств выражения, позволяющих экономно выразить сложную мысль. Смена точек зрения в пределах лаконичного высказывания без изменения грамматического агенса жестко сталкивает непримиримые оценки одного и того же события:

«Смотря на свои преобразования как на служение государственному интересу, всенародной пользе, Петр I принес в жертву этому верховному закону своего сына. Печальным концом царевича вызван был Устав 5 февраля 1722 г. о престолонаследии <...>. Устав в свое оправдание ссылается на пример великого князя Ивана III, который произвольно распорядился престолонаследием, сперва назначив преемником внука, а потом сына» [23. С. 658].

Петр (позиция Петра) смотрит на свои преобразования как на служение государству и всенародную пользу;

Петр (позиция автора текста) приносит в жертву этим своим взглядам своего сына, то есть ‘бросает в беде, дает погибнуть, предаёт’ [32] своего сына.

Обнажается несовместность идеи служения государству и всенародной пользе и предательства сына.

Следующее высказывание не только свидетельствует о причинах появления Устава 5 февраля 1722 года «О наследии престола», в котором Петр I отменял обычай передавать престол прямым потомкам по мужской линии и предусматривал назначение наследника по воле монарха, но выражает и формирует у слушателей и читателей сочувствие к трагической судьбе по-

гибшего в Петропавловской крепости царевича Алексея — *печальный конец царевича*.

Безусловно значимо, что, хотя Устав написан от имени Петра I — «Мы Петр Первый Император и Самодержец Всероссийский и прочая и прочая и прочая объявляем...», В.О. Ключевский, пишет «*Устав в свое оправдание ссылается*», а не «*Петр в свое оправдание ссылается*». Так достигается противопоставление воли Петра, которой самодержец сообщил статус закона, частному произволу князя Ивана III. Устав сам освобождает себя от вины: «в свое освобождение от вины» (*в оправдание*) ссылается. Узаконивается освобождение от вины.

Ссылка на исторические документы может носить характер прямого цитирования отобранных фрагментов (цитирование Устава Морской академии) или компрессии исторического текста (Устав о наследии престола), которая не выделяется из общего рассуждения автора. Способ отсылки к историческому документу как проявление личной воли автора текста оказывается существенным для реконструкции образа автора этого текста.

Чтение сочинения В.О. Ключевского требует напряженного внимания к сложной форме выражения мысли. Диалогичность как внутренняя насыщенность конфликтными смыслами, столкновением позиций определяет едва ли не каждое высказывание «Истории России». Характеризуя отношение Петра I к Западной Европе, историк пишет: «...он *не питал к ней слепого или нежного пристрастия*, напротив, относился к ней с *трезвым недоверием и не обольщался мечтами о задушевных ее отношениях к России*, знал, что Россия всегда встретит там только пренебрежение и недоброежелательство» [23. С. 660]. Схематичное многократно воспроизводимое представление о восторженном отношении Петра I к Европе (*питал к Европе слепое, нежное пристрастие, мечтал о задушевных отношениях Европы к России...*) через отрицание и утверждение обратного вступает в этом высказывании в диалогичные отношения со взвешенной оценкой сложного отношения Петра I к Европе: *слепое и нежное пристрастие — трезвое недоверие; задушевные отношения России с Европой — пренебрежение и недоброежелательство к России со стороны Европы*.

Мысль историка часто строится как преодоление существующих стереотипов в понимании истории и оценке исторических лиц.

Внимание к восприятию исторических событий и политических деятелей их современниками позволяет ученому создать психологический портрет эпохи, но и в этот портрет как в объективацию коллективного сознания входит прямо и опосредованно я создателя текста: *Деятельность Петра во всем русском обществе пробудила непривычную и усиленную работу политической мысли. Переживали столько неожиданных положений, встречали и воспринимали столько невиданных явлений, такие неиспытанные впечатления ложились на мысль, что и неотзывчивые умы стали задумываться над тем, что творилось в государстве. Излагая народные*

толки при Петре и про Петра, я указывал, как оживленно пересуживали самые простые люди текущие явления, **далекие от их ежедневного кругозора**. Но **странные явления, которые так возбуждали общее внимание, не прекращались и после Петра** [23. С. 689]. В многократном семантическом повторе **непривычный — неожиданный — невиданный — неиспытанный — странный — возбуждающий всеобщее внимание — далекий от ежедневного кругозора**, усиленных наречиями и местоимениями *столько, так, такие*, проявляется образ автора. Голос автора слышен в глаголе *твориться*. *Творится* обычно ‘что-то неладное, недоброе, невообразимое’ [26. Т. 15. С. 175]. То, что новое, является и недобрым, и невообразимым.

Новизна деятельности Петра абсолютная и неприятно удивляющая всех.

Итоговая характеристика реформаторской деятельности Петра I в области государственного управления, основанная на оценке ее результатов, которые проявятся после Петра, оформляется в диалогическом противостоянии официальным стереотипам:

«Наконец я кончил обзор реформ в управлении... В этой отрасли своей деятельности Петр потерпел всего больше неудач, допустил немало ошибок; но это не были случайные, скоропреходящие явления. Преобразовательные неудачи станут после Петра хроническим недугом нашей жизни, правительственные ошибки, повторяясь, превратятся в технические навыки, в дурные привычки последующих правителей; те и другие будут потом признаны священными заветами великого преобразователя, хотя он сам иногда сознавал свои неудачи и не раз сознавался в своих ошибках» [25. С. 525]. Священными заветами великого преобразователя будут именоваться *преобразовательные неудачи, хронический недуг* российской жизни, *правительственные ошибки, технические навыки, дурные привычки* последующих правителей. Семантические повторы, закрепляющие мысль историка лексически (*хронический, повторяться, навыки, привычки*), и не лексически выраженные смыслы (в этом случае *лицемерие, лживость* российской власти) крайне значимы для реконструкции образа автора.

Заключение

Предметный и объективный способ рассмотрения мира отличает науку от других способов познания. Но познание невозможно без познающего субъекта. Занятие наукой формирует или должно формировать особый тип личности, нацеленной на непрерываемый поиск истины, на объективность научного познания, не допускающей искажения истины в угоду личным, социальным или политическим целям. Образ автора научного текста — образ исследователя, который не лежит на поверхности, а требует выведения. Реконструкция образа автора научного текста выведет на принцип организации научного текста как целого, диктуемый ценностными идеалами ученого, методологическими и этическими.

Образ автора научного текста проявится в выборе метода, в аргументации этого выбора и результатах его применения, в принципе отбора материала, в иерархии выстраиваемых вопросов, в способах и тщательности закрепления смыслов.

В сочинении В.О. Ключевского «Русская история» научный метод реконструируется через соотнесение авторского я с вводимым этим я содержанием. Реконструкция научного метода станет ключом к раскрытию образа автора как образа исследователя. Определение способов актуализации смыслов и реконструкция актуализированных смыслов выведет на ценностную составляющую образа автора: невозможность достижения благих целей неблагими средствами.

Библиографический список

1. *Виноградов В.В.* Проблема авторства и теория стилей. М.: Гослитиздат, 1961.
2. *Флоренский П.А.* Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс, 1993.
3. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
4. *Новиков Л.А.* Художественный текст и его анализ. М.: Русский язык, 1988.
5. *Виноградов В.В.* О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971.
6. *Виноградов В.В.* Наука о языке художественной литературы и ее задачи. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.
7. *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. М.: Художественная литература, 1959.
8. *Виноградов В.В.* Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980.
9. *Новиков Л.А.* Избранные труды. Т. 2. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М.: изд-во РУДН, 2001.
10. *Валентинова О.И.* Системный подход к исследованию текста и стиля: обоснование причинной типологии текстов // О.И. Валентинова, В.Н. Денисенко, С.Ю. Преображенский, М.А. Рыбаков. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: Языки славянских культур, 2016.
11. *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. Москва: Учпедгиз, 1959.
12. *Белинский В.Г.* Собрание сочинений в девяти томах. Том 4. М.: Художественная литература, 1979.
13. *Сыромятников Б.И.* В. О. Ключевский и Б. Н. Чичерин // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М.: Научное слово, 1912.
14. *Новикова М.Л.* Остраннение как основа образной языковой семантики и структуры художественного текста: Монография. М.: изд-во РУДН, 2005.
15. *Успенский Б.А.* Поэтика Композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы. М.: Искусство, 1970.
16. *Корман Б.О.* Итоги и перспективы изучения проблемы автора // Страницы истории русской литературы. М.: Наука, 1971.
17. *Орлова Е.И.* Образ автора в литературном произведении. М.: Флинта, 2008.
18. *Валгина Н.С.* Теория текста. М.: Логос, 2003.
19. Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. Научные редакторы и составители д.ф.н. И.П. Ильин, к.ф.н. Е.А. Цурганова. М.: Интрада–ИНИОН, 1996.
20. *Анатольева Н.Н.* Филологический анализ текста. Режим доступа: <https://www.litmir.me/bg/?b=135271&p=28> (дата обращения 15.04.2020).

21. *Кожевникова Н.А.* О соотношении типов повествования в художественных текстах // Вопросы языкознания. 1985. по 4. С. 104—114.
22. *Флоренский П.А.* Вступительное слово перед защитой на степень магистра книги «О духовной истине» [М., 1912], сказанное 19 мая 1914 г. // П.А. Флоренский. Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990.
23. *Ключевский В.О.* Русская история. М.: ЭКСМО, 2017.
24. *Достоевский Ф.М.* Бесы: Глава «У Тихона». Рукописные редакции // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 11. Л., 1974.
25. *Ключевский В.О.* Русская история: полный курс лекции. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004.
26. Словарь современного русского литературного языка. В 17-х тт. (БАС) // Под ред. В.И. Чернышёва. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1948—1965.
27. Полное собрание законов Российской империи 1713—1719. СПб. 1830. Т.5. № 2937.
28. *Баженова Е.А.* Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь: Издательство Пермского университета, 2001.
29. *Новикова М.Л.* Поэтика остраннения. Словесный образ в культурно-историческом пространстве. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. по 2. С. 110—120.
30. *Достоевский Ф.М.* в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990.
31. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга IX. Начало 20-х годов XVIII века [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://booksafe.net/read/solove1xxxv_sergey-istoriya_rossii_s_drevneyshih_vremen_kniga_ix_nachalo_20_h_godov_xviii_veka_1725-74592.html#p2 (дата обращения 20.03.2020).
32. Толковый словарь живого великорусского языка Даля [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://royallib.com/read/dal_vladimir/tolkoviy_slovar_givogo_velikorusskogo_yazika.html#0 (дата обращения 20.03.2020).

References

1. Vinogradov, V.V. (1961). *Problem of authorship and theory of styles*. Moscow: State Publishing House of Fiction. (In Russ.).
2. Florensky, P.A. (1993). *Analysis of spatial and time in artistic and visual works*. Moscow: Progress. (In Russ.).
3. Bahtin, M.M. (1986). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
4. Novikov, L.A. (1988). *Art text and its analysis*. Moscow: Russian language. (In Russ.).
5. Vinogradov, V.V. (1971). *About art speech theory*. Moscow: Higher School. (In Russ.).
6. Vinogradov, V.V. (1958). *Science on the language of fiction and its tasks*. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).
7. Vinogradov, V.V. (1959). *On the language of fiction*. Moscow: Art Literature. (In Russ.).
8. Vinogradov, V.V. (1980). *Selected works*. About the language of artistic prose. Moscow: Nauka. (In Russ.).
9. Novikov, L.A. (2001). *Selected works*. Vol. 2. Esthetic aspects of language. Miscellanea. Moscow: RUDN. (In Russ.).
10. Valentinova, O.I. (2016). System approach to text and style research: justification of causal typology of texts In *O.I. Valentine, V.N. Denisenko, S.Y. Preobrazhenskiy, M.A. Rybakov. Systemic view as the basis of philological thought*. Moscow: Languages of Slavic cultures. (In Russ.).
11. Vinokur, G.O. (1959). *Selected works in Russian language*. Moscow: State Educational and Pedagogical Publishing House. (In Russ.).
12. Belinsky, V.G. (1979). *Collection of works in nine volumes*. Volume 4. Moscow: Hudojstvennaja literatura. (In Russ.).

13. Syromyatnikov, B.I. (1912). V.O. Klyuchevsky and B.N. Chicherin In *V.O. Klyuchevsky Characteristics and Memories*. Moscow: Nauchnoe slovo. (In Russ.).
14. Novikova, M.L. (2005). *Ostranization as the basis of the figurative language semantics and structure of the artistic text*: Monograph. Moscow: RUDN. (In Russ.).
15. Uspenskiy, B.A. (1970). *Poetics Compositions. Structure of artistic text and typology of compositional form*. Moscow: Art. (In Russ.).
16. Korman, B.O. (1971). Results and prospects of studying the problem of the author In *Page of the history of Russian literature*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
17. Orlova, E.I. (2008). *The image of the author in the literary work*. Moscow: Flinta. (In Russ.).
18. Valgina, N.S. (2003). *Theory of text*. Moscow: Logos. (In Russ.).
19. Modern foreign literary criticism (countries of Western Europe and the USA): concepts, schools, terms. (1996). Encyclopedic reference book, I.P. Illin, E.A. Zurganov (eds.) Moscow: Intrada—INION. (In Russ.).
20. Anatolyeva, N.N. Philological analysis of the text. Manual. P. 28. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=135271&p=28> (accessed: 15.04.2020). (In Russ.).
21. Kozhevnikov, N.A. (1985). On the Ratio of Narrative Types in Artistic Texts. *Topics in the study of language*, 4, 104—114. (In Russ.).
22. Florensky, P.A. (1990). The opening statement before the protection for the master's degree of the book "On spiritual truth" [Moscow, 1912], said May 19, 1914 In *P.A. Florenskiy Pillar and the statement of truth*. Moscow: Pravda. (In Russ.).
23. Klyuchevsky, V.O. (2017). *Russian history*. Moscow: EXMO. (In Russ.).
24. Dostoyevsky, F.M. (1974). Besa: Head of "At Tihon." Handwritten editions In *Dostoyevsky F.M. Complete collection essays: in 30 vol*. Vol. 11. Leningrad. (In Russ.).
25. Klyuchevsky, V.O. (2004). *Russian history: full course of lecture*. Moscow: OLMA-PRESS Education. (In Russ.).
26. The dictionary of modern Russian literary language. (1948—1965). In 17-th. (BAS), V.I. Chernyshyova (Ed.). Moscow; Leningrad: publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).
27. The complete collection of laws of the Russian Empire 1713—1719. (1830). Vol. 5. No. 2937. St. Petersburg. (In Russ.).
28. Bazhenova, E.A. (2001). Scientific text in the aspect of politicization. Perm: Publishing house of the Perm university. (In Russ.).
29. Novikova, M.L. (2013). Poetics cutting. Verbal image in cultural and historical space. *Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 2, 110—120. (In Russ.).
30. Dostoyevsky, F.M. (1990). In memories of contemporaries: In 2 vol. Vol. 2. Moscow: Art Literature. (In Russ.).
31. Solovyev, S.M. History of Russia from ancient times. Book IX. Early 20s 18th century [Electronic resource]. URL: [https:// bookscafe.net/read/solove1xxxv_sergey-istoriya_rossii_s_drevneyshih_vremen_kniga_ix_nachalo_20_h_godov_xviii_veka_1725-74592.html#p2](https://bookscafe.net/read/solove1xxxv_sergey-istoriya_rossii_s_drevneyshih_vremen_kniga_ix_nachalo_20_h_godov_xviii_veka_1725-74592.html#p2) (accessed: 20.03.2020). (In Russ.).
32. The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl [Electronic resource]. URL: https://royallib.com/read/dal_vladimir/tolkoviy_slovar_givogo_velikorusskogo_yazika.html#0 (accessed: 20.03.2020). (In Russ.).

Сведения об авторах:

Валентинова Ольга Ивановна — доктор филологических наук, профессор Российского университета дружбы народов (РУДН), руководитель программы научной стажировки «Общая и частная методология филологической науки». *Сфера научных интересов*: системная лингвистика, филологическая герменевтика, история литературного языка, история и теория поэтического языка; *e-mail*: valentinova-oi@rudn.ru.

Ван Лэлэ — аспирантка первого курса РУДН кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. *Сфера научных интересов*: филологическая герменевтика. *e-mail*: 2514751775@qq.com.

Information about the authors:

Olga I. Valentinova, DSc in Philology, Full Professor, Professor at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), head of the scientific training program "General and specific methodology of philological science". Her *research interests* include systemic linguistics, philological hermeneutics, history of the literary language, history and theory of poetic language; *e-mail*: valentinova-oi@rudn.ru.

Wang Lele, PhD student in General and Russian Linguistics Department, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia. Her *research interests* include philological hermeneutics; *e-mail*: 2514751775@qq.com.

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-790-794

УДК: 811.161.1'374:316.77:004

Информационная статья / Informative article

Юрий Николаевич Караулов. К 85-летнему юбилею

Н.Л. Чулкина¹, В.Н. Денисенко²

^{1,2} Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
¹chulkina-nl@rudn.ru

Статья приурочена к восьмидесятипятилетнему юбилею Юрия Николаевича Караулова (1935—2016) — известного советского и российского лингвиста, доктора филологических наук, члена-корреспондента РАН и лауреата Государственной премии СССР (1991). Вклад Ю.Н. Караулова в развитие филологического образования и современной языковедческой науки представлен основными направлениями его многогранной научно-исследовательской деятельности. В статье представлен обзор фундаментальных трудов ученого в области общего и русского языкознания, лексикологии и лексикографии, прикладной лингвистики, когнитивистики. Ю.Н. Караулов являлся основоположником и руководителем научной школы «Русская языковая личность», программа которой объединила ряд разрабатываемых в современной лингвистике исследовательских направлений.

Ключевые слова: этнокультурная специфика языковой, межкультурное и межэтническое сопоставление языкового сознания, речевой образ рядового носителя русского языка, типология языковых личностей, языковая личность художника слова, лексикографическая параметризация языка писателя, компьютерная технология функционирования когнитивера

История статьи:

Дата поступления: 20.08.2020

Дата приема в печать: 25.08.2020

Для цитирования:

Чулкина Н.Л., Денисенко В.Н. Юрий Николаевич Караулов. К 85-летнему юбилею // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 4. С. 790—794. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-790-794

UDK: 811.161.1'374:316.77:004

Yuri Nikolaevich Karaulov To the 85th Anniversary of Prof. Yu.N. Karaulov

Nina L. Chulkina¹, Vladimir N. Denisenko²

^{1,2} Peoples' Friendship University of Russia (RUDN)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198
¹chulkina-nl@rudn.ru

Abstract. The article is dedicated to the 85 anniversary of Yuri Nikolaevich Karaulov (1935—2016), a well-known Soviet and Russian linguist, Doctor of Philology, Corresponding

© Чулкина Н.Л., Денисенко В.Н., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

member of the Russian Academy of Sciences and winner of the USSR State prize (1991). The contribution of Yu.N. Karaulov to the development of philological education and modern linguistics is represented by the main directions of his multi-faceted research activities. Special attention is paid to the fundamental works of the scientist in the field of General and Russian linguistics, lexicology and lexicography, and applied linguistics. The article covers the results of applied research of Professor Yu.N. Karaulov, related to the main directions of its research activities: “the theory of linguistic personality”, “cognitive linguistics” and “theory and practice of lexicography”. Yu.N. Karaulov was the founder and head of the scientific school “Russian language personality”, the program of which United many research areas actively developed in modern linguistics.

Keywords: ethnocultural specificity of language, cross-cultural and interethnic comparison of language consciousness, speech image of an ordinary native speaker of the Russian language, typology of language personalities, language personality of the artist, lexicographic parameterization of the writer’s language, computer technology of cognizer functioning

Article history:

Received: 20.08.2020

Accepted: 25.08.2020

For citation:

Chulkina, N.L. & Denisenko, V.N. (2020). Yuri Nikolaevich Karaulov. To the 85th Anniversary of Prof. Yu.N. Karaulov. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (4), 790—794. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-790-794

В 1987 году в издательстве «Наука» вышла книга, автор которой поверх сосюрковского тезиса «За каждым *текстом* стоит *система* языка» написал: «За каждым *текстом* стоит *языковая личность*, владеющая *системой* языка». Это была монография «Русский язык и языковая личность», и её автором был член-корреспондент АН СССР, директор академического Института русского языка Юрий Николаевич Караулов. С этого момента декларируемый и ранее антропоцентризм получил статус новой научной парадигмы в отечественном языкознании. «Человек говорящий» стал притягательным объектом лингвистических исследований наравне с «языком-текстом» и «языком-системой». Однако становление нового направления проходило в непростой обстановке господствовавшего в науке о языке системоцентризма. Всё, что выходило за рамки системного подхода, объявлялось «экстралингвистическим», «размывающим» объект науки о языке. В такой ситуации от Юрия Николаевича Караулова потребовалось настоящее мужество и твёрдая уверенность учёного в том, что нельзя изучать человеческий язык в отрыве от самого человека — его создателя и носителя, от языковой личности.

В этом году мы отмечаем 85-летний юбилей Юрия Николаевича. Он не дожил до этой даты всего четыре года. Конечно, и 81 год — возраст достаточно солидный, но именно в эти четыре года идеи выдающегося ученого получили действительно широкое признание и распространение. Междисциплинарность в лингвистике и превращение филологии, по словам академика РАН С.С. Аверинцева, в «содружество гуманитарных наук», — это, среди других факторов, и результат научного творчества Юрия Николаевича Караулова.

Это был учёный чрезвычайно широкого диапазона. Но главными направлениями его исследовательской деятельности были «теория языковой личности», «когнитивная лингвистика» и «теория и практика лексикографии». Органично связанные друг с другом, они нашли отражение в таких известных трудах Ю.Н. Караулова, как «Общая и русская идеография» (1976) [1], «Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка» (1981), «Русский язык и языковая личность» (1987, 2002, 2003, 2004) [3], «Словарь Пушкина эволюция языковой способности» (1992) [4], «Ассоциативная грамматика русского языка» (1993) [5], «Лингвокультурное сознание русской языковой личности» (2009) [6]; в принципиально новых словарях — семантических, ассоциативных, метафор, художественной речи. Последний широкомасштабный проект, который возглавлял Юрий Николаевич Караулов, — уникальное лексикографическое произведение с оригинальной концепцией авторского словаря — «Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий» [7; 8; 9; 10]. Всего на счету этого выдающегося учёного более 300 научных работ, 13 монографий и 11 словарей.

Ю.Н. Караулов является инициатором создания, одним из разработчиков и руководителем (1985—1990 гг.) «Машинного фонда русского языка» как системы комплексной автоматизации лингвистических исследований, представления русского языка в новой информационной компьютерной среде, позволившей сформировать современное видение языковых проблем информационного общества XXI века.

Юрий Николаевич Караулов — основоположник и руководитель ведущей научной школы «Русская языковая личность». Программа этой научной школы включает такие активно разрабатываемые в современной лингвистике исследовательские направления, как:

- Языковая личность: когнитивные и концептуальные структуры языкового сознания и их эволюция в связи с изменениями, происходящими в национальной культуре и обществе;
- Этнокультурная специфика языковой личности — языковые показатели русской картины мира, ментальности и русского национального характера;
- Межкультурное и межэтническое сопоставление языкового сознания — типологические параметры;
- Речевой образ повседневного языкового существования рядового носителя русского языка. Типология языковых личностей: социальные, территориальные, исторические, профессиональные, гендерные, возрастные вариации;
- Языковая личность художника слова. Лексикографическая параметризация языка писателя;
- Разработка компьютерной технологии функционирования когнайзера в разных режимах, имитирующего порождение речевых произведений языковой личностью.

Юрий Николаевич Караулов успешно сочетал свою научную и административную деятельность с преподаванием. В частности, он в течение многих лет вел спецкурс «Языковая способность: формирование и функционирование» на кафедре общего русского языкознания филологического факультета РУДН, руководил аспирантами. Он щедро делился своими яркими и плодотворными научными идеями со своими учениками, вёл аспирантский семинар в Институте русского языка. И сегодня не только его бывшие аспиранты и докторанты, но и ученики учеников Юрия Николаевича, его «научные внуки», продолжают развивать его идеи.

Являясь выдающимся представителем отечественной гуманитарной науки, Ю.Н. Караулов получил признание и известность не только в России — орден «Дружбы народов» (1986), Государственная премия АН СССР (1974), премия Президента РФ в области образования (2003), но и за рубежом. Он является обладателем степени «доктора honoris causa» Хельсинкского университета (1990) и почетным доктором Университета Комплунтенсе (Мадрид, Испания).

Но никакие должности, научные успехи и регалии не мешали Юрию Николаевичу оставаться по-настоящему интеллигентным, скромным и обаятельным человеком, с тонким чувством юмора и самоиронии.

Отмечая юбилей Юрия Николаевича Караулова, мы — его коллеги и ученики, все те, кому посчастливилось встретиться с ним на жизненном пути, вспоминаем о нем с теплым чувством благодарности и радости от сознания того, что сегодня его научные идеи успешно развиваются и находят широкое признание в отечественной лингвистике.

Библиографический список

1. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. М., 1976.
2. *Караулов Ю.Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981.
3. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
4. *Караулов Ю.Н.* Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. М., 1992.
5. *Караулов Ю.Н.* Ассоциативная грамматика русского языка М.: Русский язык, 1993.
6. *Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н.* Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. Московский государственный лингвистический ун-т, Ведущая научная школа «Русская языковая личность». М.: Азбуковник, 2009.
7. *Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л., Коробова М.М., Осокина Е.А., Ружицкий И.В., Цыб Е.А., Шепелева С.Н.* Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Москва, 2008. Том 1 А—В.
8. *Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л., Коробова М.М., Осокина Е.А., Ружицкий И.В., Цыб Е.А., Шепелева С.Н.* Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Москва, 2010. Том 2 Г—З.
9. Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. И—М / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2012.
10. Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Н—По / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Главный редактор чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов; науч. ред. И.В. Ружицкий. М.: Азбуковник, 2017.

References

1. Karaulov, Yu.N. (1976). General and Russian ideography. Moscow. (In Russ.).
2. Karaulov, Yu.N. (1981). Linguistic construction and literary language thesaurus. Moscow: Nauka. (In Russ.).
3. Karaulov, Yu.N. (1987). Russian language and linguistic personality. Moscow. (In Russ.).
4. Karaulov, Yu.N. (1992). Pushkin's Dictionary and the Evolution of Russian Language Ability. Moscow. (In Russ.).
5. Karaulov, Yu.N. (1993). Associative grammar of the Russian language Moscow: Russkij jazyk. (In Russ.).
6. Karaulov, Yu.N. & Filippovich, Yu.N. (2009). Linguocultural consciousness of the Russian language personality. Modeling the state and functioning. Moscow State Linguistic University, Leading scientific school "Russian language personality". Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).
7. Karaulov, Yu.N., Ginzburg, E.L., Korobova, M.M., Osokina, E.A., Ruzhitsky, I.V., Tsyb, E.A. & Shepeleva, S.N. (2008). Dictionary of the Dostoevsky language. Idioglossary. Volume 1 A—B. Moscow. (In Russ.).
8. Karaulov, Yu.N., Ginzburg, E.L., Korobova, M.M., Osokina, E.A., Ruzhitskiy, I.V., Tsyb, E.A. & Shepeleva, S.N. (2010). Dictionary of the Dostoevsky language. Idioglossary. Volume 2 G—Z. Moscow.
9. Karaulov, Yu.N. (Ed.) (2012). Dictionary of Dostoevsky's language. Idioglossary. Volume 3 I—M. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).
10. Karaulov, Yu.N. (Ed.), Ruzhitsky, I.V. (2017). Dictionary of Dostoevsky's language. Idioglossary. Volume 4 N—Po. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Чулкина Нина Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: психолингвистика, лингвокультурология, лексикография; *e-mail*: nina.tchulkina@yandex.ru.

Денисенко Владимир Никифорович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания филологического факультета РУДН; *сфера научных интересов*: семантические и когнитивные исследования языка; теория семантического поля; контрастивный и сравнительный языковой анализ; *e-mail*: denisenko-vn@rudn.ru.

Information about the authors:

Chulkina Nina Leonidovna, a Doctor of philology studies, Associate professor, Professor of the department of general and Russian linguistics of RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia); *Research Interests*: psycholinguistics, linguoculture, lexicography; *e-mail*: chulkina-nl@rudn.ru.

Vladimir N. Denisenko, DSc. in Philology, Full Professor, Head of the General and Russian Linguistics Department, Philological Faculty, RUDN University. The sphere of research includes semantic and cognitive language studies, theory of semantic fields, contrastive and comparative linguistic analyses; *e-mail*: denisenko-vn@rudn.ru.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
